

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

Артур КОНАН-ДОЙЛЬ

Тень Бонапарта

Annotation

Удивительно — но факт! Среди произведений классика детективного жанра сэра Артура Конан-Дойля есть книга, посвященная истории Франции времен правления Наполеона.

В России «Тень Бонапарта» не выходила несколько десятилетий, поскольку подверглась резкой критике советских властей и попала в тайный список книг, запрещенных к печати. Вероятнее всего, недовольство вызвала тема — эмиграция французской аристократии.

Теперь вы можете сполна насладиться лихо закрученными сюжетами, погрузиться в атмосферу наполеоновской Франции и получить удовольствие от встречи с любимым автором.

- [Артур Конан Дойль](#)
 -
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)

- [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Глава пятнадцатая](#)
 - [Глава шестнадцатая](#)
 - [Глава семнадцатая](#)
 -
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
-

Артур Конан Дойль
Дядюшка Бернак
(Мемуары адъютанта
французского императора)

Глава первая

Берег Франции

Смело могу сказать, что я прочел письмо дядюшки не менее ста раз, и уверен, что выучил его наизусть. И все же, когда суденышко контрабандистов на всех парусах мчало меня к берегам Франции, я снова вынул письмо из кармана и, прислонясь к борту, внимательнейшим образом принялся читать, словно видел его впервые.

Письмо было написано резким, угловатым почерком — так и должен писать человек, начавший жизненный путь деревенским

стряпчим, — и адресовано мне — Луи де Лавалю. В качестве почтальона выступил некий Вильям Харгрев, хозяин гостиницы «Зеленый молодец» в Эшфорде, графство Кент. Он регулярно получал изрядное количество бочек контрабандного коньяка из Нормандии. С очередной партией незаконного товара передали и это письмо.

*«Мой дорогой
племянник Луи, — гласило
оно, — после кончины
твоего бедного отца ты
остался один в целом
свете, и я уверен, ты не
захочешь продолжать*

вражду, которая исстари
ведется в нашей семье. В
дни революции твой отец
открыто перешел на
сторону короля, тогда как
я всегда оставался на
стороне народа. Ты
знаешь, к каким печальным
последствиям привел
поступок твоего отца: ему
пришлось покинуть родину,
и принадлежавшее вам
имение Гробуа перешло ко
мне.

Я понимаю, как
тяжело тебе было
примириться с потерей
родового имени, но

признай — все же лучше
видеть это имение в руках
родственника, чем
посторонних людей. Смею
заверить, что у меня,
брата твоей матери, ты
встретишь только любовь
и уважение. А теперь
позволь мне дать тебе
несколько полезных
советов.

Ты знаешь, я всегда
был республиканцем, но с
течением времени осознал,
что любая борьба против
власти Наполеона
обречена на провал,
поэтому я предпочел

*перейти к нему на службу;
недаром говорят: с волками
жить — по-волчьи выть.*

*Наполеон умеет
ценить талантливых
людей, и я быстро
заслужил его доверие;
мало того, я стал его
самым близким другом, и
он сделает все, что я
попрошу. Ты, вероятно,
знаешь, что в настоящее
время Наполеон, во главе
своей армии, находится
всего в нескольких милях от
Гробуа. Если бы ты
захотел поступить к нему
на службу, несомненно, он*

забыл бы о ненависти
твоего отца и не
отказался бы вознаградить
услуги твоего дяди.
Несмотря на то, что твое
имя в глазах Императора
несколько запятнано, я
имею на него достаточно
большое влияние, чтобы
изменить его мнение.
Доверься мне и приезжай,
ибо вполне можешь
положиться на преданного
тебе дядю.

Ш. Бернак».

Собственно говоря, меня

поразило и взволновало не само письмо, а то, что я нашел на обороте. Письмо было запечатано четырьмя печатями красного сургуча: очевидно, дядя употребил для этого большой палец, потому что на сургуче ясно виднелись следы грубой, облупившейся кожи. А на одной из печатей было написано по-английски: «*Не приезжай*». Если эти слова были поспешно нацарапаны дядей ввиду каких-нибудь неожиданных изменений, то к чему было посылать письмо? Скорее, меня предостерегал неизвестный друг, тем более что письмо написано по-французски, а загадочное предупреждение — по-английски.

Но печати не были сломаны, стало быть, в Англии никто не знал содержание письма.

И вот, сидя под парусом и глядя на зеленоватые волны, с мерным плеском ударявшиеся о борт судна, я стал припоминать все, что мне было известно о далеком дяде — г-не Бернаке.

Мой отец, гордившийся своим происхождением из стариннейшего рода Франции, женился на девушке редкой красоты и прекрасных душевных качеств, но из менее знатной семьи. Правда, она никогда не давала ему повода раскаиваться в своем выборе; зато ее брат, человек низкий, был невыносим своей

рабской угодливостью в пору благоденствия нашей семьи и злобной ненавистью в тяжелые дни. Во время революции он восстановил крестьян против моего отца, и тот оказался вынужден бежать из родного имения и покинуть пределы Франции. Затем мой дядя сделался ближайшим подручным Робеспьера в его самых страшных злодеяниях, за что и получил в награду наше родовое имение Гробуа.

После падения Робеспьера он перешел на сторону Барра, с каждой сменой правительства прибирая к рукам все новые и новые богатства. Из вышеприведенного письма сего достойного гражданина явствуется, что

ему благоволит сам император, хотя как-то не верилось, что человек со столь сомнительной репутацией, к тому же бывший республиканец, мог оказать существенную услугу императору.

Вам, вероятно, интересно знать, почему я все-таки принял предложение дядюшки, предавшего моего отца и остававшегося врагом нашей семьи на протяжении многих лет? Теперь это легче объяснить, чем тогда. Мы — я имею в виду молодое поколение — чувствовали полнейшую бесполезность продолжать раздоры стариков. Мой отец, казалось, навсегда остался в 1792 году. Он сохранил в

неприкосновенности мысли и чувства той эпохи. Он словно окаменел, пройдя через это горнило.

Но мы, выросшие на чужой земле, сознавали, что жизнь ушла далеко вперед, что пора перестать жить далеким прошлым и не терзаться воспоминаниями о счастливых годах, проведенных в родном гнезде. Мы пришли к убеждению, что надо забыть раздоры и распри старшего поколения. Для нас Франция уже не была страной кровожадных санкюлотов, страной бесчисленных казней на гильотине. То время кануло в Лету.

В нашем воображении родная земля представала в ореоле славы;

теснимая со всех сторон врагами, Франция звала рассеянных повсюду сынов своих к оружию. Ее воинственный клич волновал сердца изгнанников и заставил меня принять предложение дяди, устремившись по водам Ла-Манша к берегам дорогой отчизны. Сердцем я всегда был во Франции и в мыслях боролся с ее врагами. Но пока был жив мой отец, я не смел открыто выказывать этих чувств: ему, сражавшемуся при Киброне под началом принца Конде, такая любовь показалась бы гнусной изменой.

Однако после его смерти ничто не могло удержать меня вдали от родины, тем более что и моя

возлюбленная, ставшая впоследствии моей женою, настаивала на необходимости исполнить свой долг перед отчизной. Она происходила из старинного рода Шуазе-лей, после своего изгнания возненавидевших Францию даже сильнее моего отца. Наши родители мало заботились о том, что происходило в душах их детей, и пока старики, сидя в гостиной, с грустью читали о новой Франции, мы с Эжени уединялись в саду, чтобы никто не мешал нам радоваться жизни. По вечерам мы сидели около дальнего окошка, скрытого зарослями кустов. Наши убеждения совершенно не совпадали со взглядами окружающих; мы

чувствовали свою отчужденность, которая, собственно, и сблизила нас. Мы ценили друг друга, находя в нашей дружбе нравственную поддержку и утешение в трудные минуты. Я делился с Эжени своими мыслями и планами, а она не давала мне впасть в уныние. Между тем время шло, и вот я получил письмо от дяди.

Была и другая причина, заставившая меня принять дядюшкино приглашение: положение изгнанника нередко доставляло мне невыразимые мучения. Я не мог пожаловаться на англичан вообще. По отношению к нам, эмигрантам, они выказали столько сердечной

теплоты, столько истинного радушия, что, думаю, не найдется никого, кто не сохранил бы о стране, приютившей нас, и ее обитателях самого теплого воспоминания. Но в любом месте, даже в столь культурном, как Англия, всегда найдутся люди, которые испытывают непонятное наслаждение, оскорбляя других; они с радостью отворачиваются от попавших в беду ближних. Даже в патриархальном Эшфорде нашлось немало людишек, которые всячески старались досаждать эмигрантам, отравляя нашу и без того нелегкую жизнь. К их числу относился и молодой кентский помещик Фарлей,

наводивший на город ужас своим буйством. Он не мог спокойно пропустить ни одного из нас, не сказав вдогонку что-нибудь обидное, притом не по адресу французского правительства, как это водится у английских патриотов; нет, его оскорбления задевали нас как французов. Часто нам приходилось с видимым безразличием выносить его гнусные выходки, подавляя праведный гнев. Молча выслушивали мы все его насмешки и издевательства, но пришел день, когда чаша моего терпения переполнилась и я решил проучить негодяя. Однажды вечером мы собрались за ужином в гостинице

«Зеленый молодец». Фарлей был там же; опьянев почти до невменяемости, он, по обыкновению, стал выкрикивать оскорбления в наш адрес. Я заметил, что Фарлей не сводил с меня глаз, следя за тем, какое впечатление производит на меня его брань.

— А теперь, господин Лаваль, — вдруг крикнул он, грубо положив руку мне на плечо, — позвольте предложить вам тост, к которому вы не откажетесь присоединиться. За Нельсона, пусть он наголову разобьет французов!

Фарлей стоял передо мною с бокалом и нагло смеялся; вероятно, он ждал, что я откажусь.

— Хорошо, — сказал я, — но с условием, что и вы выпьете со мной за то, что потом предложу я.

— Прекрасно, — сказал он, чокаясь со мной. Мы выпили. — Ну а теперь, мусью, давайте ваш тост, — сказал Фарлей.

— Налейте себе.

— Уже налил.

— За победу французского оружия над Нельсоном!

Ответом был бокал вина, брошенный мне в лицо. Через час мы уже дрались на дуэли. Я прострелил ему плечо, и ночью, когда я пришел к заветному окошку, Эжени вплела в мои волосы несколько веток лавра, в изобилии росшего вокруг.

Местные власти не сочли нужным вмешиваться в нашу ссору. Тем не менее мое дальнейшее пребывание в городе стало невозможным; это обстоятельство и явилось последним толчком, побудившим меня, не колеблясь, принять предложение дядюшки вопреки странному предостережению, которое я нашел на конверте его письма. Если влияние дяди на императора было действительно столь велико, что я мог вернуться на родину, и Наполеон великодушно забыл о причине изгнания нашей семьи, то тогда исчезала единственная преграда, отделявшая меня от родной земли.

Итак, парусное судно несет меня к берегам, где я некогда наслаждался счастьем в кругу семьи. Я пребывал в глубокой задумчивости, вспоминая прошлое и строя планы на будущее, как вдруг мои размышления были прерваны: шкипер грубо тянул меня за рукав.

— Вам пора сходить, мистер, — сказал он.

В Англии я привык сносить оскорбления, никогда не теряя чувства собственного достоинства. Я осторожно оттолкнул его руку и сказал, что до берега еще весьма далеко.

— Поступайте как знаете, господин хороший, — бесцеремонно

ответил он, — но я дальше свой корабль не поведу. Так что, если вам нужно на берег, залезайте в лодку или отправляйтесь вплавь.

Все мои доводы, в том числе и напоминание, что я заплатил за переезд до самой Франции, оказались тщетными. Умолчал я лишь о том, что деньги, врученные ему, были получены мною за часы, принадлежавшие трем поколениям де Лавалей и проданные теперь одному ростовщику в Дувре.

— Ну хватит! — вдруг крикнул он. — Эй, убрать парус! А вы, мистер, или покиньте корабль, или возвращайтесь со мной в Дувр. Впереди рифы, и я не собираюсь

рисковать «Лисицей» в такой зюйд-ост: он того и гляди перейдет в шторм.

— В таком случае я предпочту сойти, — сказал я.

— Учтите только: это может стоить вам жизни, — заметил он и разразился таким вызывающим смехом, что я чуть не бросился на нахала. Но что делать? — среди матросов, быстро пускающих в ход кулаки, я был совершенно беспомощен. Маркиз Шамфор рассказывал мне, что когда он, став эмигрантом, поселился в Саттоне, ему выбили зубы за попытку возразить подобным господам. Увы, мне пришлось примириться с

печальной необходимостью, и, пожав плечами, я спустился в приготовленную мне лодку. С борта сбросили мои пожитки. Только представьте себе: наследник именитого рода де Лавалей путешествует с узелком вместо багажа! Два матроса оттолкнули лодку и сильными, мерными ударами весел направили ее к берегу.

Ночь, по-видимому, грозила неминуемым штормом. Черные тучи, закрывшие последние лучи заходящего солнца, внезапно превратились в клочья, и те быстро мчались по небу во все стороны, заволакивая его густой мглой. На западе, подобно гигантскому

пламени посреди черных клубов дыма, мглу прорезывал багрово-огненный закат. Матросы с тревогой поглядывали то на небо, то на берег. Я боялся, что они, опасаясь шторма, повернут назад. Каким смятением наполнялась моя душа, когда кто-нибудь из них тревожно всматривался в небо! Чтобы отвлечь их внимание, я начал расспрашивать их об огнях, все чаще загоравшихся во тьме.

— К северу отсюда лежит Булонь, а к югу — Этабль, — вежливо ответил один из гребцов.

Булонь! Этабль! В избытке радости я не находил слов. Сколько светлых, радостных картин вставало

передо мной! Ребенком меня возили в Булонь на летние купания. Никогда не забыть мне милого прошлого, когда я, совсем еще дитя, чинно вышагивал рядом с отцом по берегу моря. Как удивлялся я тому, что рыбаки отворачивались, едва завидев нас! Об Этап-ле у меня остались иные воспоминания: именно оттуда нам пришлось бежать в Англию. И пока мы шли, покидая собственный дом, обреченные на изгнание, мучимые сознанием предстоящих бедствий и унижений, народ, неистово шумя, толпился на мысе, далеко выдававшемся в море, и провожал нас взорами, исполненными ненависти и злобы.

Наверное, до самой смерти не забыть мне тех минут! Иногда отец оборачивался и повелительным тоном приказывал им остановиться. И тогда я присоединял свой детский голосок к его мощному голосу, ибо из толпы, охваченной слепой яростью, в нас полетели камни, и один попал матери в ногу. Да и мы сами обезумели от гнева и ужаса...

Наконец-то я снова увижу родину, где протекло мое детство! Вот она — Франция; всего в десяти милях находится мой собственный замок, мои собственные земли в Гробуа, которые принадлежали нашему роду задолго до того, как французы во главе с Вильгельмом

Завоевателем отправились отсюда покорять Англию.

Как я вперял свой взор в окружающую нас тьму, силясь рассмотреть далекие башни нашего замка! Один из моряков совершенно иначе истолковал мои действия и, стараясь угадать мою мысль, заметил:

— Очень удобный, уединенный берег. Здесь многие нашли убежище. Я им тоже помогал, как и вам.

— За кого же вы меня принимаете? — недоуменно спросил я.

— Это не мое дело, сударь. Существуют занятия, о которых не принято говорить вслух.

— Неужели вы считаете меня контрабандистом?

— Вы это сами сказали. Да впрочем, не все ли равно? Наше дело доставить вас на берег.

— Даю честное слово, что вы ошибаетесь! Я не контрабандист.

— Значит, вы беглый арестант.

— Нет!

Моряк задумчиво оперся о весло и с подозрением взглянул на меня.

— Да вы, случаем, не наполеоновский ли шпион? — резко спросил он.

— Шпион? Я?!

Мой тон рассеял его гнусное подозрение.

— Ну да ладно, — сказал он. —

Тогда только совсем в толк не возьму, кто вы такой. Но, окажись вы шпионом, я б и пальцем не пошевелил, чтоб перевезти вас. И плевать мне на приказ шкипера!

— Не забывай, что нам грех жаловаться на Бонапарта, — низким хриплым голосом заметил второй гребец, молчавший до сих пор, — он всегда был добр к нам.

Меня очень удивили его слова, потому что в Англии ненависть к французскому императору достигла апогея; все слои населения объединились в своей ненависти и презрении к нему. Но матрос не замедлил пояснить свою мысль.

— Сейчас положение бедных

моряков стало лучше, мы в состоянии свободно вздохнуть, и за все спасибо Бонапарту, — сказал он. — Купцы уже получили свое, теперь и наш черед.

Я вспомнил, что Бонапарт завоевал определенную популярность среди контрабандистов, которые прибрали к рукам всю торговлю Ла-Манша. Моряк указал мне на черные, мрачные волны бушующего моря.

— Бонапарт сейчас вон там, — сказал он.

Читатель, ты живешь в более спокойное время, и тебе трудно понять, почему при этих словах невольная дрожь пробежала по

моему телу. Всего десять лет назад мы впервые услышали его имя. Вдумайтесь, всего десять лет! Простому смертному хватило бы их только на то, чтобы стать офицером, а Бонапарт за это время из безвестного стал великим. Первый месяц все спрашивали друг друга, кто он, а в следующий он как опустошающий вихрь пронесся по Италии. Под ударами смуглого и не слишком воспитанного выскочки пали Генуя и Венеция. На поле битвы он внушает непреодолимый страх солдатам, а в спорах с политиками и министрами всегда выходит победителем. С безумной отвагой устремляется он на Восток, и, пока

все изумляются небывалому походу, превратившему Египет во французскую провинцию, Бонапарт уже снова в Италии и наголову разбивает австрийцев.

Он переходит с места на место почти с такой же быстротой, с какой распространяется слух о его появлении. И где бы он ни появился, враги его терпят поражения. Карта Европы, благодаря его завоеваниям, значительно изменила свой облик: Голландия, Савойя, Швейцария существуют теперь только номинально, на самом деле эти страны — часть Франции. Владения Франции врезались в Европу по всем направлениям. Этот артиллерийский

офицер достиг высшей власти в стране и без малейшего усилия раздавил революционную гидру, пред которой трепетали король и дворянство Франции.

Бонапарт продолжал войну, а мы следили за его молниеносными, как орудия рока, походами; его имя всегда связывалось с новыми подвигами и успехами. В конце концов мы стали смотреть на него как на человека сверхъестественного, покровительствующего Франции и угрожающего всей Европе. Присутствие этого исполина, казалось, ощущалось на всем материке, и обаяние его славы, его власти и силы было так для меня

неотразимо, что, когда моряк, показав в сторону темнеющей бездны моря, воскликнул: «Бонапарт сейчас там!» — во мне мелькнула безумная мысль: не увижу ли я там исполинскую фигуру, гения стихий, исполненного угрозы, замышляющего что-то ужасное и носящегося над водами Ла-Манша?^[1] Даже теперь, по прошествии стольких лет, после всего, что случилось, и после известия о падении Наполеона, я чувствую на себе неизбывную власть его обаяния. Что бы вы ни читали и что бы вы ни слышали об императоре, вы не в силах понять, чем было для нас его имя в те дни, в дни его славы!

Мы приближались к долгожданному берегу. На севере тянулся низкий мыс (названия его не припомню); в вечернем освещении его сероватые очертания меняли свой цвет на тускло-красное сияние остывающего раскаленного железа. В эту штормовую ночь темные воды, то видимые, то, казалось, исчезающие, когда лодка, взлетала на гребень волны, словно таили в себе какое-то смутное предостережение. Полоса красных огней на суше походила на огромную шпагу, указывающую в сторону Англии.

— Что это? — не выдержал я.

— Мы уже говорили вам, сэр, — ответил моряк. — Одна из армий

Бонапарта с ним самим во главе. Это
огни его лагеря. Дальше до Остенде
будет еще с дюжину таких же
лагерей. Этот малыш Наполеон,
пожалуй, двинется на Англию, если
сумеет усыпить бдительность
Нельсона. Бонапарт ждет лишь
удобной минуты, но пока что удача
от него отвернулась.

— Откуда же лорд Нельсон
получает известия о Наполеоне? —
спросил я, сильно заинтригованный
последними словами матроса.

Тот молча указал мне куда-то
поверх моего плеча, казалось, в
беспредельную мглу; но,
приглядевшись повнимательнее, я
рассмотрел три слабо мерцавших

огонька.

— Сторожевые суда, — пояснил он хриплым голосом.

— «Андромеда», сорок четыре орудия, — добавил его товарищ.

Моему воображению ярко освещенный берег и огни на море представились вдруг как стоящие лицом к лицу гении-великаны, властители двух враждебных друг другу стихий — суши и моря, готовые сразиться в последней исторической битве, которая изменит судьбу народов Европы. И я, француз душою, не мог не понимать, что исход этой битвы уже предрешен! Борьба между вымирающей нацией, численность которой сокращается, и

нацией быстро растущей, с сильным, энергичным молодым поколением, в котором жизнь бьет ключом. Падет Франция — и она вымрет; если будет побеждена Англия, то вместе с ее кровью множество народов воспримет ее язык, ее обычаи! Какое громадное влияние окажет она на историю!

Очертания берега становились резче, и все отчетливее слышался шум прибоя. Вдруг из мглы выскользнула длинная лодка и направилась прямо к нам.

— Сторожевая лодка! — воскликнул один из моряков.

— Билл, мы попались! — ответил второй, пряча что-то в сапог.

Но лодка быстро скрылась из виду: со всей стремительностью, какую ей могли сообщить четыре пары весел в руках самых лучших гребцов, она понеслась в другом направлении. Моряки следили за нею, и их лица прояснились.

— Да они, видать, чувствуют себя не лучше нашего, — сказал один из них. — Уверен, это разведчики.

— Сдается мне, сегодня вы не один пожелали высадиться на этом берегу, — заметил его товарищ. — Но кто бы это мог быть?

— Будь я проклят, если знаю! Из-за них пришлось ссыпать в сапог добрый мешок тринидадского табака. Я уже имел счастье познакомиться с

французской тюрьмой изнутри и не стремлюсь побывать там снова. Поднажмем, Билл!

Спустя несколько минут лодка с неприятным стуком врезалась в песчаный берег. Пожитки мои выбросили на берег, и скоро я очутился рядом с ними. Один из моряков толкнул лодку в воду, прыгнул в нее, и мои спутники стали стремительно удаляться от берега.

Кровавый отблеск огней на западе пропал, грозовые тучи застлали все небо, густая черная мгла нависла над океаном. Пока я следил за удалявшейся лодкой, резкий, сырой, пронизывающий ветер дул мне в лицо. Его завываниям вторил

глухой рокот моря.

Вот так, ночью и в шторм, ранней весной 1805 года я, Луи де Лаваль, на двадцать первом году жизни после тринадцатилетнего изгнания вернулся в страну, где наш род в течение многих веков был украшением и опорой престола. Неласково обошлась с нами Франция: за верную службу она отплатила оскорблениями, изгнанием и конфискацией имущества. Но все было забыто, когда я, единственный оставшийся в живых из рода де Лавалей, опустился на колени на священной для меня родной земле, прильнул губами к влажному гравию и мне в лицо

ударил резкий запах водорослей.

Глава вторая

Соляное болото

Когда человек достиг зрелого возраста, ему всегда приятно оглянуться назад, вспомнить пройденный длинный путь, принесший и беды, и радости. Словно лента разворачивается он перед ним — то освещенный яркими лучами солнца, то скрывающийся в тени. Человек знает теперь, куда и зачем он шел, ему видны все повороты и извилины этого пути, порой таившие в себе угрозу, порой сулившие путнику покой и отдых; таким простым и ясным все кажется

ему.

Много лет прошло, но та ночь встает предо мной с поразительной ясностью. Даже сейчас, случись мне оказаться на берегу моря, когда солоноватый запах морских водорослей щекочет ноздри, я невольно переношусь мыслями к мрачной бурной ночи, к тому влажному песчаному берегу отчизны, так неласково встретившей меня.

Когда я наконец поднялся с колен, первым моим движением было запрятать подальше кошелек. Я вытащил его, чтобы дать золотой моряку, высадившему меня, хотя несколько не сомневался, что этот

молодец был не только богаче меня, но и имел куда более постоянные доходы. Сначала я вынул серебряные полкроны, но не мог заставить себя дать ему эту монету, и в результате лишился десятой части своего состояния, отдав ее совершенно постороннему человеку. Остальные девять соверенов я тщательно спрятал обратно и, присев на совершенно плоскую скалу, хранившую следы морского прилива, который, однако, никогда не достигал самого верха, стал обдумывать свое положение. Необходимо было что-то делать. Страшно хотелось есть. Холод и сырость пробирали меня до костей;

резкий, пронизывающий ветер дул прямо в лицо, обдавая с ног до головы брызгами. Но от сознания того, что я уже не завишу от милости врагов моей отчизны, сердце мое радостно забилося.

Положение мое было не из легких. Я хорошо помнил, что наш замок находился милях в десяти отсюда. Но явиться туда в столь поздний час растрепанным, в мокром и грязном платье! Нет, против этого восставала вся моя гордость. Я представил себе пренебрежительные лица дядюшкиных слуг при виде оборванного странника из Англии, возвращающегося в родовой замок.

Нет, мне нужно найти приют на ночь и только потом, приняв по возможности приличный вид, предстать перед моим родственником.

Но где же укрыться от бури? Вы, вероятно, спросите, почему я не направился в Булонь или Этапль. Увы, та же причина, которая заставила меня высадиться на этом берегу, мешала мне отправиться туда: имя де Лавалей значилось одним из первых в списке изгнанников. Мой отец возглавлял немногочисленную партию приверженцев старого порядка, имевших в стране довольно большое влияние. И, хотя я совершенно иначе смотрел на вещи, я

не мог презирать тех, кто жестоко поплатился за свои убеждения. Это совершенно особенная, весьма любопытная черта характера французов: мы умеем ценить людей, способных на самопожертвование. Мне нередко приходило на ум, что если бы приверженность старым порядкам не требовала от нас таких жертв, то у Бурбонов, возможно, было бы меньше сторонников из благородного сословия. Французское дворянство всегда относилось к Бурбонам с большим доверием, чем англичане к Стюартам. В самом деле, достаточно вспомнить, что у Кромвеля не было ни роскошного двора, ни денег, которые могли

привлечь на его сторону людей, оставивших королевскую службу.

Я не нахожу слов, чтобы выразить, сколь велика была самоотверженность дворян-эмигрантов. Однажды я присутствовал на ужине в доме моего отца; нашими гостями были два учителя фехтования, три преподавателя французского языка, садовник и, наконец, бедняк-литератор, постоянно державший руку на отвороте сюртука, чтобы скрыть зиявшую в нем дыру.

И эти восемь человек являлись представителями высшего дворянства Франции, они могли бы иметь все, что душе угодно, если бы

согласились забыть прошлое,
отказаться от своих взглядов и
примириться с новым
государственным устроением. Но
скромный и, к сожалению,
совершенно неспособный к
правлению государь увлек за собой в
изгнание верных ему Монморанси,
Роганов и Шуазелей; некогда они
разделяли его величие, а теперь
последовали за ним в его падении.
Темные комнаты изгнанного монарха
могли гордиться лучшим
украшением, чем бесконечные
гобелены или севрский фарфор.
Прошло много-много лет, а я, как
сейчас, вижу аристократичных, но
бедно одетых людей и благоговейно

склоняю голову перед
благороднейшими из благородных,
которых знала наша история.

Появиться в любом приморском
городе прежде, чем я повидаяюсь с
дядей и узнаю, как он воспримет мой
приезд, значило бы просто отдаться в
руки жандармов, которые крайне
подозрительно относятся ко всем
прибывающим из Англии.

Добровольно прийти к
французскому императору — это
одно, а быть приведенным к нему
полицией — это уже совсем другое.
Наконец я решил, что самое лучшее в
моем положении — постараться
найти пустой сарай или что-то в
этом роде, где я смог бы

переночевать. Старики говорят: утро вечера мудренее; может быть, и я к утру придумаю, как попасть к дядюшке Бернаку, а через него и на службу к новому властителю Франции.

Ветер между тем крепчал, переходя в бурю. Царила такая тьма, что были едва видны белые гребни валов, с ревом разбивавшихся о берег. Суденышка, на котором я приплыл из Дувра, уже не было и помину. Вдали, насколько хватал глаз, тянулись низкие холмы. Когда я приблизился к ним, то понял свою ошибку: в полумраке размеры предметов искажались, и в действительности то были просто песчаные дюны, на

которых кое-где темными пятнами выделялись кусты терновника.

Я медленно побрел через дюны, неся узелок с пожитками на плече и с трудом передвигая ноги по рыхлому песку. Ползучие растения цеплялись за ноги, и я часто оступался. Забыв, что мое платье промокло, а руки заледенели, я думал о страданиях, выпавших на долю моим родителям. Меня занимала мысль, что настанет день, когда мои дети тоже будут с воодушевлением вспоминать о том, что случилось здесь со мной — ведь во французских дворянских семьях история рода свято сберегается в памяти потомков, — и мой пример

поможет им в трудную минуту.

Мне казалось, что дюны никогда не кончатся, но когда я наконец оставил их позади, мне вдруг непреодолимо захотелось вернуться обратно. Дело в том, что в этом месте море далеко вдается в берег, и приливы образовали необозримое унылое соляное болото, которое, вероятно, и при дневном свете не придавало бодрости путнику, а в такую мрачную ночь и подавно лишало сил. Сначала меня неприятно поразила болотистость почвы, под ногами раздавалось хлюпанье, и с каждым шагом я проваливался в вязкую тину. Скоро она уже достигала мне до колен, и я с трудом

вытаскивал ноги.

Как охотно вернулся бы я назад к дюнам, бросив искать более удобный путь. Я окончательно утратил представление о том, где нахожусь, и в шуме бури мне казалось, что рокот моря раздается уже с другой стороны. Ориентироваться по звездам я не умел. Да впрочем, в том не было и нужды, потому как звезд на небе сверкало немного, да и те ежеминутно скрывались за быстро мчавшимися грозowymi тучами.

Я продолжал брести через болото, мокрый и усталый, все глубже и глубже увязая в тине. Невольно мне пришла в голову мысль, что моя первая ночь во

Франции будет и последней и что я, наследник рода де Лавалей, обречен погибнуть в отвратительном болоте. Немало миль прошел я таким образом; иногда слой тины становился меньше, но ни разу я не выбрался на совершенно сухое место.

Вдруг я заметил предмет, который заставил мое сердце забиться еще тревожнее. Я начал бояться, что хожу по замкнутому кругу, из которого мне не выбраться. Мне показалось, что беловатый кустарник, неожиданно вставший передо мною из тьмы, я уже видел час назад. Чтобы удостовериться в этом, я остановился; искра, выбитая ударом кремня, на мгновение

осветила болото, и в бурой грязи я ясно увидел свои собственные следы.

Итак, мои худшие опасения подтвердились. В отчаянии я устремил взор в небеса и впервые за эту ночь увидел клочок светлого неба. Месяц выглянул из-за тучи лишь на минуту, но я успел разглядеть в небе силуэт, похожий на длинную римскую цифру V или на наконечник стрелы. Приглядевшись повнимательнее, я понял, что это была стая диких уток. Они направлялись в ту же сторону, что и я. В Кенте мне не раз доводилось видеть, как эти птицы в ненастную погоду удаляются от моря и летят внутрь страны. Теперь я не

сомневался, что иду в нужном направлении. Ободренный этим открытием, я вновь устремился вперед, стараясь не сбиваться с прямого пути и с большими предосторожностями делая каждый шаг.

Наконец, после почти получасового блуждания мое упорство было вознаграждено: впереди гостеприимно засветилось маленькое окошко.

Каким ослепительным показался мне этот огонек, суливший пищу и отдых! Он вернул меня, несчастного скитальца, к жизни. Из последних сил я бросился вперед. Я до того продрог и измучился, что

даже не подумал о том, прилично ли проситься на ночлег в столь поздний час. Впрочем, не стоило сомневаться, что золотой соверен заставит рыбака или отшельника, живущего среди непроходимых болот, не слишком задумываться о моем подозрительном появлении.

Приближаясь к домику, я все больше и больше удивлялся тому, что болото не кончается, а, наоборот, становится глубже, и, когда месяц показывался из-за туч, можно было разглядеть, что жилище расположилось посреди трясины и со всех сторон его — черная вода. Я уже мог рассмотреть, что свет лился из маленького четырехугольного

окошка. Время от времени кто-то подходил к окну, заслоняя свет. Судя по очертаниям головы, это был мужчина. Он напряженно всматривался во тьму.

Раза два этот человек даже выглядывал в окно, и было что-то странное в том, как он то появлялся в окне, то мгновенно исчезал. Я невольно удивился столь странному поведению и смутно почувствовал опасность. Непонятный хозяин и дом, расположенный почему-то в самой трясине, заинтриговали меня, и я решил, невзирая на усталость, понаблюдать за незнакомцем, прежде чем искать приюта под его кровлей.

Подойдя ближе, я увидел, что

дом был ветхий и давно нуждался в основательном ремонте, он буквально сиял из-за многочисленных щелей, сквозь которые лился свет. Я остановился, подумав, что, пожалуй, соляное болото куда безопаснее для отдыха, чем эта сторожка или скорее всего гнездо отчаянных контрабандистов, которым, как я уже не сомневался, принадлежало это уединенное пристанище.

Набежавшее облако скрыло месяц, и в полной тьме я без малейшего риска смог подкрасться к дому и заглянуть в оконце. Около полуразвалившегося камина, в котором ярко пылали дрова, сидел

поразительно красивый молодой человек; он углубился в чтение какой-то засаленной книжонки. Его продолговатое, смуглое лицо обрамляли густые кудри черных волос, волнами рассыпавшихся по плечам. В его наружности сказывалась натура утонченная, поэтическая. При всех своих опасениях, я ощутил радость, глядя на это прекрасное лицо, освещенное ярким пламенем, и чувствуя тепло и свет очага. Что может быть более притягательным для замерзшего и голодного путника?

Несколько минут я не сводил глаз с загадочного обитателя хижины: его полные чувственные

губы то и дело вздрагивали, словно он повторял прочитанное. Но вот он положил книгу на стол и снова приблизился к окошку. Заметив в потемках очертания моей фигуры, он издал радостное восклицание и приветливо замахал рукой. Дверь распахнулась, и его высокая, стройная фигура показалась на пороге. Черные как смоль кудри развевались по ветру.

— Добро пожаловать, дорогие друзья! — крикнул он и, вглядываясь в темноту, козырьком приставил к глазам руку, чтобы заслонить их от резкого ветра и носившегося в воздухе песка. — Я уж и не чаял увидеть вас сегодня, ведь прошло

битых два часа, как я здесь.

Вместо ответа я стал перед ним так, чтобы лицо мое оказалось освещено.

— Боюсь, сударь... — начал я, но договорить не успел, так как он отпрянул к двери и с треском захлопнул ее перед самым моим носом.

Эта грубость и быстрота движений до того не вязались с его наружностью, что я был просто ошеломлен. Но вскоре мое изумление возросло еще больше. Как я уже сказал, хижина давно нуждалась в ремонте, между трещинами и щелями пробивался свет, и во всю высоту двери около

петель тоже была щель. Через нее был виден дальний конец комнаты, где пылал камин. Молодой человек снова появился у огня, лихорадочно шаря руками у себя за пазухой, потом одним прыжком исчез за камином, и мне стали видны только его башмаки. Затем он опять подошел к двери.

— Кто вы такой? — с тревогой спросил он.

— Я заблудился.

Последовала пауза, словно он размышлял, что ему делать.

— Вряд ли это место столь привлекательно, чтобы остаться здесь на ночлег, — вымолвил он наконец.

— Я совершенно измучен, месье. Уверен, вы не откажете мне в приюте. Уже много часов я брожу по соляному болоту.

— Вы никого не встретили? — озабоченно спросил он.

— Нет.

— Отойдите от двери, чтобы я вас рассмотрел. Места здесь, сами понимаете, дикие, и времена нынче смутные. Так что приходится быть весьма осторожным.

Я отошел на несколько шагов, а он приотворил дверь ровно настолько, чтобы просунуть голову, и принялся молча меня разглядывать.

— Ваше имя?

— Луи Лаваль, — отвечал я,

сочтя благоразумным: опустить
дворянскую частицу «де».

— Куда вы идете?

— Мое единственное желание
найти какой-нибудь приют на ночь.

— Вы прибыли из Англии?

— Я пришел со стороны моря.

Он недоуменно покачал головой,
желая показать, как мало
удовлетворили его мои ответы.

— Вам нельзя здесь
оставаться, — сказал он.

— Но, может быть...

— Нет, нет, это невозможно!

— Тогда скажите хотя бы, как
выбраться из этого проклятого
болота?

— О, это совсем просто! В

нескольких сотнях шагов отсюда вы найдете деревню. Из болота вы уже почти выбрались.

Он вышел за порог, чтобы указать мне дорогу, и затем вернулся на прежнее место.

Я уже сделал несколько шагов в указанном направлении, оставив надежду на помощь негостеприимного хозяина, как вдруг тот позвал меня.

— Входите, Лаваль, — сказал он на сей раз совершенно иным тоном. — Я не могу бросить вас в такую ночь на произвол судьбы. Проходите к огню! стакан доброго коньяку укрепит вас и даст силы для дальнейшего пути.

Я положительно недоумевал, чем объяснить столь разительную перемену.

— От всей души благодарю вас, месье! — только и сказал я, последовав за ним в хижину.

Глава третья

Старая хижина

Как хорошо было сидеть подле ярко пылавших дров, укрывшись от пронизывающих до костей холода и ветра! Но скоро я и думать забыл о восхитительном тепле. Я пытался понять, что за человек приютил меня. Его дом-развалюха стоит почему-то посреди болота, и в такой поздний час он ждет гостей. Зачем он поспешил за камин? что там делал? — ни на один вопрос я не находил ответа! И, самое главное, почему он, захлопнув вначале дверь у меня перед носом, потом вдруг с

самой подкупающей сердечностью пригласил переночевать? Я был в полном недоумении, и мне страшно хотелось найти объяснение этим загадкам.

Однако я постарался скрыть свои чувства и сделал вид, что глубоко задумался о собственном бедственном положении и ничего вокруг не замечаю. Одного взгляда было достаточно, чтобы окончательно убедиться в правильности моего предположения: лачуга была совершенно непригодна для жилья и служила для тайных встреч. От постоянной сырости штукатурка на стенах облупилась, во многих местах

проступила зеленоватая плесень; в воздухе чувствовался резкий запах прели.

В единственной, довольно большой комнате мебели почти не было, если не считать расшатанного стола, трех деревянных ящиков, нескольких полусгнивших стульев и ветхого, едва ли на что-нибудь годного невода, лежавшего в углу. Прислоненный к стене топор и остатки четвертого ящика указывали, откуда взялись дрова для камина. Но мой взгляд все время возвращался к столу: там около лампы стояла корзинка, откуда соблазнительно выглядывали окорок, хлеб и горлышко бутылки.

Хозяин лачуги был подчеркнуто любезен, стараясь загладить прежнюю холодность и подозрительность. Но чем все-таки объяснить столь резкую перемену в обращении со мной?

Выразив сочувствие моему горестному положению, он придвинул к столу один из ящиков и отрезал мне хлеба и ветчины. На его чувственных губах играла самая искренняя, задумчивая улыбка, но темные, поразительной красоты глаза неотступно следили за мной, словно желая прочесть в моем лице, кто я и как сюда попал.

— Вы прекрасно понимаете, — заявил он с напускным

чистосердечием, — что в наше время каждому мало-мальски знающему свое дело коммерсанту приходится быть изобретательным — без этого никак нельзя заполучить нужные товары. Ведь император — дай ему Бог здоровья! — возымел желание положить конец свободной торговле, а значит, чтобы добыть кофе и табак, не платя пошлины, приходится забираться в такие вот трущобы! Смею вас уверить, что и в Тюильрийском дворце весьма почитают и то, и другое. Сам император выпивает ежедневно по десяти чашек мокко, прекрасно зная, что он во Франции не растет. Бонапарту известно и то, что страна,

где произрастает кофе, еще не завоевана. Так что, если бы купцы не рисковали, преодолевая подобные трудности, вряд ли стоило б ждать барышей от торговли. Вы, полагаю, тоже принадлежите к купеческому сословию?

Я ответил отрицательно и этим, кажется, еще сильнее разжег его любопытство. Я слушал и внимательно следил за ним, и по его бегающему взгляду понял, что он лжет. При ярком свете лампы он выглядел еще красивее, чем показался мне раньше, но красота его была не вполне совершенной: тонкие, женственные, идеально правильные черты портил рот, никак

не соответствовавший благородству верхней части лица. У него было умное и в то же время слабовольное лицо, выражение восторженного энтузиазма то и дело сменялось выражением полного бессилия и нерешительности. Чем больше я узнавал хозяина этой лачуги, тем менее был склонен доверять ему, хотя опасений он у меня не вызывал: почему-то я был вполне уверен в своей безопасности. Но вскоре мне пришлось горько раскаяться в своем легкомыслии.

— Вы, конечно, извините мою холодность, господин Лаваль, — сказал он. — С тех пор, как император побывал на берегу, там

всегда кишат полицейские агенты, поэтому купцам постоянно приходится быть начеку. Как вы понимаете, моя осторожность была вполне естественна: ваш вид и платье в подобном месте и в столь поздний час не внушали особого доверия.

Он, очевидно, ждал возражений, но я лишь скромно заметил:

— Повторяю, я просто заблудившийся путник. Я уже отдохнул и подкрепился и не стану более злоупотреблять вашим гостеприимством. Укажите только мне дорогу к ближайшей деревне.

— Думаю, вам лучше остаться здесь. Буря не утихает и скоро

разыграется не на шутку!

Словно в подтверждение его слов, сильный порыв ветра потряс хижину. Мой странный хозяин подошел к окну и принялся всматриваться в даль с таким же вниманием, что и до моего прихода.

— Было бы неплохо, месье Лаваль, — сказал он, глядя на меня с притворным дружелюбием, — если бы вы не отказали мне в одной существенной услуге: побыть здесь с полчасика в одиночестве.

— А зачем это? — спросил я, колеблясь между недоверием и любопытством.

— Говоря откровенно, — и он взглянул на меня с неподдельной

искренностью, — дело тут вот в чем: я жду компаньонов, но пока, как видите, совершенно напрасно. Я хочу пойти им навстречу: вдруг они заблудились. Но если они придут без меня, то вообразят, что я ушел, не дождавшись. Не согласитесь ли побыть здесь с полчаса, чтобы объяснить им причину моего отсутствия, если я случайно разминусь с ними по дороге?

Просьба его показалась мне вполне естественной, но что-то в его взгляде говорило мне, что и это ложь. Я раздумывал, принять его предложение или нет, поскольку оно давало мне возможность разгадать тайну хижины на болоте. Что

скрывалось за широкой каминной стенкой, и почему, завидев меня, он бросился туда? Мне не хотелось уходить, не выяснив этого.

— Вот и славно! — сказал он, воспользовавшись моей нерешительностью, и, нахлобучив черную шляпу с загнутыми полями, устремился к двери. — Я был уверен, что вы не откажете мне в этой просьбе. Надо спешить, не то я останусь без товара.

Он поспешно захлопнул за собою дверь, и шаги его замерли вдали, заглушенные ревом ветра. Так я оказался один в этом таинственном жилище, предоставленный самому себе и снедаемый желанием

разузнать все. Я раскрыл брошенную на столе книгу. Это был трактат Руссо «Об общественном договоре» — превосходное сочинение, вот только едва ли торговец, дожидаящийся условленной встречи с контрабандистами, стал бы читать подобные книги. Над заголовком значилось от руки «*Люсьен Лесаж*», а внизу женской рукой было приписано: «*Люсьену от Сибиллы*».

Итак, моего мнимо добродушного и скрытного хозяина звали Лесажем. Теперь мне осталось выяснить только одно, и притом самое интересное: что он спрятал в камине? Прислушавшись несколько

минут к звукам, доносившимся
снаружи, и убедившись, что не было
слышно ничего, кроме рева бури, я
стал на край решетки, как это делал
он, и перегнулся через нее.

Отсвет пламени скоро указал
мне предмет, который я искал. В
углублении, образовавшемся от того,
что один из кирпичей был вынут,
лежал маленький сверток.
Несомненно, именно его мой новый
приятель поспешил спрятать,
встревоженный появлением
постороннего. Я взял сверток и
поднес поближе к свету. Он был
завязан в маленький
четыреугольный кусок желтой
блестящей материи и перетянут

белой тесьмой. Когда я развязал его, в нем оказалась целая пачка писем и одна, довольно необычно сложенная бумага.

Когда я прочел адреса, у меня перехватило дыхание. Первое письмо было на имя гражданина Талейрана, остальные, написанные в республиканском стиле, были адресованы гражданам Фуше, Сульту, Макдональду, Бертье: передо мной предстал перечень знаменитых имен военных и дипломатических деятелей — столпов нового правления. Что общего мог иметь этот мнимый торговец со столь высокопоставленными лицами? Разгадка, несомненно, кроется в

другой бумаге. Я сложил письма, развернул бумагу и тут же понял, что соляное болото было для меня куда безопаснее, нежели эта проклятая хижина!

Взгляд мой сразу же наткнулся на такие слова:

«Сограждане!

*Последние события
доказывают, что тиран,
даже окруженный своими
войсками, не может
избегнуть мести
возмущенного и
оскорбленного народа!
Комитет Трех, временно
действующий от имени*

*Республики, приговорил
Бонапарта к той же
участи, которая постигла
Людовика Капета. В
качестве возмездия за
переворот 16 брюмера...»*

Я успел дочитать лишь до этого места, как вдруг почувствовал, что меня кто-то схватил за ноги, бумага выскользнула из моих рук. Чьи-то железные пальцы крепко схватили меня за щиколотки, и при свете угольев я увидел две огромные руки, покрытые густыми черными волосами. Я оцепенел от ужаса!

— Так, приятель, — прогремел надо мной чей-то голос, — вот

наконец-то ты и попался!

Глава четвертая

Ночные гости

Мне недолго пришлось размышлять о своем опасном положении: точно выхваченная с насеста курица, я был приподнят за ноги и со всего размаху выброшен на середину комнаты. Ударившись со всей силы спиной о каменный пол, я почти перестал дышать.

— Не убивай его, Туссак, — сказал чей-то мягкий голос, — сначала надо выяснить, кто он.

Я почувствовал страшное давление двух больших пальцев на своем подбородке в то время, как

остальные железным кольцом сдавили мне гортань — таким способом этот Туссак задрал мне голову до предела; еще бы чуть-чуть — и мне пришел бы конец.

— Еще четверть дюйма, и я сломаю ему шею, — прогрохотал голос, — уж поверьте моему опыту.

— Верю, верю, Туссак, только ты этого не делай, — повторил тот же вкрадчивый голос. — Я уже насмотрелся, как ты расправляешься с врагами, и до сих пор не в состоянии забыть этого жуткого зрелища!

Моя шея была вывернута так, что я не видел тех, от кого зависела моя участь, я мог только слышать их.

— Однако же приходится считаться с фактами, дражайший Шарль! Этот молодчик проник во все наши тайны, и вопрос теперь стоит так: или он, или мы.

На этот раз по голосу я узнал Лесажа.

— Отпусти его, Туссак, все равно он никуда не денется.

Неимоверная сила, давление которой я все время чувствовал на своей шее, приподняла и посадила меня, так что я смог осмотреться и разглядеть людей, во власти которых я оказался. Очевидно, на их совести лежало немало убийств, и, судя по их словам, они не остановятся еще перед одним. Я отлично понимал,

что посреди этой безлюдной соляной топи всецело нахожусь в их власти. Мне пришлось напомнить себе, какое я ношу имя, прежде чем я подавил в себе чувство смертельного ужаса.

Их было трое. Лесаж стоял у стола с той же засаленной книгой в руках и совершенно невозмутимо смотрел на меня. В его глазах читалась насмешка, а с нею и торжество человека, которому вполне удалось одурачить противника.

Около него на ящике сидел человек аскетического вида, лет пятидесяти: землистый цвет лица, ввалившиеся глаза, резко очерченные

губы, кожа, изборожденная морщинами и складками свисавшая под подбородком, чрезвычайно старили его. Одет он был в костюм табачного цвета, который не мог скрыть худобы его длинных ног. С грустью глядя на меня, он покачивал головой, и мне чудилось, что в его холодных глазах я нахожу какой-то намек на сочувствие.

Третий, Туссак, прямо-таки привел меня в трепет! Коренастый, с непомерно развитыми мышцами, огромные ноги искривлены, как у обезьяны; руки, которыми он все время держал меня за шиворот, казались мерзкими лапами. В остальном его облике также было

что-то звериное: борода начиналась прямо от глаз, и выражение его лица невозможно было определить, поскольку всклокоченные волосы торчали во все стороны, как солома. Во взгляде его больших темных глаз я читал свой приговор. Если тех двоих считать судьями, то этот, без сомнения, был палач.

— Когда он пришел? Кто он? Как нашел наше убежище? — спросил тот, который, казалось, мне сочувствовал.

— Сначала я принял его за вас, — ответил Лесаж. — Мне и в голову не приходило, что в такую адскую ночь кто-то может ходить по болотам. Поняв свою ошибку, я запер

дверь и спрятал бумаги в камин. Но через щель в двери видно все, что происходит внутри. Несомненно, он подсматривал за мной. Тогда я решил обмануть его и пригласил переночевать, чтобы выиграть время, дожидаться вас и вместе решить, что с ним делать.

— Черт возьми! Пара ударов топором да могилка подальше в этом болоте — и дело с концом! — сказал сидевший рядом со мною Туссак.

— Совершенно верно, дорогой Туссак, но зачем же сразу такие крайности? Осторожность нам не помешает. Что ж было дальше?

— Прежде всего я решил узнать, кто этот Лаваль.

— *Как*, ты говоришь, его зовут? — с изумлением спросил мой доброжелатель.

— Он назвался Луи Лавалем. Повторяю, я хотел убедиться, что он действительно видел, как я прятал бумаги. Когда вы подходили к дому, я оставил его одного. Выйдя, я стал следить за ним через окно и увидел, как он бросился к нашему тайнику. А потом я попросил вас, Туссак, вытащить его из-за камина, и вот он перед вами.

Старик взглянул на меня сурово и неумолимо.

— Добрейший Лесаж, — сказал он, — ты, положительно, оказался на высоте. Когда республиканцы ищут

исполнителя для своих замыслов, они всегда умеют найти самого достойного. Признаюсь, что, увидев чьи-то торчащие из-за камина ноги, я на миг растерялся и никак не мог понять, в чем дело, хотя в сообразительности мне, пожалуй, и не откажешь. Впрочем, Туссак сразу все понял и схватил его как раз за ноги!

— Хватит болтать! — проревело косматое чудовище. — Из-за того, что мы много мололи языком и мало занимались делом, Бонапарт все еще носит корону или, вернее, голову на плечах. Расправимся с этим молодцом, да поскорее к делу!

Нежные, тонкие черты Лесажа

невольно влекли меня к себе. Я искал у него защиты, но его большие черные глаза, когда он оборачивался в мою сторону, смотрели на меня холодно и беспощадно.

— Туссак совершенно прав, — сказал он. — Наша жизнь и безопасность в руках этого человека. Нельзя отпускать его живым.

— Черт с ней, с нашей жизнью! И плевать на нашу безопасность! — взревел Туссак. — Не в них дело: мы рискуем провалить все наши планы. Это куда серьезнее!

— Нет, нет все важно! Тринадцатый пункт нашего устава совершенно определенно указывает, как следует поступить в данном

случае. С исполнителя тринадцатого пункта снимается всякая ответственность, — не унимался Лесаж.

Душа моя при этих словах ушла в пятки: у человека с наружностью поэта были убеждения дикаря. Однако у меня вновь мелькнула надежда на спасение, когда старик, до сих пор предпочитавший помалкивать, но не сводивший с меня глаз, стал выказывать признаки беспокойства.

— Дорогой Люсьен, — сказал он мягким, увещающим тоном, кладя руку на плечо молодого человека, — мы, философы и мыслители, должны все-таки с

большим уважением относиться к человеческой жизни! Нельзя и с такой легкостью отметать чужие убеждения. Мы все согласны, что если бы не неистовства Мюрата...

— Послушайте, Шарль, — прервал его Лесаж. — Я глубоко уважаю ваши взгляды, и вы не станете отрицать, что я всегда был послушным учеником. Но, повторяю, сейчас речь идет о наших жизнях, и поэтому нельзя останавливаться на полдороге. Никому так не претит жестокость, как мне, и вы это знаете. Несколько месяцев назад я вместе с вами присутствовал при казни человека с улицы Бас-де-Ларампар. Туссак тогда особо отличился: его

стараниями зрители чувствовали себя едва ли не хуже, чем жертва. Когда раздался отвратительный хруст, возвестивший о том, что у несчастного свернута шея, всем нам стало жутко. Если у вас хватит мужества продолжить этот разговор, то я напомню, что столь ужасное дело было совершено по вашему настоянию и причина его не казалась столь уважительной!

— Нет-нет, Туссак, стой! — крикнул Шарль; его голос утратил былую мягкость и перешел в визг, когда волосатая лапа силача снова схватила мою шею. — Я говорю тебе, Люсьен, как с чисто практической, так и с нравственной точки зрения:

не допусти совершиться
смертоубийству. Пойми, если вдруг
все повернется против нас, это
злодеяние лишит нас надежды на
милосердие. Пойми также...

Последний аргумент, казалось,
смутил молодого человека, и его
бледное лицо вдруг посерело.

— Все равно, Шарль, — сказал
он, — нам не следует рассуждать, мы
должны повиноваться тринадцатому
пункту.

— Не забывай, что мы
располагаем некоторой свободой
действий, потому что стоим выше
Комитета!

— Но изменяет параграфы
Комитет, а у нас такого права нет!

Его губы дрожали, но выражение глаз не смягчилось. Под давлением тех же ужасных пальцев моя голова начала поворачиваться вокруг плеч, и я уже находил своевременным верить свою душу Пречистой Деве и святому Игнатию — главному покровителю нашей семьи.

В это мгновение Шарль, неизвестно почему защищавший меня, бросился к Туссаку и вцепился в его руку с такой яростью, какой никак нельзя было ожидать от человека, дотоле проявлявшего завидное спокойствие.

— Я не позволю вам убить его! — гневно воскликнул он. — Кто вы такие, что осмеливаетесь со мной

спорить? Оставьте его, Туссак, уберите свои лапы с его шеи! Говорю вам, я не допущу этого!..

Но, видя, что криком их не пронять, Шарль перешел к мольбам.

— Выслушай меня, Люсьен! Позволь расспросить его. Если он действительно полицейский шпион, тогда пусть Туссак делает с ним, что хочет! Но если это просто безобидный путник, попавший сюда случайно, если он рылся в наших бумагах всего лишь из вполне понятного любопытства, отдайте его мне!

С самого начала этого разговора я не произнес ни слова в свою защиту, но мое молчание

происходило отнюдь не из-за избытка мужества. Меня удерживала скорее гордость: лишиться чувства собственного достоинства — это было бы уж чересчур. Однако при последних словах Шарля я невольно перевел взгляд с чудовища, сжимавшего меня как в тисках, на его товарищей, от которых зависела моя участь. Грубость одного тревожила меня куда меньше, чем вкрадчивая настойчивость другого, усердно хлопотавшего о моем путешествии на тот свет: нет человека опаснее, чем тот, который сам боится, и из всех судий самым суровым и непреклонным оказывается тот, кто имеет повод для каких-либо

опасений, — таков общий закон. Моя жизнь зависела теперь от того, что ответит Лесаж на доводы Шарля.

Лесаж приложил палец к губам и снисходительно улыбнулся настойчивости своего приятеля.

— Пункт тринадцатый, пункт тринадцатый! — принялся повторять он тем же ожесточенным тоном.

— Я беру на себя всю ответственность!

— Я вам вот что скажу, сударь, — заявил Туссак своим резким голосом. — Существует другой пункт, помимо тринадцатого, по которому человек, приютивший преступника, сам преследуется как укрыватель.

Но и этот довод не переубедил моего защитника.

— Вы человек дела, Туссак, и здесь вам нет равных, — сказал он спокойно, — но что касается до теории, то вы уж предоставьте это более умным головам, чем ваша.

Тон спокойного превосходства, казалось, подействовал на это свирепое существо, все еще не отпускавшее мою шею. Он возмущенно пожал плечами, но пререкаться не стал.

— Я положительно удивляюсь тебе, Люсьен, — продолжал мой защитник, — как ты, занимая такое положение в моей семье, осмеливаешься противиться моим

желаниям? Если ты действительно понял истинные принципы свободы, если ты пользуешься привилегией принадлежать к партии, которая никогда не теряла надежды восстановить Республику, то через кого ты достиг всего этого?

— Да-да, Шарль, понимаю, что вы хотите сказать, — взволнованно ответил Лесаж, — и уверяю вас, что никогда не осмеливался противиться вашему желанию, но в данном случае я боюсь, что ваше слишком чувствительное сердце обманывает вас. Если хотите, расспросите этого шпиона, хотя слова его не имеют особого значения.

Признаться, я был того же

мнения, ведь, проникнув в страшную тайну заговорщиков, я уже не мог надеяться остаться в живых. А какой чудесной представлялась мне теперь жизнь! Однако я получил отсрочку, пусть и короткую, от смерти: рука убийцы оставила мою шею.

В ушах у меня звенело; я почти лишился чувств, и лампа казалась мне тусклым пятном. Но это ощущение длилось всего одно мгновение, я пришел в себя и стал рассматривать странное худое лицо своего спасителя.

— Откуда вы прибыли? — спросил он.

— Из Англии.

— Но ведь вы француз?

— Да.

— Когда вы прибыли?

— Сегодня в ночь.

— Каким образом?

— На парусном судне из Дувра.

— Он говорит правду, —

проворчал Туссак, — я могу подтвердить. Мы видели судно и лодку, из которой кто-то высадился на берег, как раз после того, как отчалила лодка, в которой приплыл я.

Я вспомнил ту лодку — первое, что увидел во Франции, но я и не подозревал тогда, какое роковое значение она будет для меня иметь. Затем мой спаситель принялся задавать самые разные вопросы,

непонятные и бесполезные; говорил он тихо, спокойно, что вызывало недовольное ворчание Туссака. Повторяю, я считал этот допрос совершенно бесполезной комедией, но странный республиканец продолжал неторопливо расспрашивать меня о всяких пустяках. Он настойчиво тянул допрос, словно стараясь выиграть время. Но зачем?

И вдруг с проницательностью, которая появляется в минуту опасности, я понял, что он действительно чего-то ждет, на что-то надеется! Я читал это на его лице; он склонил голову, приложил руку к уху, в глазах светилось беспокойство.

Шарль определенно, надеялся на что-то, известное ему одному и говорил, говорил, говорил...

Я был так уверен в этом, словно он поделился со мной своим секретом, и в моем измученном сердце зародилась слабая надежда. Но наша беседа вызывала все нарастающее раздражение Туссака. Наконец он потерял терпение и отчаянно выругался.

— С меня хватит! — крикнул он. — Не ради детских игр рисковал я жизнью! Неужели нам, кроме этого юнца, не о чем поговорить? Вы думаете, я ехал из Лондона, чтобы слушать ваши чувствительные речи? Пора покончить с этим господином и

перейти к делу.

— Прекрасно, — ответил Шарль, — этот шкаф можно использовать как тюрьму. Посадим его туда и приступим к делу. Мы можем расправиться с ним и потом!

— И дать ему возможность нас подслушать? — иронически осведомился Лесаж.

— Не понимаю, какого черта вам нужно! — прорычал Туссак, подозрительно глядя на моего покровителя. — Никак не думал, что вы щепетильны, и уж с тем — с рю Бас-де-Ларампар — вы не церемонились. Этот юнец знает наши тайны и должен умереть. Какой был смысл так долго строить планы,

чтобы в последнюю минуту
освободить человека, который
погубит нас всех?

Косматая лапа снова
протянулась ко мне. Внезапно Лесаж
вскочил. Его лицо побелело, он
стоял, напряженно вслушиваясь. Он
поднял руку, призывая этим жестом к
тишине. У него была тонкая, нежная
рука; она дрожала, как лист,
колеблемый ветром.

— Я слышу что-то странное, —
прошептал он.

— И я тоже, — прибавил старик.

— Что еще такое?

— Тсс!.. Ни слова! Слушайте...

С минуту или больше мы
прислушивались к завываванию

ветра в камине, порой он с чудовищной силой ударял в ветхое оконце.

— Нет все спокойно, — сказал Лесаж с нервным смешком, — в реве бури иной раз слышатся весьма странные звуки.

— Ничего не слышать, — заявил Туссак.

— Тише! — вскричал Лесаж. — Вот опять!..

До нас донесся залиvistый собачий лай. Буря снова заглушила его; и потом опять над болотом раздался лай. Начавшись с низких нот, он перешел в пронзительный, оглушительный вой.

— Ищейки! Нас выследили! —

Лесаж ринулся к камину. Я увидел, как он принялся бросать в огонь свои бумаги, а затем придавил их каблуком. Туссак схватил прислоненный к стене топор.

Шарль оттащил ворох драного невода из угла — открылась маленькая деревянная лестница, которая вела в низкий подвал.

— Туда! — шепнул он мне. — Скорей!

И пока я спускался, я слышал, как он сказал своим товарищам, что из подвала мне никуда не деться и они смогут разделаться со мной, когда захотят.

Глава пятая

Стражи порядка

Подвал, куда я поспешно скрылся, был страшно низкий и узкий, в темноте наощупь я понял, что он завален плетеными ивовыми корзинами. Сначала я не мог определить их назначение, но потом догадался, что они служили для ловли омаров. Хотя я безумно устал и был измучен ожиданием смерти, я еще не впал в безразличие к окружающему, и, прикинувшись к щели в двери, принялся наблюдать за происходящим в комнате.

Мой худощавый спаситель с

завидным хладнокровием продолжал сидеть на ящике. Охватив руками колени, он покачивался из стороны в сторону, на его скулах ритмично, напоминая рыбы жабры, ходили желваки. Возле него стоял бледный как полотно Лесаж. Он безуспешно пытался придать своему лицу более смелое выражение, но по щекам его текли слезы, а губы тряслись от ужаса. Перед камином с топором наготове, задрав вверх в знак презрения к опасности подбородок, замер Туссак. Он не произнес ни слова, но было видно, что он приготовился к борьбе не на жизнь, а на смерть.

Лай собак становился все

громче и яснее. Туссак быстро подошел к двери и распахнул ее.

— Нет-нет, оставь собаку в покое! — вскричал Лесаж, не в силах дольше бороться со страхом.

— Да ты с ума сошел! Наша жизнь зависит от того, успеем ли мы ее убить.

— Но она же на сворке!

— Коль она на сворке, пиши пропало. Но скорее она не привязана. Тогда мы можем спастись!

Лесаж, дрожа всем телом, снова прислонился к столу и не отрывал испуганных глаз от двери. Шарль продолжал покачиваться из стороны в сторону, на губах его застыла какая-то странная полуулыбка. Одну руку он сунул себе за пазуху и — я готов поклясться — сжимает ею оружие! Туссак стоит между ними и раскрытой настежь дверью, и, хотя я боялся и ненавидел его, я не мог оторвать от него глаз: казалось, он стал выше ростом и в его осанке появилось подобие благородства. Меня настолько поглотило происходящее (ведь в конце концов все три заговорщика могли

погибнуть), что я совершенно позабыл о бедственном положении, в котором находился сам. Передо мной разыгрывалась страшная, захватывающая драма, и я был единственный зритель, упрятанный в грязный, скверный подвал!

Я ждал и наблюдал, затаив дыхание. По напряженным лицам моих тюремщиков я понял, что они следили за чем-то, чего я видеть еще не мог.

Туссак занес топор и изготовился к удару. Лесаж отошел в самый дальний угол хижины и закрыл рукой глаза. Старик перестал покачиваться и застыл как изваяние. Вот послышался негромкий топот, на

пороге мелькнула тень, и в дверях показалась собака...

Туссак молниеносно ударил ее топором; удар был точен, и лезвие вошло в горло животного, но топорище сломалось. Собака, однако же, успела повалить Туссака на пол, и они сцепились в отчаянной смертельной схватке. Косматый великан и собака дико рычали, и голос человека было не отличить от рыка животного. Борьба шла за самое дорогое для каждого существа — за жизнь! И человек одержал верх. Железные пальцы Туссака впились в горло собаки... Я не видел, что было дальше, как вдруг раздался мучительный, страшный хрип.

Туссак, пошатываясь, встал, с его рук струилась кровь, а его противник в луже крови остался неподвижно лежать на полу.

— Пора! — крикнул Туссак громовым голосом и выбежал из хижины.

Лесаж — на лице его был ужас, а глаза мокры от слез — вышел из угла, куда он в страхе забился, пока Туссак боролся с собакой.

— Да-да, — воскликнул он, — бежим! После собаки придет полиция. Собака сильно их опередила. Мы еще успеем спастись.

Но Шарль все с тем же бесстрастным лицом, на котором не отразилось никаких чувств — лишь

желваки на скулах задвигались еще быстрее, — спокойно встал и, подойдя к двери, запер ее.

— Я думаю, голубчик Люсьен, — невозмутимо сказал он, — тебе лучше оставаться там, где ты есть!

Выражение ужаса на бледном лице Лесажа постепенно сменилось изумлением.

— Но вы не сознаете опасности, Шарль, — сказал он, пытливо вглядываясь в товарища.

— О нет, я прекрасно все сознаю, — ответил тот с неожиданной улыбкой.

— Но ведь полиция с минуты на минуту будет здесь! Собака

сорвалась со сворки и убежала вперед. Нет сомнения, они направляются прямо сюда, ведь это единственное жилье в здешних местах!..

— Нет, сказал я, мы не двинемся с места!

— Безумец, вы можете жертвовать своей жизнью, но не моею! Оставайтесь, коли хотите, а я ухожу!

Он бросился было к двери, беспомощно и нелепо размахивая руками, но Шарль вскочил на ноги и встал перед ним с таким повелительным жестом, что молодой человек отпрянул назад, словно его ударили.

— Глупец, — презрительно бросил Шарль, — жалкий, ничтожный глупец!..

Лесаж раскрыл было рот, да так и оцепенел; колени его от страха подогнулись, он сжал в мольбе руки.

В этот миг он являл собой олицетворение ужаса — безысходного, самого отчаянного ужаса, какое мне только доводилось видеть. Лесаж наконец понял, в *чьи* руки он попал.

— *Вы*, Шарль, *вы*! — лепетал он, запинаясь на каждом слове.

— Да, я! — безжалостно усмехнувшись, ответил тот.

— Вы — полицейский шпион! Вы — душа нашего общества?! Вы,

принимавший участие в самых секретных заговорах!.. Вы были нашим вождем! О Шарль, у вас нет сердца!.. Я слышу их приближение... Шарль, отпустите меня; я прошу, я умоляю вас, отпустите меня!..

С окаменевшим лицом Шарль медленно покачал головой.

— Но почему же именно я должен стать вашей жертвой? Почему не Туссак?

— Справься собака с ним, я захватил бы вас обоих. Туссак слишком силен, куда уж мне с ним бороться! Поэтому, Люсьен, ты один обречен стать моим трофеем, и тебе с этим придется смириться!

Лесаж провел рукой по лбу,

словно желая убедиться, что не спит.

— Агент полиции! — шепотом повторял он. — Шарль, мой учитель, — агент полиции!..

— Я знал, что это вас изумит!

— Но ведь как раз вы придерживались самых крайних взглядов! Ни один из нас не мог равняться с вами. Сколько раз мы собирались, чтобы внимать вашим философским рассуждениям. И Сибилла с вами! Ради Бога, не говорите мне, что и Сибилла тоже была шпионом!.. Но ведь вы шутите, Шарль. Скажите мне, что вы шутите!..

Черты лица Шарля несколько смягчились, и глаза загорелись

лукавством.

— Ваше удивление для меня
весьма лестно, — молвил он. —
Видать, я хорошо сыграл свою роль.
Не моя вина, коль эти разини
спустили собаку. За мной, во всяком
случае, будет честь
собственноручной поимки
отчаянного и опаснейшего
заговорщика.

Он насмешливо улыбнулся
своему трусливому пленнику.

— Император умеет не только
награждать друзей, — строго добавил
он, — но и наказывать врагов.

До сих пор он держал руку за
пазухой, но теперь вынул пистолет.

— Не стоит и пытаться

бежать, — бросил он в ответ на испуганный взгляд Лесажа, — живой или мертвый, но вы останетесь здесь!

Лесаж закрыл лицо руками и громко, беспомощно зарыдал.

— Каким же вы оказались негодяем, Шарль, — почти простонал он, — ведь вы заставили Туссака убить того человека с улицы Бас-де-Ларампар, вы заставили нас поджечь его дом! А теперь вы сами же и предаете нас...

— Я сделал это, потому что хотел, чтобы честь раскрытия вашего заговора принадлежала единственно мне. Наконец пробил час!

— Хитро придумано, Шарль, но

что подумают о вас, когда я обо всем расскажу? Как вы объясните императору свои поступки? В ваших интересах не допустить, чтобы я скомпрометировал вас.

— В самом деле, друг мой, вы совершенно правы, — сказал тот, взводя курок пистолета, — я несколько перешел границы, исполняя данные мне инструкции, и теперь самое время исправить это. Вопрос в том, оставлять вам жизнь или нет, хотя я лично думаю, что вам лучше умереть.

Страшно было смотреть на Туссака, когда тот боролся с собакой, но эта новая сцена заставила меня содрогнуться. Чувство жалости к

несчастному Лесажу, созданному, казалось, для того, чтобы стать ученым или поэтом-мечтателем, перемешалось с отвращением. Было ясно, что слабого Лесажа подчинили себе другие, более волевые люди и навязали ему непосильную роль в нынешнее смутное время. Я забыл уже его вероломство по отношению ко мне, хотя оно едва не стоило мне жизни, забыл, как Лесаж настаивал на том, чтобы убить меня.

Видя перед собой неизбежную гибель, он упал на пол и извивался всем телом в припадке ужаса, а его мнимый друг и учитель стоял над ним с пистолетом в руке и насмешливо улыбался. Шарль играл

этим беспомощным трусом, как кошка с мышью, но развязка близилась: еще мгновение, и раздастся выстрел...

Невыразимый ужас охватил меня при мысли о столь безобразном убийстве, я выскочил из своего убежища, намереваясь стать второй жертвой отвратительного старика, как вдруг снаружи донесся гул голосов и послышалось звяканье сабель. С громоподобным возгласом «Именем Императора!» дверь хижины одним ударом оказалась сорвана с петель.

Через дверной проем я увидел большую группу всадников: ветер трепал перья на их киверах,

развевались мокрые от моросившего дождя плащи. Свет лампы из хижины освещал морды двух лошадей и тяжелые, с красными султанами кивера стоявших подле них гусар. В дверях показался молодой и высокий гусарский полковник. Я невольно залюбовался им: богатство одеяния, величественная осанка; высокие, доходящие до колен сапоги, ярко-голубая с серебром форма удивительно шли его статной фигуре. У него было бледное с резкими чертами, но все же красивое лицо, из-под медной цепи кивера топорщились усы. Скрестив руки на груди, с ярко блестевшей ножнами саблей, он стоял на пороге и

холодным, бесстрастным взором оглядывал залитую кровью хижину и ее обитателей.

— Недурно! — сказал он. — Недурно!

— Это Люсьен Лесаж, — сказал Шарль, пряча пистолет в карман своего коричневого сюртука.

Гусар с презрением взглянул на распростертую на полу фигуру.

— А! Красавчик-заговорщик! — проговорил он. — Поднимайся, презренный трус! Жерар, сообразоволите препроводить его в лагерь.

Позвякивая шпорами, в хижину вошел молодой офицер в сопровождении двух солдат, и те

унесли куда-то в темноту жалкое подобие человека, от ужаса лишившееся чувств.

— Но где же тот, другой, где Туссак? — осведомился полковник.

— Убил собаку и сбежал. И Лесаж бы последовал за ним, не придержи я его. Быть бы им уже обоим в наших руках, не спусти вы собаку, но тут уж я ничего поделать не мог. Так что поздравьте меня, полковник Лассаль, с успехом, — сказал он, протягивая руку, но гусар, словно не видя руки, круто повернулся на каблуках.

— Вы слышите, генерал Савари? — сказал он. — Туссак бежал!

Молодой генерал приблизился к двери и попал в полосу света от лампы. Когда он услышал эту новость, на его красивом умном лице отразилось неудовольствие.

— И где же он?

— Только что бежал!

— Он самый опасный из всех заговорщиков-республиканцев.

Император сильно разгневается.

— А это кто? — спросил генерал Савари, указывая на меня. — Я понял из вашего донесения, что тут будут только двое, месье Бер...

— Я бы предпочел, чтобы имена здесь не назывались, — резко оборвал его Шарль.

— О, это можно понять, — с

насмешкой ответил Савари.

— Я передал вам, что эта сторожка станет местом встречи, но это не было окончательно определено вплоть до последней минуты. Я дал вам возможность поймать Туссака, но вы прозевали его, спустив собаку. Думаю, вам придется отвечать за сей досадный промах перед императором!

— Это уж вас не касается! — в гневе воскликнул генерал Савари. — Вы еще не ответили: что это за личность?

Мне показалось бесполезным сохранять далее свое инкогнито, тем более что в кармане у меня была бумага, удостоверявшая мою

личность.

— Мое имя Луи де Лаваль, — не без гордости заявил я.

Признаюсь, только в эту минуту мне стало ясно, что я и мои родственники-эмигранты, сидя в Англии, слишком преувеличивали наши заслуги перед Францией. Нам казалось, что Франция с жадным нетерпением ожидала нашего возвращения, а на поверку вышло, что в быстром ходе событий последних лет о нашем существовании напрочь забыли. Мое аристократическое имя, по-видимому, произвело весьма мало впечатления на молодого генерала Савари, и он совершенно

безразлично занес его в свою записную книжку.

— Месье де Лаваль не имеет никакого отношения к этому делу, — вмешался шпион, — он оказался здесь совершенно случайно, и я беру его под свою ответственность, если его потребуют к допросу!

— Несомненно, потребуют, — заверил Савари, — но сейчас у меня каждый солдат на счету, и если вы берете этого господина под свою личную ответственность, то проводите его в лагерь, когда в том явится необходимость. Я не вижу причин не доверять вам этого молодого человека. Когда он понадобится, я сообщу!

— Он всегда к услугам императора!

— Сохранились ли здесь какие-нибудь бумаги?

— Они все сожжены!

— Очень жаль!

— Но у меня есть копии.

— Прекрасно!

— Идемте же, Лассаль! Дорога каждая минута, а здесь нам делать больше нечего. Пусть люди осмотрят окрестности, а мы поедем дальше.

Оба офицера без дальнейших объяснений с моим спасителем покинули хижину; чей-то резкий голос прокричал команду, слышалось звяканье сабель, когда спешившиеся гусары снова вскочили

на коней. Через мгновение раздалось шлепанье подков, быстро замершее вдали, и наконец все смолкло. Шарль подошел к дверному проему и выглянул во мрак. Затем он вернулся и саркастически улыбнулся мне.

— Ну-с, молодой человек, — сказал он, — для вашего развлечения мы изобразили весьма недурные живые картины, и можете благодарить только меня за отличное место в партере.

— Я очень обязан вам, месье, — сказал я, одолеваемый одновременно признательностью и отвращением, — и, право, не знаю, как благодарить вас.

Он как-то странно посмотрел на

меня, в его взгляде определенно сквозила насмешка.

— Вам предоставится удобный случай отблагодарить меня, — сказал он, — а теперь — поскольку вы все же иностранец, а я взял вас под свое милостивое попечение — попрошу следовать за мною туда, где можно быть в полной безопасности.

Глава шестая

Тайный ход

Дрова в камине чуть тлели. Мой спутник задул лампу, и хижина погрузилась в темноту, так что не прошли мы и десяти шагов, как потеряли ее из виду. Ветер начал стихать, но безостановочно лил частый холодный дождь. Будь я предоставлен самому себе, я бы растерялся, но мой спутник шел уверенно и быстро: несомненно, он руководствовался какими-то приметами, которых не было видно мне. Нервы мои были взвинчены, я насквозь вымок, продрог. Молча шел

я рядом со своим спасителем, припоминая случившееся за ночь.

Благодаря постоянным политическим спорам между моими родными я, несмотря на молодость, был хорошо знаком с положением дел во Франции. Я знал, что восшествие Бонапарта на престол восстановило против него небольшую, но опасную партию якобинцев, или крайних республиканцев; все их усилия уничтожить королевскую власть не только были тщетны, но и способствовали перемене королевской конституционной власти на самодержавную власть императора. Вот какими грустными

оказались результаты этой борьбы! Корона с восемью лилиями сменилась другой, украшенной крестом и державой.

В свою очередь, сторонники Бурбонов, в среде которых протекла моя юность, были разочарованы тем, как французский народ приветствовал переход от хаоса к порядку. Несмотря на полную противоположность взглядов, обе партии объединились в своей ненависти к Наполеону и твердо решились одолеть его во что бы то ни стало.

Результатом этого явились многочисленные заговоры, главным образом организованные в Англии;

целые отряды шпионов наблюдали за каждым шагом Фуше и Савари, на которых лежала ответственность за безопасность императора.

По воле судьбы я попал на берег Франции в одно время со страшным заговорщиком, вознамерившимся убить Наполеона, и имел возможность видеть человека, при помощи которого полиция сумела воспрепятствовать замыслам Туссака и его сообщников.

Словно испуганное дитя, я невольно вздрагивал и ежился, припоминая приключения этой ночи: как я блуждал по соляному болоту, наткнулся на таинственную хижину, где нашел важные бумаги, как меня

схватили заговорщики, и затем мучительное ожидание смерти, появление собаки и арест Лесажа.

И теперь меня больше всего занимал вопрос: какие отношения установятся между мною и моим ужасным спасителем? Судьба свела меня с искусным шпионом, который умудрился провести и одурачить своих мнимых приятелей. В его насмешливом взгляде, когда он с пистолетом в руках стоял над унижавшимся трусом, которого сам же и втянул в неблагоприятное предприятие, читалась жестокость. Но, с другой стороны, я не могу не признать, что, попав в безвыходное положение из-за дурацкого

любопытства, я был спасен только благодаря вмешательству этого провокатора, не побоявшегося даже разъяренного Туссака. Помимо того, он мог бы выдать меня за еще одного заговорщика, так как в его интересах было захватить больше пленных. А случись такое, я никоим бы образом не сумел доказать свою непричастность к заговору.

Его выступление в роли моего спасителя никак не вязалось со всеми остальными поступками, свидетелем которых мне довелось быть в течение нашего непродолжительного знакомства, и, пройдя в молчании еще пару миль, я прямо попросил его сказать, чем

объясняется его заступничество.

В ответ в темноте раздался взрыв смеха; моего спутника, наверное, изрядно позабавили моя откровенность и непосредственность.

— Вы крайне занятый человек, господин... господин де... будьте добры, напомните ваше имя!

— Де Лаваль.

— Ах, ну да, господин де Лаваль! Вы обладаете пылкостью и стремительностью юности. Вам захотелось узнать содержимое каминного тайника, и вы без околичностей прыгаете туда. Желая понять происходящее, вы прямо задаете вопрос. Мне, должен вам

сказать, всегда приходилось иметь дело с людьми, которые крепко держат язык за зубами, и ваша искренность — все равно что глоток освежающего напитка в жару.

— Не знаю, какими побуждениями вы руководствовались, но вы спасли мне жизнь, — сказал я, — и я сильно обязан вам за это вмешательство.

Трудно высказывать благодарность и признательность человеку, который вам ненавистен или вызывает у вас отвращение, и я боялся, что сгоряча снова скажу что-нибудь не то.

— Как-нибудь обойдусь без вашей благодарности! — грубо

отрезал он. — Вы совершенно справедливо заметили, что я мог бы погубить вас, входи это в мои планы. А я точно так же вправе думать, что не будь вы мне обязаны, то, верно, не подали б мне руки, как это только что сделал долговязый мальчишка Лассаль. Он думает, что очень почетно рисковать жизнью ради императора на поле битвы. Ну а когда человек ежедневно находится на волосок от смерти среди отчаянных смельчаков, когда малейшая оговорка, самая ничтожная ошибка непременно повлечет за собой смерть, почему, скажите на милость, такая служба не достойна внимания императора? Почему мое

ремесло считается позорным? Почему, — продолжал он с горькой улыбкой, — я мог бесконечно долго выносить всевозможные лишения и терпеть этого Туссака с его сообщниками? И, несмотря на это, Лассаль считает себя вправе относиться ко мне с презрением! А ведь все маршалы, вместе взятые, не оказали императору такой услуги, как я. И я уверен, что вы в душе тоже презираете меня, господин... де... де...

— Де Лаваль.

— А, ну да, удивительно, я никак не могу запомнить ваше имя! Так вот, готов поручиться, что вы разделяете мнение Лассалья.

— Трудно высказывать мнение по вопросу, с которым совершенно незнаком, — сказал я. — Знаю только одно: что обязан вам жизнью.

Сложно сказать, что он ответил бы на мои слова, но тут в тишине ночи раздались два пистолетных выстрела. Несколько минут мы не двигались с места, но больше ничто не нарушило тишины.

— Наверное, они напали на след Туссака, — предположил мой спутник. — Боюсь только, он слишком хитер и смел для этих растяп. Где уж им поймать его! Не знаю, какое впечатление он произвел на вас, но поверьте мне: трудно встретить более опасного человека!

Я сознался, что не имею желания продолжить приятное знакомство с Туссаком. Судя по громкому смеху моего заступника, он хорошо понимал и разделял мои чувства.

— Должен сказать, что это абсолютно честный человек, такие нечасто встречаются в наше время. Один из лучших, кого увлекла революция. Он слепо верил словам ораторов, зажигался идеями революционных мыслителей и был убежден, что после потрясений и необходимых казней Франция сделается раем земным, центром мира, спокойствия и братской любви.

Многие пылкие головы

увлекались теми же мыслями, но — увы! — время жестоко разочаровало их. Туссака следует причислить именно к этому разряду людей. Бедняга! Вместо тишины и благополучия он увидел войну, вместо братской любви и полного равенства людей — деспотическую императорскую власть. Ничего удивительного, что он словно обезумел. Он превратился в дикого зверя, готового отдать всю свою гигантскую силу, чтоб покарать тех, кто надругался над его идеалом. Он не знает страха, настойчив и почти неодолим. Я не сомневаюсь, что он убьет меня за измену, если только догадается, что эта ночь — плод

моих трудов!

Мой спутник говорил спокойным, ровным голосом, и я понял: он не лжет и не преувеличивает, утверждая, что надо много-много мужества, дабы предпочесть роль шпиона блестящей карьере кавалериста. Он заговорил снова, как бы рассуждая с самим собою:

— Да, я ошибся. Надо было убить его, пока он боролся с собакой. Но, если бы я промахнулся и только ранил его, он разорвал бы меня на куски, как цыпленка. Нет, лучше уж, конечно, как есть!

Мы уже давно миновали соляное болото, и я только изредка ощущал

под ногами мягкую торфянистую почву. Мы то поднимались, то спускались по низким прибрежным холмам. Быстрая ходьба согревала мое заоченевшее в подвале тело. Я был так неопытен, когда покинул родную страну, что вряд ли даже и при дневном свете смог бы сориентироваться в этой местности, а в кромешной темноте и подавно не представлял, где мы и куда направляемся.

Я забеспокоился, когда увидел, что наше путешествие затягивается, меня уже пугала бесконечная дорога к какому-то неведомому убежищу, в котором, однако, я так нуждался. Не ведаю, сколько времени мы шли,

знаю только, что порой чуть не терял сознание и снова приходил в себя, идя рядом с Шарлем, который неуклонно двигался вперед. Вдруг он резко остановился, что окончательно привело меня в чувство.

Дождь перестал, и, хотя тучи еще закрывали месяц, небо значительно посветлело. Прямо против нас оказался обширный водоем. Это был заброшенный меловой карьер, густо обросший по краям папоротником и терновником.

Мой спутник внимательно осмотрелся по сторонам, словно желая убедиться, что за нами никто не следит, и стал продираться через кустарник, пока наконец не добрался

до меловой стены. Плотно прижимаясь к ней, мы прошли еще некоторое расстояние, зажатые между скалой и густой чащей терновника. Но вот идти дальше стало невозможно.

— Посмотрите, за нами нет света? — спросил он.

Я оглянулся, но света никакого не увидел.

— Идите вперед, а я пойду сзади.

Я обернулся к нему, а он то ли раздвинул ветви терновника, то ли сломал одну из них — я не заметил, — но вдруг в белоснежной стене появилось черное четырехугольное отверстие.

— Вход очень тесен, но дальше коридор расширяется, — пояснил он.

Я стоял в нерешительности. Куда ведет меня этот престранный человек? Неужели он живет в этой пещере, подобно дикому зверю, или же он попросту заманивает меня в ловушку? Зияющее отверстие, освещенное серебристыми лучами показавшегося из-за тучи месяца, выглядело прямо-таки угрожающе.

— Поздно отступать, друг мой, — сказал он, — решайте: доверять мне или нет.

— Я в вашем распоряжении!

— Коли так, то смелее вперед!

На четвереньках я вполз в дыру. Шарль замешкался у входа,

прикрывая его ветвями, слабый свет, проникавший снаружи, исчез, и мы остались в полной темноте. Я слышал, как он ползет за мной.

— Скоро коридор станет шире, — сказал он, — и мы тогда сможем высечь огонь.

Потолок был так низок, что я задел его головой, попытавшись разогнуть спину, а мои локти постоянно цеплялись за стены, но в ту пору я был ловок и гибок и потому без особого труда продвигался вперед, пока, наконец, не почувствовал, что пол резко уходит вниз. По притоку свежего воздуха я понял, что нахожусь в пещере. Послышались удары о камень: мой

спутник высекал огонь; наконец он зажег свечу.

Сначала я различал только его истощенное лицо, резкое и грубое, точно топорная резьба по дереву, с не перестававшими дергаться челюстями. Свет падал прямо на него и окружал его мутной дымкой. Но вот он поднял свечу и осмотрелся. Я решил, что мы находимся в подземном туннеле, который, казалось, шел в глубь земли. Здесь я мог совершенно свободно выпрямиться, настолько значительна была его высота; стены поросли мхом, что свидетельствовало об их древности.

Там, где мы стояли, потолок

обвалился, и прежний проход оказался завален, но в меловой стене был пробит новый коридор, по которому мы только что ползли. Этот коридор сделали, по-видимому, недавно: у входа валялись инструменты и высилась груда камней и обломков. Мой спутник со свечой в руке двинулся по туннелю, и я последовал за ним, спотыкаясь о большие камни, упавшие когда-то сверху или со стен и теперь то и дело преграждавшие путь.

— Ну как вам понравилась дорога? — усмехнулся мой провожатый. — Скажите, приходилось вам видеть что-нибудь подобное в Англии?

— Никогда ничего похожего не видел! — признался я.

— Подобные предосторожности были необходимы прежде, когда бесчинствовала революция. Но сейчас опять настало смутное время, и знать такие потаенные местечки весьма кстати.

— Куда мы идем? — спросил я.

— А вот сюда, — отвечал он, останавливаясь перед деревянной, окованной железом дверью.

Он долго возился, открывая дверь, и все время стоял так, чтобы мне не было видно его манипуляций. Но вот он толкнул дверь, она медленно подалась и без скрипа повернулась на петлях. За нею

оказалась очень крутая, почти отвесная лестница, ведущая наверх, с обветшалыми ступенями. Шарль запер за нами дверь. Наверху лестницы была вторая такая же дверь, которую он открыл каким-то особо изощренным способом.

Я начал протирать себе глаза, желая понять, уж не сон ли это. Массивные, обросшие мхом своды, окованные железом двери — как будто из сказки, но колеблющееся пламя свечи, мой потрепанный костюм и узелок свидетельствовали о том, что картины эти мне не пригрезились.

Быстрая, бодрая походка моего спутника, его отрывистые замечания

живо вернули меня с небес на землю. Он раскрыл очередную дверь и собственноручно запер ее после меня. На этот раз мы очутились в длинном, сводчатом коридоре, пол здесь был выложен каменными плитами; коридор освещался маленькой лампочкой, тускло горевшей в дальнем конце. Два окна с железными решетками указывали, что мы снова были на земной поверхности.

Миновав этот коридор и сделав еще несколько переходов, мы поднялись по винтовой лестнице к раскрытой настежь двери, за которой оказалась маленькая, прекрасно убранная спальня.

— Полагаю, вы не станете возражать против того, чтобы расположиться здесь на ночь, — сказал Шарль.

Я не желал ничего лучше, как, сбросив с себя одежды, кинуться в эту белоснежную постель, но любопытство все же превозмогло усталость.

— Я очень благодарен вам, но, думаю, вы не откажете мне в любезности сообщить, где я?

— Вы в моем доме, и это все, что вам следует сейчас знать. Утром потолкуем.

Он позвонил; вбежал долговязый перепуганный слуга.

— Барышня уже отдыхает? —

спросил Шарль.

— Да, сударь, она уже часа два как легла.

— Очень хорошо. Я сам зайду к вам утром, — с этими словами он закрыл дверь в спальню.

Его шаги еще не успели замереть в глубине коридора, а я уже спал крепким сном усталого, измученного человека.

Глава седьмая

Владелец замка

Гробуа

Слова моего хозяина не оказались пустой формальностью: утром, как и обещал, он стоял подле моей кровати и ждал, когда я проснусь. Серьезное, спокойное лицо и темная скромная одежда не вязались с его ночной бессердечностью и отталкивающим родом деятельности. При ярком дневном свете Шарль выглядел типичным школьным учителем; это впечатление усиливалось

повелительной, но благосклонной улыбкой, с которой он на меня посматривал. Его улыбка выводила меня из себя; я окончательно убедился, что этот человек мне отвратителен и что я не успокоюсь, пока не порву наше вынужденное знакомство. Он принес целый ворох всевозможных нарядов и положил их на кресло рядом с кроватью.

— Я понял, что ваше платье не в особенно блестящем состоянии. Правда, вы крупнее всех в моем доме, но на всякий случай я принес кое-что, чтобы пополнить ваш гардероб. Здесь вы найдете также бритву, мыло и зубной порошок. Я вернусь через полчаса, надеюсь, ваш туалет будет

завершен!

Тщательно осмотрев свою собственную одежду, я решил, что после основательной чистки она будет выглядеть вполне прилично, поэтому из принесенных Шарлем вещей я воспользовался лишь нижней рубашкой и черным сатиновым галстуком.

Окончив свой туалет, я подошел к окну: напротив находилась белая стена. Вошел мой хозяин, окинул меня острым, испытующим взглядом и, казалось, вполне удовлетворился результатом своего осмотра.

— Прекрасно, прекрасно, этот костюм вам очень к лицу, — сказал он, по обыкновению покачивая

головой, — сейчас легкая небрежность в одежде, следы путешествия или трудной работы гораздо моднее, чем фатовство. Я слышал, что многие дамы считают это признаком хорошего вкуса. А теперь прошу следовать за мной!

Его забота о моем наряде изрядно меня удивила, но я скоро забыл об этом — настолько поразили меня последующие события. Когда мы вошли в просторную залу, мне показалось, что я видел ее прежде. Затем новая неожиданность: на стене висел парадный портрет моего отца в полный рост! В безмолвном изумлении я остановился перед портретом моего дорогого родителя,

а потом повернулся к Шарлю и посмотрел прямо в его серые холодные глаза. Он пристально наблюдал за мною.

— Вы удивлены, де Лаваль? — с оттенком удовольствия спросил он.

— Ради Бога, не шутите так жестоко со мною! Кто вы, и куда меня привели?

Он усмехнулся и, положив морщинистую смуглую руку на мое плечо, пригласил в другую большую комнату. Посередине стоял великолепно сервированный стол; около него в низком кресле с книгой в руках сидела девушка. При нашем появлении она встала: высокая и стройная, смуглая, с правильными

чертами лица; огненный блеск в черных глазах. Во взгляде, обращенном ко мне, читалась откровенная неприязнь.

— Сибилла, — сказал Шарль, — это твой кузен из Англии, Луи де Лаваль. А это, дорогой мой племянник, моя единственная дочь — Сибилла Бернак.

Я обомлел.

— Так, значит, вы...

— Брат вашей матери, Шарль Бернак!

— Вы — дядюшка Бернак?!

Я глупо уставился на него.

— Но почему же вы раньше-то не сказали? — воскликнул я.

— Незачем было спешить. К

тому же это дало возможность посмотреть, что сделало с моим племянником английское воспитание. Разумеется, тот прием, который вы встретили при вашем вступлении на берег Франции, дружественным никак не назовешь. Но Сибилла, надеюсь, поможет мне сгладить это неблагоприятное впечатление.

При этих словах он как-то неискренно улыбнулся своей дочери, продолжавшей смотреть на меня с тем же холодным, неприязненным выражением на лице.

Я еще раз огляделся и внезапно вспомнил эту залу, стены которой были увешаны оружием и головами

олений. И пейзаж за окном мне также был знаком: спускающийся к морю парк, старые дубы, — да, я, конечно же, видел их раньше! Раньше, когда наша семья жила в замке Гробуа. И именно этого ужасного человека, шпиона с бесстрастным лицом так часто проклинал мой бедный отец! Ведь именно он выгнал нас из родного гнезда и сам поселился на нашем месте! Но при всей своей ненависти я не мог забыть, что прошлой ночью он, рискуя жизнью, спас меня от верной гибели. Признательность за спасение жизни и ненависть за пережитое горе боролись во мне. Мы сели за стол, и, пока я утолял голод,

мой новообретенный дядя объяснял мне то, чего я не понял вчера.

— Я узнал вас с первого взгляда, — сказал он, — ведь я отлично помню вашего отца, в молодости он был очень привлекателен! Вы его точная копия, хотя — и я не лъщу — вы красивее его. Ваш отец считался самым красивым мужчиной в землях от Руана до моря. Не забывайте также, что я ждал вас и что не так уж часто встретишь молодого аристократа, блуждающего по прибрежным болотам. Я только удивился, как вы сразу не узнали местности вчера ночью. Разве вы никогда не слыхали о тайном ходе в Гробуа?

Я смутно помнил, что еще ребенком слышал рассказ о подземном туннеле, у которого обвалился потолок, — почему им и перестали пользоваться.

— Совершенно верно, — сказал дядя, — но когда замок перешел ко мне, первой моей заботой было вырыть новый туннель: я наперед знал, что в нынешнее смутное время он весьма пригодится. Если б его починили раньше, ваша семья могла бы воспользоваться им, чтобы бежать отсюда без лишних хлопот.

Я вспомнил все, что сохранилось в моей памяти о тех ужасных днях, когда мы, владельцы окрестных земель, уходили в

неведомое, погоняемые толпами черни, которая не переставала извергать на нас потоки брани, грозить кулаками и даже бросаться камнями! Вспомнил я также и то, что передо мной стоит виновник всех этих бедствий — человек, который исподволь подготовил тогдашнюю катастрофу нашей семьи и ловко воспользовался обстоятельствами, дабы упрочить собственное благосостояние на руинах нашего.

По его глазам я догадался, что он прочел мои мысли.

— Забудем прошлое, — сказал он, — то были ссоры старого поколения, а вы и Сибилла —

представители нового!

Кузина опять не проронила ни слова; казалось, она не желала замечать моего присутствия.

— Ну, Сибилла, скажи же, что все семейные неурядицы теперь позади!

— Хорошо вам говорить, отец. Однако там, в зале, не ваш портрет висит, и оружие это тоже не ваше. Мы владеем землей и замком, но теперь явился наследник де Лавалей и имеет право заявить, что не особенно доволен своим положением!

Ее темные, полные презрения глаза вызывающе смотрели на меня, ожидая ответа, но я не успел открыть

рта, как ее отец поторопился вмешаться.

— Нельзя сказать, что ты приветлива и гостеприимна со своим кузенком, — резко сказал он. — Судьба дала нам в руки его имение, и не нам напоминать ему об этом.

— Он не нуждается в напоминаниях, — возразила она.

— Вы несправедливы ко мне! — воскликнул я, потому что нескрываемое презрение этой девчонки выводило меня из себя. — Я, разумеется, не могу забыть, что этот замок и земля — наследие моих предков, иначе я был бы бесчувственным человеком, но вы ошибаетесь, думая, что в душе моей

горечь. Я мечтаю сам устроить свою судьбу и сделать карьеру!

— И нельзя было выбрать более благоприятного момента для этого, чем сейчас, — радостно подхватил дядя. — В стране назревают важные перемены, и если теперь вы будете при дворе императора, ручаюсь, вы окажетесь в самом центре событий. Ведь вы, как я понял, намерены служить ему?

— Я стремлюсь служить своей родине!

— Это означает служить императору, потому что без него в стране снова наступит чудовищная анархия!

— Надеюсь, вы поняли, что

служба эта нелегка, — сказала моя кузина. — Думаю, вам было бы гораздо спокойнее и безопаснее оставаться в Англии, чем находиться здесь.

Каждое слово ее, казалось, стремилось оскорбить меня, хотя я решительно не мог взять в толк, чем заслужил ее немилость. Никогда еще я не встречал женщины, в которой возбуждал бы такую ненависть и презрение к себе. Но ее поведение, как я заметил, задевало и моего дядю: глаза его в продолжение всего разговора гневно сверкали.

— Ваш кузен храбрый человек — вот что я могу о нем сказать! — воскликнул он.

— На какие дела? — колко спросила она.

— Не все ли равно! — злобно оборвал дядя, и, явно боясь, что не совладеет со своим гневом и скажет лишнее, он резко поднялся и вышел из комнаты.

Она словно встревожилась и тоже встала, намереваясь последовать за ним.

— Полагаю, вы раньше не встречались со своим дядей, — сказала она после неловкого молчания.

— Не доводилось! — ответил я.

— И что же вы подумали, встретив моего отца?

Подобный вопрос дочери об

отце поставил меня в тупик. Я понял, что этот человек куда хуже, чем я предполагал, коль скоро он стоит так низко в глазах собственной дочери.

— Что ж, ваше молчание — вполне определенный ответ, — сказала она, пока я колебался, не зная, что ей сказать. — Мне неизвестно, при каких обстоятельствах вы встретились прошлой ночью и что между вами произошло, потому как у нас не принято делиться секретами. Но думаю, что вы раскусили его! А теперь позвольте задать вам несколько вопросов. Получили вы письмо-приглашение?

— Да, получил!

— А обратили вы внимание на обратную его сторону?

Я вспомнил зловещие слова на печати, так меня взволновавшие.

— Так это вы предостерегали меня?

— Да! Я не могла сделать этого по-другому.

— Но почему вы хотели помешать моему приезду?

— Я не хотела, чтоб вы ехали сюда.

— Разве я могу повредить вам?

Она помолчала, словно раздумывая, не сказала ли лишнего.

— Я боялась за вас!

— Вы полагаете, что мне грозит опасность?

— Я уверена в этом.

— Но кто желает мне зла?

Она долго колебалась и потом с жестом отчаяния, словно забыв всякую осторожность, снова обратилась ко мне:

— Берегитесь, берегитесь моего отца!

— Но какой ему смысл вредить мне?

— Обратитесь к своей проницательности!

— Но уверяю вас, мадемуазель, вы ошибаетесь, — сказал я, — этой ночью он спас мне жизнь.

— Спас вашу жизнь! От кого?

— От двух заговорщиков. Я случайно узнал их тайну.

— Заговорщиков?!

Она удивленно посмотрела на меня.

— Если бы не он, меня бы убили.

— Просто не в его интересах вредить вам сейчас. У него свои причины желать вашего приезда в замок. Но откровенность за откровенность. Случалось ли вам... случалось ли вам в Англии... любить кого-либо?

Все, что говорила кузина, было в высшей степени странно, но такое заключение серьезного разговора превосходило все мои ожидания.

— Я оставил в Англии самое дорогое для меня на свете существо!

Ее зовут Эжени... Эжени де Шуазель, она дочь старого герцога.

Мой ответ кузине понравился, в ее черных глазах отразилась радость.

— И вы к ней очень привязаны? — спросила она.

— Я живу только ею и для нее!

— И вы ни на кого и ни на что ее не променяете?

— Господи! Да могу ли я даже помыслить такое?!

— Даже на замок Гробуа?

— Даже на него!

Кузина в искреннем порыве протянула мне руку.

— Забудьте мою холодность, — сказала она, — я вижу, мы будем союзниками, а не врагами.

И мы крепко пожали друг другу руки, как бы заключив союз. Как раз в эту минуту в комнату и вернулся ее отец.

Глава восьмая

Кузина Сибилла

При виде нашего внезапного примирения дядюшка обрадовался. Прежний гнев его улегся, но, хотя говорил он ласково, кузина смотрела на него с недоверием и вызовом.

— Мне необходимо заняться важными бумагами, — сказал он, — на это уйдет часа полтора. Вполне понятно, что Луи захочет осмотреть места, с которыми для него связано так много воспоминаний. Сибилла, лучше тебя никто не покажет ему поместье, если, конечно, тебя это не затруднит.

Она не стала возражать, а я был очень рад предложению дяди, тем более что оно давало мне возможность поближе познакомиться с моей удивительной кузиной, которая успела так много сказать и, несомненно, еще больше утаить. Но что означало ее туманное предостережение против родного отца и почему ее интересовали мои сердечные дела?

Мы пошли по тисовой аллее, обошли весь парк и затем кругом замка, осматривая серые башенки и старинные окна в дубовых рамах, старый выступ зубчатой стены с бойницами и новые пристройки с прелестной верандой, над которой

цветущая жимолость образовала купол. И когда Сибилла показывала мне свои владения, я понял, как дороги они ей. Кузина шла с виноватым видом, словно оправдываясь, что хозяйкой здесь оказалась она, а не я.

— Здесь хорошо, но на душе у меня беспокойно. Мы с отцом, как кукушки, которые устроились в чужом гнезде, выгнав оттуда его обитателей. Как мог отец пригласить вас в ваш собственный дом!

— Да, мы долго жили здесь, — задумчиво ответил я. — Как знать, может быть, все и к лучшему? Отныне де Лавали должны сами пробивать себе дорогу!

— Вы говорили, что желаете поступить на службу к императору?

— Да.

— Вы знаете, что его лагерь находится неподалеку?

— Да, я слышал об этом.

— Но ведь ваша фамилия значится в списках изгнанников?

— Я никогда не боролся против императора, а теперь я хочу просить его принять меня к себе на службу.

— Многие зовут его узурпатором и желают ему всяческого зла; но уверяю вас, что все сказанное или сделанное им полно величия и благородства! Вы, Луи, наверное, совсем заделались англичанином! Сюда вы явились с карманами,

полными английских денег, и мечтая о мести. Я права?

— В Англии я нашел самое теплое гостеприимство, но в душе я всегда оставался французом.

— Но ваш отец сражался против нас при Киброне!

— Предоставьте прошлому поколению отвечать за свои раздоры; в этом вопросе я разделяю точку зрения вашего отца.

— Судите об отце не по его словам, а по его делам, — резко сказала она, подымая в знак предостережения палец, — и, кроме того, если не хотите иметь на совести мою гибель, умоляю вас, не рассказывайте ему, что я просила вас

не приезжать!

— Иметь на совести вашу гибель?! — воскликнул я.

— Да! Он не остановится и перед этим, ведь убил же он мою мать. То есть я не хочу сказать, что он буквально пролил ее кровь, но его жестокость и грубость разбили ей сердце. Теперь, надеюсь, вам понятно, почему я так говорю о нем.

Я почувствовал, что она рассказала о сокровенном. Горькая, затаенная ненависть вырвалась наружу. Глаза Сибиллы сверкали гневом, яркая краска румян-да заливала смуглые щеки. Эта изящная девушка обладала неукротимым духом.

— Я говорю с вами, Луи, откровенно, хотя знаю вас лишь несколько часов, — сказала она.

— С кем же и быть искренней, как не с близким родственником?

— Все это верно, но я никогда не думала, что мы будем с вами в таких отношениях. С тоской ожидала я вашего приезда. И сердце мое чуть не разорвалось, когда отец привел вас.

— Да, это не укрылось от меня, я понял, что мой приезд был вам в тягость, и, сознаюсь, я испугался.

— Судите сами, ваш приезд не сулил ничего хорошего не только мне, но и вам или, вернее, нам обоим, — ответила она. — Вам,

потому что намерения моего отца не очень-то дружелюбны. А мне...

— А вам почему? — в изумлении спросил я, когда она запнулась, не решаясь продолжать.

— Вы сказали, что у вас есть любимая; я тоже уже отдала руку и сердце любимому человеку.

— Искренне рад! Но как мой приезд затрагивает ваше личное счастье?

— Ну, знаете, кузен, туманный воздух Англии повлиял на ясность вашего мышления, — усмехнулась она. — Мой отец рассчитывает поженить нас, укрепив таким образом свои права на землю за наследниками Гробуа. И тогда ни

Бурбоны, ни Бонапарты не смогут поколебать его положение.

Я вспомнил его заботу о моем утреннем туалете, беспокойство о том, произведу ли я благоприятное впечатление, его неудовольствие, когда он видел, что Сибилла холодна ко мне, и, наконец, довольную улыбку, когда мы пожали друг другу руки.

— Вы правы! — воскликнул я.

— Права? Конечно, права! Но будем осторожны: вон он следит за нами.

Взглянув в указанном направлении, я увидел в одном из окон его худое желтое лицо, обращенное в нашу сторону. Заметив,

что я смотрю на него, Бернак приветливо замахал рукою.

— Теперь вы знаете, что руководило им, когда он, как вы говорите, спас вам жизнь, — сказала она. — В его интересах женить вас на своей дочери, и потому он оставил вас в живых. Но если он поймет, что это невозможно, о, тогда, мой бедный Луи, берегитесь! Он страшно боится возвращения де Лавалей и, конечно же, не остановится перед тем, чтобы уничтожить последнего их представителя!

Ее слова и следившее за нами из окошка желтое лицо не оставляли сомнений в том, что мне грозит

опасность. Во Франции некому было заступиться за меня. И, исчезни я с лица земли, никто даже и не осведомится обо мне; да, я оказался всецело в его власти. Нынешней ночью мне довелось воочию убедиться в его беспощадной жестокости. И с этим-то чудовищем мне предстояло бороться!

— Но ведь он знает, что ваше сердце принадлежит другому? — спросил я.

— Да, знает, но от того мне еще тяжелее. Я боюсь за вас, за себя, но больше всего за Люсьена. Отец не потерпит ничьих возражений.

Люсьен! Словно молния озарила мою память. Я много раз слышал о

страстности и силе женской любви, но мыслимо ли, чтобы эта гордая, сильная духом девушка любила того несчастного труса, который у меня на глазах трясся от страха и унижался перед своим палачом? Я вдруг вспомнил, где впервые встретил имя Сибиллы: оно было написано на титульном листе трактата Руссо. *«Люсьену от Сибиллы»*, — гласила надпись. Вспомнилось мне также и то, что дядя что-то говорил ему о семейных взаимоотношениях.

— Люсьен горяч и легко увлекается, — сказала кузина. — В последнее время они с отцом были чем-то сильно заняты: часами не

выходили из комнаты, и Люсьен никогда не рассказывал, чем они занимались. Боюсь, это не доведет его до добра: Люсьен скорее скромный ученый, чем светский человек. Но сейчас он слишком увлекся политикой!

Я не знал, что лучше: промолчать или рассказать, в какое ужасное положение попал ее возлюбленный. Пока я колебался, инстинкт любящей женщины подсказал Сибилле, какого рода сомнения меня одолевают.

— Вы что-то о нем знаете? — почти крикнула она. — Я поняла, что он отправился в Париж. Но, ради Бога, скажите, что вам о нем

известно?

— Его фамилия Лесаж?

— Да, да, Лесаж... Люсьен Лесаж!

— Я... я... видел его, — запинаясь проговорил я.

— Видели его! А ведь не прошло еще двенадцати часов, как вы приехали. Где же вы видели его? Что с ним случилось?

В тревоге Сибилла схватила меня за руку. Было бы жестоко сказать ей все, но молчать было еще хуже. В смущении я отвел глаза в сторону и тут, к счастью, увидел на изумрудной лужайке дядюшку, направлявшегося к нам. Рядом с ним, громяхая саблей и позвякивая

шпорами, шел красивый молодой гусар, тот самый, на которого в прошлую ночь было возложено попечение об арестованном. Сибилла, не раздумывая ни минуты, бросилась к ним навстречу. Лицо ее словно окаменело, глаза метали молнии.

— Отец, что ты сделал с Люсьеном? — вскричала она.

Я видел, как передернулось его бесстрастное лицо под взглядом дочери, исполненным ненависти и презрения.

— Потом поговорим, — в замешательстве сказал он.

— Я хочу знать сейчас же и здесь! — крикнула она. — Что ты

сделал с Люсьеном?

— Милостивые государи, — сказал Бернак, обращаясь к гусару и ко мне, — весьма сожалею, что вам пришлось присутствовать при семейной сцене. Но, согласитесь, лейтенант, что поведение моей дочери вполне естественно, ведь человек, которого вы арестовали сегодня ночью, был ее самым близким другом. Но, невзирая на родственные чувства, я выполнил свой долг перед императором. Разумеется, это было нелегко!

— Сочувствую вашему горю, — сказал гусар.

Теперь Сибилла обратилась прямо к нему.

— Правильно ли я поняла? Вы арестовали Лесажа?

— Да, к несчастью, долг принудил меня сделать это.

— Я прошу сказать правду. Куда вы его отправили?

— Он в лагере императора.

— За что арестован Лесаж?

— Ах, мадемуазель, право же, не мое дело мешаться в политику! Мой долг — владеть саблей, ездить верхом да выполнять приказы. Эти двое господ могут подтвердить, что я получил от полковника Лассаля приказание арестовать Лесажа.

— Но что он такое сделал? За что его арестовали?

— Довольно, дитя мое, об одном

и том же, — строго сказал дядя, — если ты продолжаешь настаивать, то я скажу тебе раз и навсегда, что Люсьен Лесаж — опасный заговорщик, один из тех, что покушались на жизнь императора, и я считал своей обязанностью предупредить преднамеренное убийство.

— Предатель! — вскричала девушка. — Ты сам впутал его в это страшное дело, сам наставлял, сам не давал отступить, когда он пытался все бросить! О, низкий, подлый человек! Господи, что я сделала, за какие грехи моих предков я обречена называть своим отцом этого ужасного человека?

Дядя пожал плечами, как будто желая сказать, что бесполезно разговаривать с обезумевшей женщиной. Гусар и я хотели уйти, чтобы не участвовать в семейной ссоре, но Сибилла поспешно остановила нас, прося быть свидетелями ее обвинений. Никогда я не видал такой всесокрушающей страсти, какая светилась в ее сухих, широко раскрытых глазах.

— Вы многих завлекали и обманывали, но вы никогда не могли обмануть меня! О, я хорошо знаю вас — как может знать только ваша совесть! Вы вольны убить меня, как и мою мать, но вы никогда не заставите меня стать вашей

сообщницей. Вы назвались республиканцем, чтобы завладеть этими землями и замком, которые не принадлежали вам. А теперь вы стали другом Бонапарта, изменив прежним единомышленникам, которые верили вам. Вы послали Люсьена на смерть! Но я знаю ваши планы, и Луи тоже знает их, и, смею вас уверить, он отнесется к ним так же, как и я. Да лучше я сойду в могилу, нежели стану женою другого, а не Люсьена!

— Ты не говорила бы так, если бы знала, каким жалким трусом оказался Люсьен. Ты сейчас вне себя от гнева, ну а потом сама устыдишься, что публично

призналась в своей слабости. Перейдемте к делу, лейтенант. Чем могу служить?

— Я, собственно говоря, к вам, месье де Лаваль, — сказал мне гусар, презрительно поворачиваясь к дяде спиной. — Император послал меня за вами с приказанием немедленно явиться в Булонский лагерь.

От радости у меня перехватило дыхание: я мог бежать от дяди!

— Мои мечты сбываются! — воскликнул я.

— Лошадь и эскорт ожидают нас у ворот.

— Готов следовать за вами!

— К чему такая поспешность, ведь вы, конечно, позавтракаете с

нами? — сказал дядя.

— Приказания императора не терпят отлагательства, — отрезал молодой человек. — Я и без того замешкался. Нам следует отправляться немедленно.

Дядя взял меня под руку и тихонько пошел к воротам вслед за Сибиллой.

— Я бы хотел переговорить с тобою об одном деле, племянник, прежде чем ты покинешь нас. Так как в моем распоряжении слишком мало времени, то начну с главного. Ты видел Сибиллу, и, хоть она несколько сурово обошлась с тобою сегодня утром, могу тебя уверить: она славная девушка. Как я понял, она

говорила тебе о моем плане. Не знаю, что может быть лучше, чем повенчать вас, чтобы навсегда покончить со спором о том, кому принадлежит это имение.

— К сожалению, для осуществления этого плана имеются препятствия, — сказал я.

— Какие же это?

— Прежде всего, моя кузина любит другого и дала ему слово.

— О, это нас не касается, — со злобной улыбкой сказал он. — Ручаюсь, Люсьен Лесаж никогда не предъявит на Сибиллу своих прав!

— А я смотрю на брак с точки зрения англичан! По-моему, нельзя жениться без любви, по расчету.

Короче говоря, о вашем предложении не может быть и речи, потому что я люблю другую девушку, оставшуюся в Англии.

Он с ненавистью посмотрел на меня.

— Сначала подумай, что ты делаешь, Луи, — не сказал, а прошипел, словно змея, Бернак. — Ты становишься мне поперек дороги. До сих пор это никому не прошло безнаказанно.

— К сожалению, не могу изменить своих убеждений.

Он схватил меня за руку и, как сатана, соблазняющий Христа царствами земли, сказал:

— Посмотри на этот парк, леса,

поля. Посмотри на этот старый замок, где в течение восьми веков жили твои предки! Одно слово — и все это снова будет твоим!

Я вспомнил очаровательную Эжени, которая выглядывает из окошка своего милого, утопающего в зелени домика в Эшфорде.

— Нет, это невозможно! — воскликнул я.

Бернак понял, что я непоколебим, его лицо потемнело от гнева, и слова убеждения быстро сменились угрозами.

— Знай я это, я не стал бы мешать Туссаку. Я бы и пальцем не пошевелил ради вашего спасения.

— Весьма рад это слышать.

Своим признанием вы избавили меня от чувства благодарности к вам. Отныне я вам ничем не обязан! И я спокойно пойду своей дорогой, не имея с вами ничего общего.

— Не сомневаюсь, что вы не желаете иметь со мною ничего общего! — крикнул он. — Придет время, и вам еще больше захочется этого. Прекрасно, месье, идите своей дорогой, но и я пойду своей, и мы посмотрим еще, кто быстрее достигнет цели!

Гусары дожидались меня у ворот. Я быстро собрал свои скудные пожитки и пошел вон из дома. И тут мое сердце сжалось: я подумал о Сибилле. Мыслимо ли оставлять ее

одну с этим ужасным человеком? Ведь она предупредила, что ее жизни в этих стенах постоянно угрожает опасность! В раздумье я остановился на пороге. Послышались чьи-то легкие шаги — это она сама спешила ко мне.

— Счастливого пути, Луи, — сказала она, запыхавшись, и протянула мне руку.

— Я думал о вас, — сказал я, — мы объяснились с вашим отцом, и между нами все кончено!

— Слава Богу! — воскликнула она. — В этом ваше спасение! Но берегитесь его: он всюду станет преследовать вас.

— Пусть делает со мной, что

хочет, но как вы останетесь здесь?

— За меня не бойтесь. У него больше оснований меня опасаться, чем у меня его. Луи, вас зовут. Счастливого пути! Да поможет вам Бог!

Глава девятая

Лагерь в Булони

Как живое воплощение узурпаторства дядюшка стоял в воротах замка под фамильным гербом де Лавалей — серебристым щитом с тремя выгравированными на нем голубыми ласточками. Дядюшка словно не замечал меня, пока я садился на поданную мне высокую серую лошадь, но я видел, что из-под низко нависших бровей его глаза устремлены на меня, а желваки на скулах, по обыкновению, совершают свое ритмическое движение. На его увядшем лице и в жестоких глазах я

читал холодную ненависть. Я, в свою очередь, торопился уехать, потому что его общество угнетало меня, и я весьма был рад возможности повернуться к нему спиной, чтобы вовсе его не видеть.

Лейтенант отдал команду, раздалось звяканье гусарских сабель и шпор, и мы тронулись в путь. Когда я оглянулся на черневшие башенки Гробуа и на мрачную фигуру моего родича, следившего за нами из ворот, в одной из бойниц, над его головой, я вдруг увидел белый платок: кто-то махал в знак последнего приветствия! Снова я похолодел при мысли, что бесстрашная девушка оставалась с этим чудовищем одна.

Но юность недолго предается унынию, да и как грустить, если добрый конь мчит во весь опор, ветер свистит в ушах и дух захватывает от такой скачки? Мы ехали по песчаной дороге среди холмов, вдалеке виднелось море, а между ним и дорогой находилось теперь хорошо известное мне соляное болото. Чудилось даже, что я вижу вдали черную точку — злополучную лачугу. Показались рыбацкие селения; к ним принадлежали и Этабль, и Амблетэр. А мыс, освещенный ночью сторожевыми огнями и из-за этого похожий на раскаленную шпагу, сейчас, как снегом, был покрыт

белыми палатками лагеря.

Над водой далеко-далеко плыло маленькое дымчатое облачко, указывая мне на страну, где я провел свою юность, страну, которую я полюбил, как родину.

Наглядевшись на море и холмы, я обратил внимание на гусар, которые образовывали вокруг меня скорее стражу, чем эскорт. Я с удивлением и любопытством смотрел на людей, стяжавших всемирную известность своей дисциплиной и примерной доблестью. Их облик никоим образом нельзя было считать примечательным: мундиры и экипировка были куда скромнее, чем

у английской милиции в Кенте, которая проезжала по субботам через Эшфорд; их запачканные ментики, потертые сапоги, крепкие, но некрасивые лошади — делали их похожими скорее на простых крестьян, чем на гвардейцев. Невысокого роста, веселые, смуглолицые, с большими бородами и усами; у многих в ушах были серьги.

Меня поразило, что даже самый юный из них, совсем мальчик, совершенно оброс волосами, но, присмотревшись внимательнее, я заметил, что его бакенбарды сделаны из каучуковой смолы. Высокий молодой лейтенант заметил, с каким

удивлением я рассматривал этого гусара.

— Да-да, — сказал он, — эти баки ненастоящие. Чего же еще ожидать от семнадцатилетнего мальчишки? И в то же время мы не можем допустить, чтобы у нас на парадах были безусые и безбородые солдаты!

— Смола плавится в такую жару, лейтенант, — заявил гусар, бесцеремонно вмешиваясь в наш разговор. Свобода отношений была весьма характерна для наполеоновских войск.

— Хорошо-хорошо, Гаспар, года через два ты уже обойдешься без нее!

— Как знать, не обойдется ли он

тогда и без своей головы! — заметил один из капралов, и все расхохотались. Такая вольность была бы сочтена в Англии за нарушение дисциплины и повлекла за собой разбирательство в военно-полевом суде.

Отсутствие субординации, по всей вероятности, являлось наследием революции; между офицерами и солдатами старой гвардии царили простота и непринужденность, усиливавшиеся еще тем, что сам император запросто разговаривал со своими старыми служаками и даровал им различные привилегии. Но, к сожалению, далеко не все рядовые правильно

понимали подобные отношения, и нередко в результате
фамильярности становились кровавые расправы солдат над начальством. Нелюбимых офицеров часто избивали. Достоверно известно, что в битве при Монтебелло все офицеры, за исключением лейтенанта 24-й бригады, были расстреляны в спину своими же подчиненными. К счастью, подобный факт является уже пережитком прошлого, и, с тех пор, как император установил строгие наказания за нарушение дисциплины, дух войска сильно поднялся.

История нашей армии

свидетельствует, что можно обходиться без розог, употреблявших в войсках Англии и Пруссии, и едва ли не в первый раз доказала, что дисциплинированные массы людей могут единодушно и в идеальном порядке действовать исключительно из чувства долга и любви к родине, а не потому, что надеются на награды или боятся наказаний. Французы, например, не боятся распустить своих солдат по домам: можно не сомневаться, что все они явятся в час войны. Но всего более поразило меня в гусарах то, что они с трудом говорили по-французски. Я сказал об этом лейтенанту, когда тот поравнялся со

мною, и поинтересовался их происхождением: по-моему, они были не французы.

— Клянусь, не стоит говорить им такое, — ответил он. — Они почтут это оскорблением и возмутятся за сабли. Мы составляем первый полк французской кавалерии, первый гусарский полк из Бершени, и, хотя многие из них эльзасцы, они, однако, такие же французы душою, как Клебэр и Келлерманн. А ведь они тоже выходцы из Эльзаса. Наши гусары и офицеры как на подбор, — прибавил он, закручивая усы, — лихие служаки!

Слова лейтенанта меня весьма позабавили; он поправил кивер и

голубой ментик, спускавшийся с плеча, поудобнее уселся в седле, тронул ножны сабли: его просто распирало от гордости за себя и за свой полк. Приглядевшись к нему повнимательнее, я понял, что он нисколько не преувеличивает: смелая осанка лейтенанта говорила о безграничной храбрости и мужестве, а судя по его прямому искреннему взгляду, он был преданным, надежным товарищем. Лейтенант, в свою очередь, наблюдал за мною; в конце концов он дотронулся рукой до моего колена и сказал как нельзя более серьезным тоном:

— Думаю, император останется вами доволен!

— Иначе не должно и быть! Ведь я приехал из Англии с единственной целью служить ему!

— Когда он ознакомился с рапортом о событиях нынешней ночи и узнал, что и вы были в логове заговорщиков, он приказал немедленно привести вас. Как знать, может, он хочет использовать вас в Англии в качестве проводника. Вам, наверняка, хорошо известны все дороги на острове?

Гусар, по всей видимости, представлял себе Великобританию одним из тех островков, что встречаются близ Бретани и Нормандии. Я пытался было объяснить ему, что Англия очень

большая страна, не намного меньше Франции, но услышал в ответ:

— Ну-ну, скоро мы с ней основательно познакомимся: не сегодня-завтра мы двинемся ее завоевывать. В лагере только и разговору, что в будущую среду вечером или в крайнем случае в четверг утром мы уже будем в Лондоне. Неделю будем там веселиться, а потом армия разделится на две части, одна пойдет в Шотландию, другая — в Ирландию.

Его простота и наивность рассмешили меня.

— Почему вы так уверены, что сможете без особых хлопот завоевать Британию?

— О, император — он может все!

— Но ведь у англичан тоже есть армия, и вообще они отличные солдаты и прекрасно подготовлены!

— Англичане очень храбры и умеют драться, это верно, но что они против французов, раз с нами сам император?! — воскликнул он, и я понял, как велика была вера французских войск в своего вождя. В преклонении перед гением Наполеона они доходили до фанатизма; он был для них пророком, и никогда никакой Магомет не воодушевлял своих последователей сильнее, чем этот невысокий человек — кумир, которого они

боготворили. Вздумай он
утверждать — а он не раз был на
границе этого, — что он стоит выше
смертного человечества, то нашлись
бы миллионы последователей,
которые с пеной у рта стали бы
убеждать в этом остальных. Да, вам
не просто это уразуметь. Ведь вы
привыкли представлять его себе в
изгнании: в соломенной шляпе,
замкнутого, понурого, сломленного
(таким он и был в последние дни).
Что может быть обманчивее таких
представлений? Надо было слышать
его солдат, когда они приветствовали
его восторженными криками, надо
было видеть полные рабского
обожания взоры, провожавшие

императора, чтобы осознать, какой безграничной властью он обладал над людьми.

— Вы, стало быть, жили там? — спросил лейтенант, указывая по направлению облачка, все еще плывшего над водою.

— Да, я провел там юность.

— Но почему же вы оставались там, когда появилась возможность служить родине?

— Мой отец был изгнан из Франции вместе с другими аристократами. Только после его смерти я смог предложить свои услуги императору.

— Вы много потеряли, но я не сомневаюсь, что Франции еще

придется повоевать. Так вы полагаете, что англичане не боятся нашей высадки?

— Более того, они боятся, что вы не высадитесь!

— А вот мы боимся, что когда они увидят с нами самого императора, то сразу же сложат оружие и подраться не удастся. Я слышал, женщины на острове необыкновенно хороши.

— Да, женщины там очень красивые.

Он ничего не ответил и некоторое время задумчиво покручивал свои аккуратные светлые усы.

— Да вот беда: они ускользнут

от нас на лодках, — пробормотал он, и я ясно представил себе картину маленького, беззащитного «островка», рисовавшую в воображении воинственного лейтенанта. — Впрочем, доведись англичанкам нас увидеть, они бы и не подумали бежать, — самодовольно прибавил он. — Существует ведь поговорка: «Гусары из Бершени весь народ обращают в бегство: женщин — к себе, а мужчин — от себя». У вас будет возможность убедиться, что наш полк отлично укомплектован, офицеры — воплощение самого Марса, да и высшее командование — молодцы как на подбор.

Лейтенант был, вероятно, одних лет со мною, и его самодовольство заставило меня поинтересоваться, когда и где он сражался. Он окинул меня негодующим взглядом.

— Я имел счастье участвовать в девяти сражениях и более чем в сорока мелких стычках, — сказал он не без угрозы в голосе. — Кроме того, я не раз дрался на дуэли, и смею уверить, что всегда готов доказать свои слова и принять вызов даже от человека, не имеющего чести носить военный мундир!

Я поспешил уверить лейтенанта, что ему невероятно повезло, так как, будучи столь юным, он уже немало испытал, и лейтенант сразу же

ОСТЫЛ.

Он рассказал, что служил при Моро, участвовал в переходе Наполеона через Альпы и сражался при Маренго.

— Если вы пообщаетесь с солдатами, то, верно, не раз услышите имя Этьена Жерара, — сказал он. — Я имею право считать себя героем солдатских сказок, которые они любят слушать по вечерам. Вам расскажут о моей дуэли с шестью учителями фехтования или как я один атаковал австрийских гусар под Грацом, унес их серебряные литавры и приторочил их к своему седлу. Уверяю вас, что вовсе не случайно меня назначили схватить

мятежников прошлой ночью. Полковник Лассаль очень опасался тех республиканцев, и кто бы мог подумать, что на мое попечение отдадут какую-то жалкую личность! Храбрости у него, как у цыпленка.

— А тот, другой, Туссак?

— Ну, этот не таков! Неплохо было бы проткнуть его шпагой. Но он бежал. Солдаты напали на его след и даже стреляли, но он слишком хорошо знает местность, вот и ушел через болото.

— А что сделают с арестованным заговорщиком?

Лейтенант Жерар пожал плечами.

— Я очень сочувствую вашей

кузине, — сказал он, — но не пристало такой чудесной девушке любить труса! Ведь есть же много красивых и доблестных офицеров. Я слышал, что император устал от бесконечных заговоров, и, дабы другим неповадно было, этого злоумышленника решено сурово покарать.

Разговаривая таким образом, мы скакали по широкой ровной дороге, пока не достигли лагеря. Когда мы остановились на холме, перед нами как на ладони предстала пестрая картина лагерной жизни — бесконечные ряды лошадей, артиллерия, толпы солдат. В центре стояла большая палатка, окруженная

низкими деревянными домиками; над ней развевался трехцветный флаг.

— Это штаб императора, а деревянные домики — главные квартиры маршала Нея, командира корпуса. Это только одна из армий, остальные расположены к северу отсюда. Император посещает все армии, сам все контролирует. Но здесь его лучшие войска, поэтому мы чаще видим его, в особенности когда императрица с двором приезжает в Пон-де-Брик, Он и сейчас здесь, — прибавил гусар, понизив голос и указывая на центральную палатку.

Дорога к лагерю шла через обширную долину, где

маневрировали и производили различные учения бесчисленные полки кавалерии и пехоты. Мы так много слышали в Англии о войсках Наполеона, подвиги их казались нам такими невероятными, что пылкое воображение рисовало этих людей совершенно необыкновенными. На самом же деле пехотинцы в синих сюртуках, белых рейтузах и штиблетах оказались самыми что ни на есть обыкновенными людьми, и даже их высокие шапки с красными перьями не придавали им особой внушительности. Однако за многие месяцы, проведенные в боях, эти молодцы достигли в военном деле совершенства. В их рядах

насчитывалось множество ветеранов; все унтер-офицеры довольно потрудились на своем веку, да и офицеры, стоявшие во главе войск, вполне заслуживали доверия, так что англичане имели серьезные основания опасаться за судьбу Британии. Не помести Питт английский флот, лучший во всем мире, в проливе, вероятно, история Европы была бы теперь иною!

Лейтенант Жерар, видя, с каким интересом я следил за учением солдат, очень охотно удовлетворил мое любопытство, называя те полки, мимо которых мы проезжали.

— Эти молодцы на вороных лошадях с большими голубыми

чепраками — кирасиры, — сказал он. — Они настолько тяжелы, что могут ехать только галопом, поэтому при атаке, кроме них, необходимо иметь отряд гусар.

— Кто теперь занимает высший пост в генеральном штабе?

— Генерал Сен-Сир, которого зовут Спартанцем с Рейна. Он убежден, что простота жизни и одежды — главное достоинство солдата, и на этом основании не признает никакой формы, кроме синих сюртуков, как вот эти. Сен-Сир прекрасный офицер, но он не пользуется популярностью, главным образом, потому, что его вообще редко видят; он целыми днями не

выходит из своей палатки, предаваясь игре на скрипке. Кроме того, Сен-Сир неимоверно требователен к солдатам. Ну а я нахожу, что если солдат и пропустил иной раз добрый стакан вина, чтобы промочить горло, или же захочет пофрантить в неформенном мундире, украшенном побрякушками, то это не столь уж большая вина. Признаюсь, я и сам не прочь выпить и пофрантить люблю, и пусть те, кто знает меня, скажут, мешает ли это моей службе. Видите вон тех пехотинцев?

— С желтыми обшлагами?

— Совершенно верно! Это знаменитые гренадеры Удино, а вон те, рядом с ними, с красными

наплечниками, ранцами, в меховых шапках — Императорская гвардия, остатки старой Консульской гвардии, действовавшей при Маренго. Тысяча восемьсот человек из них получили отличия в этой битве! Вон там 57-й линейный полк, который зовется Грозным, а это Седьмой полк легкой пехоты; его солдаты были в Пиренеях и известны как лучшие ходоки и разведчики в армии. Легкая кавалерия вон там, во всем зеленом, — это егеря из гвардии, иногда их зовут гвардейцами, любимый полк императора, хотя я считаю, что он ошибается, предпочитая их гусарам из Бершени. Те кавалеристы в зеленых

кафтанах — тоже охотники, но я не знаю, какого полка. Их командир превосходен! Сейчас они полуэскадронами приближаются к флангу расположения войск развернутым фронтом, а затем вытягиваются в линию для атаки. Даже мы не смогли бы проделать этот маневр лучше! А теперь, месье де Лаваль, мы уже в лагере в Булони, и мой долг обязывает меня доставить вас прямо в штаб императора.

Глава десятая

В приемной

Наполеона

В Булонском лагере в это время находилось до ста тысяч пехоты и около пятидесяти тысяч кавалерии, так что по численности населения это местечко стало вторым после Парижа. Лагерь разделялся на четыре части: правый лагерь, левый лагерь, лагерь Вимре и лагерь Амблетэз; все они занимали около мили в ширину и простирались по берегу моря на семь миль. Лагерь не был укреплен с тыла, однако со

стороны моря его защищали батареи, в которых, помимо других новшеств, были пушки и мортиры невиданных размеров.

Эти батареи были расположены на высоких прибрежных утесах, что, конечно, еще более увеличивало их значение, давая возможность обстреливать разрывными снарядами палубы английских кораблей. Через лагерь было приятно ехать: ведь эти люди жили в палатках больше года и постарались украсить их как можно лучше. Большинство палаток было окружено садиками, и мы видели, как эти brave загорелые молодцы копались у себя в цветочных грядках с кривыми садовыми ножами или

лейками в руках.

Другие сидели, греясь на солнышке при входе в палатки, чистя свои кожаные кушаки или протирая дула ружей; они едва отрывались от своих занятий, чтобы бросить на нас мимолетный взгляд, потому что кавалерийские патрули были рассеяны по всем направлениям. Бесконечные ряды палаток образовали целые улицы, и название каждой красовалось на досках, прибитых кое-где на углах близ палаток. Так мы проехали через улицу Арколя, улицу Клебера, Египетскую улицу и наконец через улицу Легкой кавалерии и выехали на центральную площадь, где

находился штаб армии.

Император жил в деревушке Пон-де-Брик, в нескольких милях от лагеря, но все дни он проводил здесь, и военные советы всегда собирались здесь же. Тут он также встречался со своими министрами и генералами, которые со всего побережья являлись к нему с рапортами или за новыми приказами. Исключительно для этих совещаний был выстроен деревянный дом, имевший одну большую и три маленькие комнаты.

В штабной палатке, которую мы видели с холмов, обыкновенно собирались ожидавшие аудиенции у императора. Перед ее входом, который охранялся караулом из

гренадеров, объявивших нам, что Наполеон здесь, мы слезли с лошадей. Спросив наши имена, дежурный офицер ушел и через несколько минут возвратился в сопровождении генерала Дюрока, худощавого сурового человека лет пятидесяти.

— Месье Луи де Лаваль? — спросил он с натянутой улыбкой, окидывая меня подозрительным взглядом.

Я поклонился.

— Император весьма желает вас видеть! Лейтенант, не стану вас больше задерживать.

— На меня возложена личная ответственность за этого господина,

генерал!

— Тем лучше! Можете войти, коль вам угодно.

И он ввел нас в просторную палатку. Вдоль стен стояли простые деревянные скамьи. Здесь же собралась целая толпа офицеров в армейской и морской форме; они оживленно беседовали, но так тихо, что переходили почти на шепот.

В противоположном конце был полог, закрывавший вход в кабинет императора. Время от времени кто-нибудь из находившихся в палатке шел к пологу, быстро скрывался за ним и через несколько минут точно выскальзывал оттуда, тщательно занавешивая за собою вход. На всем

лежал отпечаток скорее парижского императорского двора, чем военного лагеря. Если даже в Англии император поражал меня своим могуществом, властью, то каково мне стало теперь, когда я знал, что он совсем рядом!

— Вам нечего опасаться, месье де Лаваль, — сказал лейтенант Жерар. — Вы можете быть уверены в хорошем приеме.

— Почему вы так считаете?

— Я сужу по обращению с вами генерала Дюрока. При дворе — крайне тягостное место для солдата, — если император улыбается, все тоже улыбаются, вплоть до того вон болвана лакея в красной бархатной ливрее. Но если император разгневан, вы легко прочтете отражение его гнева на всех лицах, начиная с императорских судомоек. И самое скверное то, что если вы не очень сообразительны в

придворной жизни, то определенно станете в тупик: улыбаться вам или хмуриться в данный момент? Вот почему я всегда предпочту свои лейтенантские эполеты, доброго коня, саблю в руке и свой эскадрон дворцу месье Талейрана на улице Святого Флорентина и его ста тысячам дохода.

Пока я осматривался и говорил с лейтенантом Жераром, удивляясь, как он мог по манерам Дюрока угадать, что император отнесется ко мне благосклонно, к нам подошел очень высокий и представительный молодой офицер в великолепной форме. Я сразу узнал в нем генерала Савари, командовавшего ночной

экспедицией на болотах, хотя тогда на нем был совсем другой мундир.

— Рад вас видеть, месье де Лаваль, — сказал он, приветливо пожимая мне руку. — Вы слышали, Туссак-то от нас убежал! Но его надобно во что бы то ни стало поймать, потому как тот второй — просто идиот-мечтатель. И мы его непременно поймаем, а пока придется ставить сильную стражу у покоев императора, потому что Туссак не такой человек, чтоб отказаться от задуманного.

Я вспомнил, как его пальцы сдавливали мне горло, и не замедлил согласиться, что, действительно, это очень опасный и неприятный

человек.

— Император желает вас видеть, — сказал Савари, — все утро он очень занят, но просил передать, что вы обязательно получите аудиенцию.

Он улыбнулся мне и прошел дальше.

— Несомненно, все благоприятствует вам, — прошептал Жерар, — многие желали бы, чтобы к ним обратился сам Савари! Без сомнения, у императора на вас какие-то особые виды! Однако внимание, друг мой, к нам направляется сам месье де Талейран.

Нетвердыми шагами к нам приближался странного вида

человек. Ему было лет под пятьдесят; широкий в груди и плечах, он был несколько сутуловат и сильно прихрамывал. Передвигался он очень медленно, опираясь на палку с серебряным набалдашником, и его скромный черный костюм с черными шелковыми чулками резко выделялся среди роскошных мундиров офицеров. Но, несмотря на скромность наряда, его изможденное лицо выражало такое превосходство над окружающими, что каждый считал своим долгом поклониться. Итак, сопровождаемый поклонами и приветствиями, он медленно прошел через всю палатку и остановился передо мною.

— Месье Луи де Лаваль? — спросил он, осматривая меня с головы до пят.

Я холодно ответил на его приветствие, потому что разделял неприязнь отца к этому расстриженному священнику и вероломному политику. Но его манеры были исполнены такой вежливой приветливости, что трудно было не ответить любезностью.

— Я хорошо знал вашего кузена де Рогана, — сказал он. — Мы были с ним два образцовых бездельника, когда мир не был еще столь серьезен, как ныне. Вы, полагаю, также родственник кардиналу Монморанси де Лавалю, моему старому другу? Я

слышал, вы приехали, чтобы служить императору?

— Да, именно для этого я приехал из Англии!

— И сразу же попали в переделку вместе с энергичным полицейским шпионом и двумя якобинцами. Вы могли убедиться, какая опасность грозит императору, и это должно побудить вас с еще большим рвением отдаться службе. Где же ваш дядя — господин Бернак?

— Он в замке Гробуа.

— Вы хорошо его знаете?

— До вчерашнего дня мне видеть его не доводилось.

— Он весьма полезен императору, но... но... — Талейран

наклонил голову к моему уху: — От вас мы ждем более существенных услуг, месье де Лаваль! — сказал он и с поклоном проследовал дальше.

— Да, мой друг, для вас готовится какое-то важное и ответственное дело, — заметил гусар. — Месье де Талейран своих поклонов и улыбок даром не раздает. Он знает наперед, куда дует ветер, и я предвижу, что благодаря вам и мне, может статься, удастся получить чин капитана в будущей кампании. Однако военный совет окончился!..

Из кабинета императора вышло несколько человек в темно-синих сюртуках с золотыми нашивками в виде дубовых листьев — отличие

маршалов Франции. Все, за исключением одного, едва достигли зрелого возраста; в другой армии они почли бы за необыкновенное счастье быть командирами полков; но непрерывные войны даже самому простому солдату давали возможность отличиться и сделать блестящую карьеру. Они держали под мышкой треугольные выгнутые шляпы и шли, держа руки на эфесах шпаг и тихо между собою переговариваясь.

— Вы происходите из хорошей семьи? — спросил гусар.

— Я последний представитель знаменитого рода де Лавалей. В моих жилах течет кровь де Роганов и

Монморанси.

— Теперь мне все ясно! Но позвольте вам заметить, что все, кого вы здесь видите, все эти люди, возвысившиеся при императоре, были прежде: один — лакеем, другой — контрабандистом, третий — бондарем, а вон тот — маляром! И Мюрат, Массена, Ней и Ланн — тоже простолюдины!

Будучи аристократом в душе, я все же преклонялся перед этими именами и попросил показать каждого.

— О, да тут много знаменитых вояк, — сказал лейтенант Жерар. — Но есть и много молодых офицеров, надеющихся превзойти их

впоследствии, — многозначительно прибавил он, нещадно теребя свои усы, — смотрите, там, направо, Ней!

Я увидел рыжего, коротко остриженного человека с резко, как у профессионального боксера, выдававшимся подбородком.

— Он известен под именем Рыжего Петра, а иногда в армии его зовут Рыжим Львом, — сказал гусар. — Его считают самым храбрым человеком в армии, хотя я знаю многих ничуть не менее храбрых, чем он. Однако надо отдать ему должное: он прекрасный полководец.

— А кто тот генерал рядом с ним? — спросил я. — И почему он

держит голову несколько набок?

— Это генерал Ланн, а голову он слегка пригибает к левому плечу, потому что был контужен при осаде Сен-Жан д'Акр. Он гасконец, как и я, и боюсь, он дает повод обвинить моих соотечественников в болтливости и придирчивости. Э, да вы улыбаетесь?

— Нет-нет, вам показалось!

— А я готов был подумать, что мои слова вас рассмешили. Я уж было решил, вы и впрямь поверили, будто гасконцам присущи эти недостатки. Я считаю, что среди всех французов у нас, гасконцев, безусловно, самый мягкий и покладистый нрав. И я всегда готов

защищать свое мнение с саблей в руке! Ланн очень ценный человек, хотя, конечно, не в меру вспыльчивый и горячий. Рядом с ним Ожеро.

Я с любопытством посмотрел на героя Кастильоне, который принял на себя командование, когда Наполеон совершенно пал духом. Этот человек, смело можно сказать, выделился исключительно благодаря войне, он никогда не сумел бы сделать этого в мирное время, потому что, даже несмотря на мундир с золотыми украшениями, выглядел вульгарным, самодовольным солдафоном, каких тьма-тьмущая в любом лагере: длинноногий, с вытянутым козлиным

лицом, с красным от пьянства носом. Он был старше остальных, но повышение пришло к нему слишком поздно, чтобы переменить его манеры: Ожеро всегда оставался прусским капралом в маршальской треуголке.

— Да, да, он весьма неказист, — сказал Жерар в ответ на мое замечание. — Ожеро — один из тех, про кого император выразился, что желал бы видеть их только во главе своих солдат, а не у себя в приемной. Он, Рапп и Лефевр с их огромными сапожищами, с громыхающими саблями, слишком топорны, чтобы украсить своим присутствием Тюильрийский дворец. К ним надо

отнести и Ван Дамма, вон того смуглого, с неприятным лицом. Не повезет английской деревушке, куда он попадет на зимние квартиры! Ведь это он один раз так разволновался, что вышиб челюсть вестфальскому священнику, который не приготовил ему второй бутылки токайского.

— А вот это, я думаю, Мюрат?

— Да, Мюрат, с черными баками, с толстыми красными губами. С его лица еще не сошел египетский загар. Вот это человек! Если бы вы видели его во главе легкой кавалерии, с развевающимися на каске перьями, с обнаженной саблей, — уверяю вас, вы бы

залюбовались! Я видел, как прусские гренадеры разбегались, едва его завидя! В Египте император удалил его от себя, потому что после Мюрата, этого лихого наездника и рубаки, арабы не хотели смотреть на маленького императора. По-моему, Лассаль — лучший кавалерист из всех, но ни за одним генералом люди не идут так охотно, как за Мюратом.

— А кто этот строгий, чопорный человек, опирающийся на восточную саблю?

— Так это Сульт! Самый упрямый человек на свете! Он вечно спорит с императором. Тот красавчик рядом с ним — Жюно, а около входа стоит Бернадотт.

С нескрываемым интересом я взглянул на этого авантюриста, который из простых рядовых попал в маршалы, но не удовольствовался маршальским жезлом, а пожелал завладеть королевским скипетром. И можно сказать, что он скорее наперекор Наполеону, чем с его помощью, достиг трона. Глядя на это резкое подвижное лицо с загадочными черными глазами, выдававшими полуиспанское происхождение, каждый читал, что судьба сулила ему совершенно особенную участь. Среди этих гордых, могущественных людей никто не был более щедро одарен императором, но и ни к кому, ни к

чьим тщеславным замыслам император не питал большего недоверия, чем к Жюлю Бернадотту и его планам.

И все эти гордые люди, не боящиеся, по словам Ожеро, ни Бога, ни черта, трепетали перед усмешкой или гневом невысокого человека, который правил ими. Пока я наблюдал за ними, в приемной внезапно воцарилась тишина. Все смолкли, точно школьники, застигнутые врасплох учителем. У поднятого полога своего штаба стоял сам император. Но даже без этого вдруг воцарившегося молчания, без шарканья ног вскакивавших со скамей людей я почувствовал его

присутствие: воздух словно наэлектризовался. Его бледное лицо притягивало к себе, и, хотя одет император был самым скромным образом и ничем особенным не выделялся, он сразу привлекал к себе внимание.

Да! Это был он, с полными, округлыми плечами, в зеленом сюртуке с красными воротником и обшлагами, в знаменитых белых рейтузах, плотно обтягивавших полные ноги; сбоку висела знаменитая шпага с позолоченным эфесом, вложенная в черепаховые ножны.

Император был без треуголки, что позволяло видеть рыжевато-

каштановые волосы, а треуголку, украшенную небольшой трехцветной розеткой (всегда воспроизводимой на портретах), он держал под мышкой; в правой руке он сжимал маленький хлыст для верховой езды с металлической головкой. Он медленно шел вперед, на лице его застыло грозное выражение, взор был устремлен в одну точку. Неумолимый, как рок!

— Адмирал Брюэс!

Я не знаю, заставил ли этот голос кого-нибудь, кроме меня, содрогнуться всем телом. Никогда я не слышал более резкого, угрожающего и зловещего голоса. Бросив по сторонам взгляд из-под

нахмуренных бровей, император резко остановился, точно желая пронзить подчиненных взглядом. Глаза его вспыхнули зловещим блеском, точно обнаженная сабля.

— Я здесь, ваше величество!

Моряк средних лет, какой-то неопределенной наружности, отделился от толпы. Наполеон с таким угрожающим видом двинулся к нему навстречу, что щеки моряка побелели, и он беспомощно оглянулся по сторонам, точно ища поддержки.

— Почему вы, адмирал Брюэс, — самым оскорбительным тоном крикнул Наполеон, — прошлой ночью не исполнили моих

приказаний?

— Я видел, что приближается шторм, ваше величество... Я знал, что если... — Он так волновался, что с трудом выговаривал слова: — ...что если идти дальше вдоль этого низкого берега...

— Кто дал вам право рассуждать? — с холодным пренебрежением крикнул Наполеон. — Вам известно, что ваши суждения не должны идти вразрез с моими?

— В деле мореплавания...

— Безразлично, в каком деле!

— Начинался ужаснейший шторм, ваше величество!

— Как! Вы и сейчас

осмеливаетесь спорить со мною?!

— Но если я прав?

В комнате воцарилась полная тишина, гнетущее молчание. Все, затаив дыхание, ожидали чего-то ужасного. На Наполеона было страшно смотреть: щеки его приобрели неестественный, землистый оттенок, мускулы напряглись, как у эпилептика.

Подняв хлыст, он направился к адмиралу.

— Ты наглец! — прошипел он.

Он произнес итальянское слово «coglione»: чем больше он забывался, тем явственнее проступал в его французском иностранный акцент. Казалось, он готов ударить моряка

хлыстом по лицу. Тот отступил на шаг и схватился за саблю.

— Ваше величество! — задыхаясь, прохрипел оскорбленный адмирал.

Всеобщая напряженность достигла предела. Все замерли. Наполеон опустил руку с хлыстом и принялся похлопывать себя по сапогу.

— Вице-адмирал Магон, — сказал он, — я передаю вам командование флотом. Адмирал Брюэс, вы покинете Францию в двадцать четыре часа и отправитесь в Голландию! Где же лейтенант Жерар?

Мой спутник вытянулся в

струнку.

— Я велел вам незамедлительно доставить сюда месье Луи де Лавалья из замка Гробуа!

— Он здесь, ваше величество!

— Хорошо, ступайте!

Лейтенант отдал честь, молодцевато повернулся на каблуках и удалился. Император обернулся ко мне. Я слышал о том, что есть люди, способные взглядом пронзить собеседника. Именно таковы были глаза Наполеона: я чувствовал, что он читал мои сокровеннейшие мысли. На лице его уже не осталось и следа недавнего гнева; наоборот, оно излучало приветливость и радушие.

— Так вы приехали служить мне, месье де Лаваль?

— Да, ваше величество!

— Но вы слишком долго собирались!

— Это зависело не от меня.

— Ваш отец эмигрант-аристократ?

— Да, ваше величество!

— И сторонник Бурбонов?

— Да!

— Теперь во Франции нет ни аристократов, ни якобинцев. Французы объединились, чтобы действовать для славы отечества. Вы видели Людовика Бурбона?

— Да, однажды мне довелось видеть его.

— И что же, его наружность не произвела на вас особого впечатления?

— Напротив, ваше величество, я нахожу, что его наружность оставляла самое благоприятное впечатление.

На мгновение искра гнева промелькнула в его изменчивых глазах, затем он слегка потянул меня за ухо, сказав:

— Месье де Лаваль, вы не созданы быть придворным! Знайте, Людовик Бурбон не получит обратно трона, сочиняя в Лондоне прокламации, которые он на королевский манер подписывает просто «Луи». Я нашел корону

Франции, когда она валялась на земле, и поднял ее концом своей шпаги!

— Вашей шпагой вы возвысили Францию, ваше величество, — сказал Талейран, стоявший все время за его плечом.

Наполеон взглянул на своего фаворита, и в его глазах, как мне показалось, мелькнула тень подозрения. Потом он обратился к своему секретарю.

— Отдаю месье де Лавалья в ваши руки, де Миневаль, — сказал он. — Я желаю видеть его у себя после артиллерийского смотра.

Глава одиннадцатая

Секретарь

Император, генералы и офицеры отправились на смотр, а я остался наедине с весьма симпатичным смуглым молодым человеком, одетым в черное платье с белыми гофрированными манжетами. Это был личный секретарь Наполеона, господин де Миневаль.

— Прежде всего вам стоит несколько подкрепиться, месье де Лаваль, — сказал он. — Никогда не следует упускать случая подкрепить свои силы, съев что-нибудь питательное, ведь вам предстоит

дождаться императора. Он сам может подолгу ничего не есть, и в его присутствии вы тоже оказываетесь обязаны поститься. Знаете, я совершенно истощен от постоянного голодания.

— Но как же он выносит такую жизнь? — спросил я.

Господин де Миневаль произвел на меня самое приятное впечатление, и я отлично чувствовал себя в его обществе.

— О, это железный человек, месье де Лаваль, мы не можем с него брать пример. Он зачастую работает по восемнадцати часов кряду. За это время ничего не съест и не выпьет, кроме одной-двух чашек кофе. Мы

все ему только поражаемся. Даже солдаты уступают ему в выносливости. Клянусь, я считаю за высшую честь быть его секретарем, хотя эта должность не из легких. Очень часто в двенадцатом часу ночи я еще пишу под его диктовку, хотя чувствую, что глаза слипаются от усталости. Это трудная работа. Император диктует так же быстро, как говорит, и ни за что не повторит сказанного. «Теперь, Миневаль, — скажет он вдруг, — дела закончены, пойдем спать». И, когда я в душе уже поздравляю себя с вполне заслуженным отдыхом, он добавляет: «Приступим к работе в три часа утра». Трех часов, по его мнению,

вполне достаточно, чтобы успеть отдохнуть!

— Но разве у вас нет определенного времени для обеда и ужина, господин де Миневаль? — спросил я, идя за несчастным секретарем.

— Да, конечно, для еды установлены определенные часы, но император совершенно не хочет с этим считаться. Вот сегодня, например, обеденное время уже давно прошло, а он отправился на смотр. После смотра он увлечется еще чем-нибудь и только вечером вспомнит, что не успел пообедать. Тогда он потребует, чтобы обед был готов сию же минуту, и бедный

Констан должен будет не мешкая подать горячий обед!

— Но ведь есть в такой поздний час вредно!

Секретарь улыбнулся.

— Вот императорская кухня, — сказал он, указывая на большую палатку прямо за штабом, — у входа стоит Борель, второй повар. Сколько сегодня зарезано цыплят, Борель?

— Ах, месье де Миневаль, просто сердце разрывается! — вскричал повар. — Вот полюбуйте́сь-ка! — Он отдернул полог в палатку, и показал семь блюд с холодной птицей.

— Восьмая жарится и скоро будет готова, но я слышал, его

величество отправился на смотр, так что надо готовить девятую.

— Вот видите, что из этого выходит, — сказал мой спутник, когда мы покинули кухню, — был случай, когда для императора приготовили двадцать три обеда, один за другим, прежде чем он вспомнил о еде. В тот день он обедал в одиннадцать часов ночи. Он мало обращает внимание на еду и питье, но не любит ждать. Полбутылки вина и рыба под красным соусом или птица а ля маренго вполне удовлетворяют его, но Боже упаси подать крем или пирожное прежде птицы, он не станет их есть... А вот не хотите ли взглянуть?

Я вскрикнул от удивления: грум на чудном арабском коне галопом ехал по переулку. В это время гренадер, державший в руках маленького поросенка, бросил его под ноги лошади. Поросенок с отчаянным хрюканьем пустился наутек, но лошадь продолжала идти тем же аллюром, даже не переменив ноги.

— Что происходит? — спросил я.

— Это Жарден, главный грум; на него возложена выездка императорских лошадей. Сначала он приучает их к пушечным выстрелам, потом их пугают различными предметами, и, наконец, последнее

испытание — бросание поросенка под ноги. Император не особенно крепко сидит в седле и, кроме того, сидя верхом, часто задумывается, так что давать ему невыезженных лошадей небезопасно. А вон, видите того юношу, который спит у входа в палатку?

— Да, вижу!

— Вы, конечно, и не предполагаете, что в настоящий момент он исполняет для императора свою работу?

— Ну коли так, то нельзя назвать его службу изнурительной!

— Да, месье де Лаваль, хотел бы я, чтоб и наши обязанности были так же необременительны! Это Жозеф

Лендан, обладатель ног одного с императором размера. Он изнашивает башмаки и сапоги, прежде чем их наденет император. По золотым пряжкам на его башмаках понятно, что они принадлежат Наполеону. Ба! Месье де Коленкур, не хотите ли к нам присоединиться и пообедать у меня в палатке?

Высокий, красивый, очень элегантно одетый человек, издали раскланиваясь, подошел к нам.

— Редко удастся с вами повидаться, месье де Миневаль! У меня немало работ по дому, и все же я свободнее вас. Успеем ли мы пообедать до возвращения

императора?

— Конечно, мы уже пришли, и все давно готово. Отсюда мы увидим, когда император будет возвращаться, и успеем добежать до приемной. Мы здесь на биваках, и потому наш стол не отличается изысканностью, но, без сомнения, месье де Лаваль извинит нас за это.

Я с наслаждением ел котлеты и салат, слушая рассказы новых знакомых о привычках и обычаях Наполеона; меня интересовало все, что касалось до этого человека, гений которого молниеносно прославил его на весь мир. Господин де Коленкур рассказывал о Наполеоне с удивительной

непринужденностью.

— Что говорят о нем в Англии, месье де Лаваль? — спросил он.

— Мало хорошего!

— Я так и думал, судя по их газетным статьям. В английских газетах императора называют неистовым самодуром, и все-таки он хочет читать их, хотя я готов побиться об заклад, что в Лондоне он прежде всего разошлет всю свою кавалерию в редакции газет с приказанием хватать их издателей.

— А затем?

— Затем мы вывесим длинную прокламацию, чтобы убедить англичан, что если мы и победили их, то только для их же блага,

совершенно против нашего собственного желания. Ну а если им нужен правитель-протестант, то император даст им понять, что его взгляды весьма мало расходятся со взглядами Святой Церкви.

— Ну уж это слишком! — воскликнул де Миневаль, удивленный и, пожалуй, испуганный смелостью суждений своего приятеля. — Конечно, император имеет серьезные основания вмешаться в дела магометан, но я смело могу сказать, что он будет так же заботиться об англиканской церкви, как в Каире о магометанстве.

— Император слишком много думает сам, — сказал Коленкур, и

грусть зазвучала в его голосе, — он так много думает, что другим уже не о чем больше размышлять. Вы угадываете мою мысль, де Миневаль, потому что сами в этом убедились не хуже меня?

— Да-да, — ответил секретарь, — он, конечно, не позволяет никому из окружающих выделиться, потому что, как он не раз говорил, ему нужны посредственности. Должен сознаться, что это весьма грустный комплимент для нас, имеющих честь служить ему!

— При дворе императора умный человек, лишь притворившись тупицей, может выказать свой ум, —

сказал Коленкур.

— Однако же здесь много замечательных людей, — заметил я.

— Если это действительно так, то свои должности они могут сохранить, лишь скрывая свои способности. Его министры — приказчики, его генералы — лучшие из адъютантов. Они все — орудия в его руках. Посмотрите на свиту Бонапарта: в ней, как в зеркале, отражаются различные стороны его деятельности. В одном вы видите Наполеона-финансиста, это Лебрен. Другой — полицейский, это Савари или Фуше. Наконец, в третьем вы узнаете Наполеона-дипломата — это Талейран! Это разные люди, но на

одно лицо. Я, например, стою во главе домашнего хозяйства, но не имею права сменить ни одного из слуг. Это право сохраняет за собою император. Он играет нами, как пешками, — приходится сознаться в этом, Мине-валь! По-моему, это тоже проявление его удивительного ума. Он не хочет, чтобы мы были в добрых отношениях между собою — таким образом он предотвращает возможный заговор. Он настроил всех своих маршалов друг против друга, и едва ли найдутся двое, которые не были бы на ножах. Даву ненавидит Бернадотта, Ланн презирает Бессьера, Ней — Массена. При встречах они с большим трудом

удерживаются от открытых ссор. Он знает наши слабости. Знает любовь Савари к деньгам, тщеславие Камбасереса, тупость Дюрока, самодурство Бертье, пошлость Мюрата, страсть Талейрана ко всевозможным спекуляциям! Все эти господа являются орудиями в его руках. Я не знаю за собой никакой особой слабости, но уверен, что ему-то она известна, и он пользуется ЭТИМ.

— Но зато сколько же ему приходится работать! — воскликнул я.

— Да, это верно, — согласился де Миневаль. — Он отдает работе себя всего, иногда занят по

восемнадцать часов в сутки. Помню, раз он председательствовал в Законодательном Совете, так он продержал его членов на заседании до тех пор, пока они не стали падать в обморок от изнеможения. Я сам глубоко убежден, что Бонапарт станет причиной моей смерти, как это было с де Бурьенном, но я безропотно умру на своем посту, потому что, хотя император строг к нам, он не менее строг и к самому себе!

— Он именно тот, кто был нужен Франции, — сказал Коленкур, — он гений порядка и дисциплины. Вспомните хаос, царивший в нашей бедной стране

после революции, когда ни один человек не был способен управлять, но каждый стремился достичь власти! Один Наполеон сумел спасти нас. Мы мечтали, чтобы кто-нибудь пришел к нам на помощь, и этот железный человек явился в самое тяжелое время. Если бы вы видели его тогда, месье де Лаваль! Теперь он человек, достигший всего, к чему стремился, спокойный и доброжелательный; но в те дни он не имел ничего и только начинал осуществлять свои замыслы. Его взгляд пугал женщин, он ходил по улицам, как разъяренный волк. Когда он проходил мимо, все помимо воли долго смотрели ему вслед. И лицо его

в ту пору было совсем иное: бледные впалые щеки, резко очерченный подбородок, в глазах всегда угроза. Да, маленький лейтенант Бонапарт, воспитанник военной школы в Бриенне, производил странное впечатление. «Вот человек, — сказал я себе тогда, — который или станет властителем Франции, или погибнет на эшафоте». И теперь вы видите, что получилось.

— И всего-то прошло десять лет! — воскликнул я.

— Да, за десять лет Бонапарт из солдатских казарм перешел в Тюильрийский дворец. Видно, так ему на роду написано. И на меньшее он неспособен. Бурьенн говорил мне,

что, когда Бонапарт был еще совсем маленьким мальчиком в Бриенне, в нем уже сказывался будущий император: в его манере одобрить или не одобрить, в его улыбке, в блеске глаз в минуту гнева — все предсказывало Наполеона наших дней. Видели вы его мать, месье де Лаваль? Она похожа на королеву из трагедии. Высокая, строгая, величественная и молчаливая. Яблоко от яблони недалеко падает.

Де Миневаля определенно раздражала откровенность друга: во вкрадчивом взгляде придворного льстеца появилась тревога.

— Как видите, месье де Лаваль, над нами не тяготеет власть

ужасного тирана, — сказал он, — раз мы так смело и откровенно болтаем о нашем императоре. Все то, что мы говорили здесь, Наполеон выслушал бы не только с удовольствием, но и с одобрением. Разумеется, как и у всех людей, у него есть свои слабости, но они не имеют никакого значения. Наполеон гениален как правитель, выбор нации был справедлив. Он работает больше, чем каждый из его подданных. Он любимейший полководец у солдат; он хозяин, которого обожают слуги. Для него не существует праздников, он готов работать всегда. Под крышей Тюильри нет более умеренного в пище и питье. Бонапарт воспитывал

своих братьев, когда сам был чуть не нищим; впоследствии он проявил щедрость даже к своим дальним родственникам. Словом, он экономен, очень трудолюбив, воздержан. Я читал в лондонских газетах о принце Уэльском, и он не выдерживает никакого сравнения с Наполеоном!

Я вспомнил все брайтонские, лондонские, ньюмаркетские скандальные истории, в которых был замешан принц Георг, и решил не вступаться за него.

— Мне думается, газеты имеют в виду не личную жизнь императора, но его честолобивые притязания, — ответил я.

— Какие тут притязания, когда император, как и все мы, понимает, что на земном шаре может существовать либо Франция, либо Англия! Одна из двух должна взять верх. Если Англия сдастся, мы сможем основать всемирную империю. Италия — наша. Австрия снова станет наша, как и раньше. Германия разделилась на части. Россия может распространяться только на юго-востоке. Америку мы покорим позже, как-нибудь на досуге, имея вполне справедливые притязания на Луизиану и Канаду. Мы будем править всем миром, и есть только одно препятствие, чтобы выполнить нашу миссию.

Через открытый полог палатки он указал на широкие воды Ла-Манша. Там вдали, словно белые чайки, мелькали паруса сторожевых английских судов. Я снова вспомнил, как несколько часов тому назад видел огни судов на море и огни лагеря на берегу. Столкнулись две нации: одна — владычица моря, другая — не знавшая равных на суше; столкнулись лицом к лицу, и весь мир, затаив дыхание, следил за борьбой двух титанов.

Глава двенадцатая

Человек дела

Расположение палатки де Миневаля позволяло видеть штаб императора со всех сторон. Не знаю, то ли мы слишком увлеклись беседой или же император вернулся другим путем, но мы не заметили, как он проехал, и спохватились лишь тогда, когда перед нами выросла фигура капитана в зеленом мундире гвардейских разведчиков. Еле переводя дух, он сообщил нам, что Наполеон ожидает своего секретаря. Бедный Миневаль стал бледен как полотно, и в первую минуту от

душившего его волнения не мог вымолвить ни слова.

— Я обязан был находиться там! — почти простонал он. — Господи, какое несчастье! Я прошу извинения, месье де Коленкур, что должен вас покинуть!.. Где же мои шпага и фуражка?.. Идемте же, идемте, месье де Лаваль, нельзя терять ни минуты!

Я видел, как получил отставку адмирал Брюэс, и неудивительно, что де Миневаль пришел в ужас от своей оплошности. Да, император заставлял трепетать своих подчиненных. Никогда они не могли быть спокойны, любую минуту можно было ожидать катастрофы.

Обласканные сегодня, завтра они могли быть прилюдно опозорены; ими пренебрегали, их третировали, как простых солдат, и все же они любили своего Бонапарта и служили ему так, что другому императору и не снилось.

— Думаю, мне лучше остаться здесь, — сказал я, когда мы дошли до приемной.

— Нет-нет, ведь я за вас отвечаю! Вы должны идти вместе со мною! О! Хочется надеяться, что я не слишком провинился. Но как же я его проглядел?

Мой испуганный провожатый постучал в дверь; Рустам, мамелюк, стоявший на страже, тотчас открыл.

Комната, куда мы вошли, была довольно большая и скромная: серые обои на стенах, в центре потолка изображение золотого орла, держащего в когтях молнию, — эмблема императорской власти. Несмотря на теплую погоду, топился камин, и тяжелый, спертый воздух был насыщен сильным ароматом алоэ. Посреди комнаты стоял большой овальный стол, покрытый зеленым сукном и заваленный письмами и бумагами. Сбоку помещался письменный стол, за которым в зеленом кресле с изогнутыми ручками сидел император. Несколько офицеров стояло у стен, но он словно не

замечал их. Маленьким перочинным ножом Наполеон водил по деревянным украшениям своего кресла. Он мельком взглянул на нас, и холодно обратился к де Миневалю:

— Я ждал вас, месье де Миневаль. Не помню случая, чтобы Бурьенн, мой последний секретарь, заставлял себя ждать. Не надо извинений, и довольно об этом! Потрудитесь взять мой приказ — я написал его без вас — и снять с него копию.

Бедный де Миневаль дрожащей рукой взял бумагу и отправился к своему столику. Наполеон встал. Задумчиво опустив голову, он тихо ходил по комнате взад-вперед. Я

видел, что он не может обойтись без секретаря, потому что, пока писал сей знаменательный документ, залил весь стол чернилами; на его белых рейтузах остался ясный след того, что он обтирал о них перья. Я по-прежнему стоял возле входа, и он не обращал на меня ни малейшего внимания.

— Ну что же, вы готовы, де Миневаль? — спросил он вдруг. — У нас еще масса дел!

Секретарь в смятении обернулся.

— С вашего разрешения, ваше величество... — заикаясь пробормотал он.

— В чем дело?

— Простите, но я с трудом понимаю написанное вами, ваше величество.

— Однако вы поняли, о чем приказ?

— Да, ваше величество, конечно: здесь идет речь о корме для лошадей кавалерии.

Наполеон улыбнулся, и лицо его стало совершенно детским.

— Вы напоминаете мне Камбасереса, де Миневаль! Когда он получил мой отчет о битве при Маренго, то усомнился, могло ли дело происходить так, как я описал. Удивительно, с каким трудом вы разбираете мой почерк! Этот документ не имеет никакого

отношения к лошадям. В нем содержатся инструкции адмиралу Вильневу, чтобы он, приняв на себя командование в Ла-Манше, сосредоточил там свой флот. Дайте я прочту вслух!

Быстрым, характерным порывистым движением император вырвал из рук секретаря бумагу, но, пробежав ее строгим взглядом, скомкал и зашвырнул под стол.

— Я продиктую все заново, — сказал он, продолжая ходить по комнате.

Из его уст изливался целый поток слов, и бедный де Миневаль с покрасневшим от напряжения лицом едва успевал заносить их на бумагу.

Воодушевившись, Наполеон ускорил шаги; голос его повышался; пальцы левой руки впились в красный обшлаг рукава, кисть правой судорожно подергивалась, что было ему свойственно. Его мысли и планы поражали ясностью и величием: даже такой непосвященный, как я, без труда следил за ними. Я удивлялся его способности схватывать и запоминать факты: Наполеон с поразительной точностью мог говорить не только о числе линейных кораблей, но и о фрегатах, шлюпах и бригах в Ферроле, Рошфоре, Кадисе, Карфагене и Бресте; он наизусть называл численность экипажа

каждого из них и количество орудий, имевшихся на борту. Более того, он помнил название и вооружение каждого английского корабля. Такие познания даже для моряка были необычайными, но, принимая во внимание, что вопрос о судах являлся одним из сотен других вопросов, с которыми ему постоянно приходилось иметь дело, я начал представлять широту его проницательного ума. Он совершенно не обращал на меня внимания, но тут вдруг выяснилось, что он, оказывается, непрерывно наблюдал за мною. Окончив диктовать, он обратился ко мне со словами:

— Похоже, вы удивлены, месье

де Лаваль, что я занимаюсь делами моего флота без морского министра, но имейте в виду, что одно из моих правил — вникать во все самому. Будь у Бурбонов столь похвальная привычка, им не пришлось бы влачить жалкое существование в мрачной и туманной Англии.

— Да, но для этого нужно еще обладать вашей памятью, ваше величество, — заметил я.

— Она входит в мою систему, — ответил он. — У меня в памяти все сведения распределены, если так можно выразиться, по отдельным ящикам, которые, исходя из необходимости, я и открываю. Редко когда я не могу вспомнить того, что

мне нужно. У меня очень плохая память на числа и имена, зато я прекрасно запоминаю факты и лица. Да, многое приходится держать в голове, месье де Лаваль! Например, вы видели, что у меня в памяти есть маленький ящик, заполненный морскими судами. Я должен также знать все крепости и гавани Франции. Вот однажды военный министр давал мне отчет о береговых укреплениях, а я смог указать ему, что он не упомянул о двух пушках в береговых батареях Остенде. В другом ящике моей памяти находятся сведения о войсках Франции. Вы согласны с этим, маршал Бертье?

Гладко выбритый человек,

который стоял у окна, покусывая ногти, поклонился в ответ.

— Нет сомнения, ваше величество, что вы знаете имя каждого солдата в строю!

— Думаю, что знаю большую часть моих прежних египетских солдат, — сказал он. — Кроме того, месье де Лаваль, я должен помнить о каналах, мостах, дорогах, о промышленности — одним словом, обо всех отраслях хозяйства страны. Законы и финансы Италии, колонии Голландии — это тоже занимает много места в моей памяти. В наши дни, месье де Лаваль, Франция предъявляет большие требования к своему правителю. Теперь уже мало

одного умения с достоинством носить царскую порфиру или гоняться за оленями по лесам Фонтенбло!

Я вспомнил беспомощного, красивого, обожавшего роскошь и блеск короля Людовика, которого видел в детстве, и понял, что Франции после пережитых волнений и страданий действительно была нужна твердая и сильная рука.

— А вы что об этом думаете, месье де Лаваль? — спросил император. Он остановился около камина, чтобы погреть ногу. Я обратил внимание на то, что его ботинки с золотыми пряжками были очень изящными.

— Убежден, что именно так и должно быть, ваше величество!

— Вы пришли к правильному выводу, — сказал он. — Но вы, кажется, и прежде держались того же взгляда. Верно ли мне передали, что в одном кабачке Эшфорда вы не на шутку схватились с молодым англичанином, который предложил вам тост за мое падение?

Я вспомнил тот случай, но не мог взять в толк, откуда Наполеону стало о нем известно.

— Почему ж вы защищали меня?

— Я сделал это по наитию, ваше величество!

— Не могу понять, как это люди могут делать что-нибудь по наитию!

По-моему, это допустимо только для сумасшедших, но не для здравомыслящих людей. Из-за чего рисковали вы жизнью, ведь тогда вы не могли рассчитывать на мою благодарность?

— Вы стояли во главе Франции, ваше величество, а Франция — моя родина! — горячо возразил я.

Во время нашего разговора он продолжал ходить по комнате, сгибая и разгибая правую руку и поглядывая на нас через монокль, так как зрение его было настолько слабо, что в комнате он был принужден пользоваться моноклем, а под открытым небом — подзорной трубой. Иногда он доставал щепотку

нюхательного табаку из черепаховой табакерки, но я видел, что ничего не попадало по назначению — весь табак он просыпал себе на сюртук и на пол.

Мой ответ, видимо, понравился ему, потому что он вдруг схватил меня за ухо и стал пребольно тянуть.

— Вы правы, мой друг, — сказал он, — я стою за Францию, как Фридрих II стоял за Пруссию. И я сделаю Францию могущественнейшей державой в мире! Все государи Европы сочтут необходимым иметь дворцы в Париже, и они составят свиту при коронации моих преемников!..

Внезапно лицо его исказило

мучительное страдание.

— Господи! Для кого я все это создаю? Кто будет царствовать после меня? — прошептал он, проводя рукою по лбу. — Боятся ли в Англии моего вторжения? — неожиданно спросил он. — Доводилось вам слышать от англичан опасения, что я могу переплыть Ла-Манш?

Я был принужден сознаться, что англичане опасаются как раз обратного: что он откажется от замысла переплыть Ла-Манш.

— Их солдаты завидуют морякам, которые первые будут иметь честь бороться с вами, — добавил я.

— Но ведь у них очень

маленькая армия!

— Да, но надо принять во внимание, что почти вся Англия пошла в волонтеры.

— Ба, новобранцы не опасны! — воскликнул он, точно отбрасывая их руками. — Я высажусь со стотысячной армией в Кенте или в Суссексе. Я проведу там большое сражение и выиграю его с потерей десяти тысяч человек. На третий день я буду в Лондоне. Там я немедленно захвачу государственных чиновников, банкиров, купцов, издателей газет. Я потребую выплаты контрибуции в размере ста миллионов фунтов стерлингов! Я стану покровительствовать бедным

за счет богатых и таким образом переманю их на свою сторону. Я предоставляю автономию Шотландии и Ирландии; это даст им преимущество перед Англией. Таким образом повсюду возникнут раздоры. И потом я потребую отдать их флот и укрепить за Францией английские колонии в вознаграждение за то, что я покину их остров! Я достигну всемирного владычества для Франции и закреплю его навеки!

Эта речь служила лишним доказательством его поистине удивительной особенности, о которой мне доводилось слышать и раньше: Наполеон совмещал широту замыслов с разработкой мельчайших

деталей, поэтому его планы никогда не выходили за пределы возможного. Мысль о походе на Восток, подобная легкому неясному сну, сменялась в его мозгу размышлениями о судах, портах, резервах, войсках, которые необходимы для осуществления мечты. Он сразу улавливал суть вопроса и разрабатывал его с тою решимостью, с какою он шел на столицу врагов. Обладая душою поэта-идеалиста, Наполеон в то же время был человеком дела — сочетание, которое способно сделать индивида крайне опасным для всего миропорядка.

Я более чем уверен, что, говоря о своих ближайших намерениях,

Наполеон преследовал тайную цель (он никогда и ничего не делал просто так), и в данном случае он, видимо, рассчитывал на эффект, который могло бы произвести на остальных эмигрантов мое мнение.

Не существовало, казалось, ничего, что было бы не по силам его уму, и всякое незначительное дело он умел возвысить так, что оно становилось достойным его величия. В один миг он переходил от размышления о зимних квартирах для 200 тысяч солдат к спорам с де Коленкуром об уменьшении домашних расходов и о возможности убавить число экипажей.

— Я стремлюсь содержать дом

как можно экономнее, и поэтому могу показаться в роскоши и величии за границей, — сказал он. — Помню, когда был лейтенантом, я умудрялся существовать на 1200 франков в год, и для меня не составит большого труда вести подобный образ жизни и сейчас. Необходимо остановить дворцовую расточительность! Например, из отчета Коленкура я вижу, что в один день было выпито 155 чашек кофе, что при цене сахара в 4 франка и кофе в 5 франков за фунт дает 20 су за чашку. Следует сократить это количество! При настоящей цене сена семисот франков в неделю должно вполне хватить 200 лошадям. Я не желаю

терпеть чрезмерных расходов на Тюильри!

В течение нескольких минут он переходил от вопроса о миллиардах к вопросу о копейках и от вопросов государственного устройства — к лошадиному стойлу. Время от времени он вопрошающе поглядывал на меня, точно спрашивая моего мнения, а я не переставал поражаться, зачем ему сдалось мое одобрение. Но, вспомнив, скольких представителей старого дворянства мог соблазнить мой пример, я понял, что он глубже проникал в суть вещей и событий.

— Итак, месье де Лаваль, — внезапно сказал он, — вы до

некоторой степени познакомились с моей системой. Готовы ли вы поступить ко мне на службу?

— Всею душой, ваше величество! — ответил я.

— Учтите: я умею быть очень строгим хозяином, когда захочу, — с улыбкой сказал он. — Вы присутствовали при моем разговоре с Брюэсом. Я не мог поступить иначе, потому что для нас важнее всего исполнение долга, а дисциплина требуется не только от низших, но и от высших чинов. Но гнев никогда не может заставить меня потерять самообладание, потому что он не поднимается выше этого порога, — при этом он указал рукою на шею. —

Я никогда не дохожу до исступлений. Доктор Корвизар подтвердит вам, что у меня весьма медленное кровообращение.

— Зато вы слишком быстро едите, ваше величество, — сказал широколицый добродушный человек, шептавшийся до той минуты с Бертье.

— Ах вы, негодник этакий, еще клеветает на меня! Доктор никак не может простить, как я однажды сказал, что предпочитаю умереть от болезни, чем от лекарств! Если я слишком мало трачу времени на еду, то это уже не моя вина, а государства, которое уделяет мне на еду всего несколько минут. Ах да! Я

вспомнил, что, верно, сильно запоздал с обедом. Кон-стан!

— Уже четыре часа прошло сверх положенного для обеда часа, ваше величество.

— Давай сейчас!

— Слушаю, ваше величество! Осмелюсь доложить, в дверях ожидает месье Изабей со своими куклами!

— Ну тогда погоди, я сначала взгляну на них. Позвать его сюда!

Вошел человек, по-видимому, прибывший издалека. На его руках висела большая, сплетенная из ивняка корзина.

— Я посылал за вами два дня назад, месье Изабей!

— Курьер был у меня вчера, ваше величество. А я только что из Парижа.

— Модели с вами?

— Да, ваше величество.

— Разложите их на столе.

Я ничего не понимал. Изабей раскрыл корзинку, наполненную маленькими куклами, не больше фута величиной, разодетыми в самые яркие шелковые и бархатные костюмы с отделкой из горноста и золотых шнуров. И пока он раскладывал их на столе, я догадался, что император с его скрупулезностью и привычкой лично вникать во все пожелал видеть и эти костюмы придворных, заказанные для его

двора на случай церемоний, парадов и прочих торжественных случаев.

— Что это такое? — спросил он, беря маленькую куклу в красном с золотом охотничьем костюме и белым плюмажем.

— Это охотничий костюм императрицы, ваше величество!

— Талия слишком низка, — сказал Наполеон, имевший строго определенные взгляды на дамские платья. — Эта проклятая мода, кажется, единственная вещь, которая не поддается моим командам. А это кто?

Он указал на фигурку в зеленом сюртуке, отличающуюся особенно торжественным видом.

— Это распорядитель императорской охоты, ваше величество!

— Значит, это вы, Бертье! Как вам нравится ваш новый костюм? А кто вот этот в красном?

— Это главный канцлер!

— А в лиловом?

— Камергер двора!

Император занялся костюмами, точно дитя новой игрушкой. Он создавал из кукол группы, чтобы иметь понятие о том, как они будут выглядеть все вместе. Затем он сложил их обратно в корзинку.

— Очень хорошо, Изабей, — сказал он, — вы и Давид потрудились на славу. Можете

передать эти модели придворным поставщикам и получить там вознаграждение за издержки. Но скажите Ленорман, что если она осмелится подать такой же счет, какой недавно прислала императрице, то ей придется познакомиться с внутренним расположением Венсеннской тюрьмы. Думаю, что выбросить 25 тысяч франков на одно платье, хотя бы оно было для самой мадемуазель Эжени де Шуазель, покажется вам непростительной глупостью, не так ли, Лаваль?

Он знал имя моей невесты! Неужели ничто не могло укрыться от этого непостижимого человека?

Какое ему было дело до моей любви, — ему, погруженному в решение судеб всего мира? И когда я смотрел на него с удивлением и страхом, та же детская улыбка озарила его бледное лицо. На мгновение пухлая маленькая рука императора легла на мое плечо; его голубые глаза светились удовольствием. В зависимости от настроения глаза Наполеона принимали разные оттенки: темнели в минуты задумчивости, приобретали стальной цвет в минуты гнева и раздражения.

— Вы удивились, что мне известно о стычке в Эшфордском кабачке? Теперь вы поражены,

услышав известное имя из моих уст! Плохого же вы мнения о моих агентах в Англии, раз считаете, что они не в состоянии доставить мне такие важные сведения!

— Не понимаю, почему о подобных мелочах донесли, вернее, почему вы их не забыли тотчас же, ваше величество?

— Вы очень скромны, месье де Лаваль, и мне не хотелось бы, чтобы вы утратили это редкое качество, познакомившись с придворной жизнью. Итак, вы полагаете, что ваши личные дела не существенны для меня?

— Не знаю, почему они могут быть важны, ваше величество.

— Кто ваш дядя Лаваль де Монморанси?

— Он кардинал.

— Совершенно верно! А где он?

— В Германии.

— Ну да, в Германии, а не в парижском Нотр-Даме, куда бы я его поместил! Кто ваш кузен?

— Герцог де Роган!

— Где он?

— В Лондоне.

— Да, в Лондоне, а не в Тюильри, где он мог бы достичь всего, чего бы пожелал. Сомневаюсь, чтобы после моего свержения у меня нашлись столь же верные подданные, как у Бурбонов. Вряд ли люди, которых я обрек на изгнание, будут

отказываться от лестных предложений моих врагов, ожидая моего возвращения! Пожалуйте сюда, Бертье, — и ласковым, столь характерным для него жестом Наполеон взял своего любимца за ухо. — Могу я рассчитывать на вас, негодник вы этакий?

— Я не понимаю вас, ваше величество!

Мы разговаривали так тихо, что присутствующие ничего не слышали, но теперь все ждали ответа Бертье.

— Если я буду низложен и изгнан, последуете ли вы за мною в изгнание?

— Нет, ваше величество!

— Черт возьми! Однако вы

откровенны!

— Я буду не в состоянии отправиться в изгнание, ваше величество!

— А почему?

— Потому что меня тогда уже не будет в живых!

Наполеон расхохотался.

— И еще есть люди, утверждающие, что наш Бертье не отличается особой сообразительностью, — сказал он. — Я люблю вас по своим собственным соображениям, Бертье, и вполне в вас уверен. Чего нельзя сказать о вас, месье Талейран! Вы легко перейдете на сторону нового победителя, как вы некогда изменили

вашему старому. По-моему, у вас гениальный дар пристраиваться!

Император очень любил подобные сцены, ставившие подчиненных в затруднительное положение, и никто не был гарантирован от коварного, способного легко его скомпрометировать вопроса. Но сейчас, оставив в стороне свои опасения, все с нетерпением ждали, как возразит знаменитый дипломат на столь справедливое обвинение.

Талейран продолжал стоять, опираясь на палку; его сутуловатые плечи слегка наклонились вперед, и улыбка застыла на лице, как будто он только что услышал самую приятную

новость. Единственное, чем он заслуживал уважения, — своим умением держаться с достоинством и никогда не опускаться перед Наполеоном до раболепия и лести.

— Вы думаете, что я покину вас, ваше величество, если ваши враги предложат мне больше?

— Совершенно уверен!

— Гм... Я, конечно, не могу ручаться за себя до тех пор, пока не будет сделано предложение. Но оно должно быть очень выгодным. Ведь, кроме довольно симпатичного отеля на улице Сен-Флорантэн и двухсот тысяч моего жалованья, я еще занимаю почетный пост первого министра в Европе. Правду сказать,

ваше величество, если только не собираются посадить меня на трон, я решительно ничем не могу улучшить своего положения!

— Вижу, что все-таки могу на вас положиться, — сказал Наполеон, но взгляд его вдруг стал задумчивым. — Да, кстати, Талейран, вы должны или жениться на мадам Гранд, или оставить ее в покое, потому что я не могу допустить при дворе скандала!

Я был потрясен, что столь щекотливые, личные дела обсуждаются открыто, при свидетелях, но и это было характерной чертой Наполеона; он считал, что щепетильность и

хорошие манеры — это те путы, которыми посредственность стремится опутать гения. Не было ни одного вопроса частной жизни — вплоть до выбора жены или разрыва с прежней любовницей, — в который бы не вмешался этот тридцатилетний победитель, чтобы вынести свой вердикт.

Талейран снова улыбнулся своей добродушной и несколько загадочной улыбкой.

— Я питаю инстинктивное отвращение к браку, ваше величество! Вероятно, в этом сказывается наследственность, — сказал он.

Наполеон рассмеялся.

— Ах да, я забываю, что в данную минуту говорю с епископом Отунским, — сказал он. — Но я уверен, что Папа Римский — поскольку я заинтересован в этом деле — в виде благодарности за кое-какие знаки внимания, которые мы ему оказали при коронации, сочтет нужным дать соответствующие указания своему епископу. Она умная женщина, эта мадам Гранд! Я заметил, что она серьезно всем интересуется.

Талейран пожал плечами.

— Не всегда присутствие ума в женщине дает ей большие преимущества, ваше величество! Умная женщина легко может

скомпрометировать своего мужа, а глупая в состоянии оскандалить только самое себя.

— Самая умная женщина это та, которая умеет скрывать свой ум! Во Франции женщины всегда опаснее мужчин, потому что они всегда умнее. Но они не могут себе представить, что мы ищем в них сердца, а не ума. А когда женщины оказывают большое влияние на монархов, то это всегда приводит к их падению. Например, Генрих IV или Людовик XIV, идеалисты, сентиментальные мечтатели, полные чувства и энергии, но совершенно нелогичные и лишенные дара предвидения. А эта несносная мадам

де Сталь! Вспомните-ка ее салон в квартале Сен-Жермен.

Нескончаемый треск, болтовня и шум ее собраний устрашают меня больше, чем флот Англии. Почему не могут смотреть они за своими детьми или заниматься рукоделием? Не правда ли, какие отсталые мысли я высказываю, месье де Лаваль?

Трудно было ответить на этот вопрос, и я решил промолчать.

— Ваш жизненный опыт еще не слишком велик, — заявил император. — Я говорю о том времени, когда тупоумные парижане возмущались неравным браком вдовы знаменитого генерала Богарне с никому не известным Бонапартом.

Да, это был чудный сон! Город Милан находится от Мантуи на расстоянии одного дня пути. Между ними расположены девять таверн, и по дороге я в каждой из них писал по письму моей жене. Девять писем в один день, и лишь одноединственное из них не было сладкой фантазией, а представляло вещи в их истинном свете.

Я подумал, как хорош был этот человек, прежде чем он научился видеть «вещи в их истинном свете». Да, грустная штука жизнь, лишенная очарования и любви. Его лицо омрачилось при воспоминании о днях, полных прелести и очарования, которых не могла вернуть и

императорская корона. Можно почти с уверенностью сказать, что те девять писем, написанные им в один день, принесли ему более радости, чем все ухищрения, с помощью которых он отвоевал у своих соседей одну провинцию за другой. Но он быстро овладел собою и сразу перешел к моим личным делам.

— Эжени де Шуазель — племянница герцога де Шуазеля? — спросил он.

— Да, ваше величество!

— Вы с нею помолвлены?

— Да, ваше величество!

Он нетерпеливо тряхнул головой.

— Если вы желаете находиться

при моем дворе, месье де Лаваль, — сказал он, — вы должны и в отношении брака положиться на меня. Я слежу за браками эмигрантов, как и за всем остальным!

— Но Эжени полностью разделяет мои взгляды!

— Та-та-та! В ее годы еще не имеют определенных мнений. В ее жилах течет кровь эмигрантов, и она даст себя знать. Нет, уж позвольте мне позаботиться о вашем браке, месье де Лаваль! Я желаю видеть вас в Пон-де-Брик, чтобы представить вас императрице. Что там такое, Констан?

— Какая-то дама желает видеть

ваше величество! Попросить ее явиться позже?

— Дама! — воскликнул Наполеон и улыбнулся. — Мы нечасто видим здесь женские лица. Кто она и что ей угодно?

— Ее имя Сибилла Бернак, ваше величество!

— Как? — изумился император. — Она, вероятно, дочь старика Бернака из Гробуа. Кстати, месье де Лаваль, он приходится вам дядей со стороны матери?

Я вспыхнул от стыда и увидел, что император понял мои чувства.

— Да-да! У него не самое симпатичное ремесло, но уверяю вас, что он полезнейший человек. Кстати,

он завладел теми именениями,
наследником которых являетесь вы?

— Да, ваше величество!

Император подозрительно
взглянул на меня.

— Надеюсь, вы поступили ко
мне на службу не потому, что
рассчитываете возратить свои
имения?

— Нет, ваше величество! Я хочу
проложить себе дорогу без
посторонней помощи!

— Гордые замыслы, — сказал
император, — избрать себе свой
путь, не желая следовать по стопам
предков. Я не могу восстановить
ваших прав, месье де Лаваль, потому
что в настоящее время дела во

Франции приняли новый оборот, и если бы я занялся восстановлением нарушенных прав владений, то этому не было бы конца, а также пошатнулось бы доверие народа. У меня, кстати, нет более преданных сторонников, чем те, кто завладел чужой землей. И если они служат мне, как, например, ваш дядя, земли должны остаться за ними. Но чего может хотеть от меня эта девушка? Попроси ее войти, Констан!

Через минуту Сибилла вошла в комнату. Она была бледна и грустна, но ее глаза светились сознанием собственного достоинства, она держалась как принцесса.

— Что вам угодно, мадемуазель?

Зачем пришли? — спросил император тем особенным тоном, которым обыкновенно разговаривал с женщинами, имевшими честь ему понравиться.

Сибилла огляделась, и, когда на мгновение наши глаза встретились, я почувствовал, что мое присутствие придало ей мужества. Она смело взглянула на императора.

— Я пришла просить милости, ваше величество!

— Дочь такого отца всегда может на меня рассчитывать, мадемуазель! Что вам угодно?

— Я пришла просить не от имени отца, а от своего. Умоляю вас пощадить Люсьена Лесажа,

обвиненного в заговоре против императорской власти и арестованного третьего дня. Ваше величество! Он поэт, ученый, мечтатель, склонный жить вдали от света, но не заговорщик; он просто был орудием в руках дурных людей.

— Хорош мечтатель! — с гневом воскликнул Наполеон. — Да эти мечтатели самые опасные люди! — Он взял со стола несколько исписанных листов бумаги. — Кажется, он имеет счастье быть вашим возлюбленным? Я не ошибаюсь?

Сибилла вспыхнула и опустила глаза под острым, насмешливым взглядом императора.

— Здесь у меня все показания и протоколы допроса. Кстати, его поведение там не делает ему чести. Могу сказать только одно: из всего слышанного о нем заключаю, что он недостоин вашей любви!

— Умоляю, пощадите его!

— Это невозможно, мадемуазель! Против меня составлялись заговоры с двух сторон — приверженцами Бурбонов и якобинцами. Я слишком долго терпел их, и мое терпение только придало наглости этим господам. После смерти Кадудалья и герцога Ангиенского приверженцы Бурбонов затихли. Такой же урок следует преподать и якобинцам!

Я до сих пор не перестаю удивляться страсти моей кузины к этому низкому трусу, хотя давно установлено, что для любви не существует законов. Услышав решительный ответ императора, Сибилла не смогла долее владеть собою; ее лицо стало бледнее прежнего, и она залилась горькими слезами, которые катились по ее исхудалым щекам, словно капли росы по лепесткам лилии.

— Ради Бога, ради любви вашей матери, не губите его! — вскричала она, падая на колени к ногам императора. — Ручаюсь, что он откажется от политики и не станет вредить империи!

— Ну и ну! — с гневом вскричал Наполеон. Император резко отошел от нее и, повернувшись на каблуках, зашагал назад и вперед по комнате. — Я не могу этого сделать! Я никогда не изменяю своих решений. В государственных делах ничего нельзя решать в зависимости от чьего-либо и, особенно, женского желания. Якобинцы, кроме того, крайне опасны, и им необходим пример достойного наказания, в противном случае завтра же против меня составитсa новый заговор!

По непреклонному выражению лица, по тону его голоса стало ясно, что дальнейшие мольбы бесполезны, тем не менее моя кузина с упорством

женщины, защищающей своего возлюбленного, продолжала:

— Но он совершенно безвреден и нисколько не опасен, ваше величество!

— Его смерть послужит уроком другим!

— Пощадите Лесажа, я отвечаю за него!

— Это невозможно!

Констан и я подняли ее с полу.

— Вы правы, месье де Лаваль, — сказал император. — Бесплезно продолжать разговор, который ни к чему не приведет. Проводите вашу кузину!

Но Сибилла снова обратилась к нему: я видел, она все еще надеется.

— Ваше величество! — почти крикнула она. — Вы сказали, что необходим пример. Но вы забыли о Туссаке!

— О, если бы я добрался до Туссака!..

— Да, вот опасный человек! Вместе с моим отцом они довели Люсьена до гибели. Если нужен урок, то уж лучше использовать виновного!

— Они оба виновны! И самое главное — только один из них находится в наших руках.

— Но если я найду другого?

Наполеон на минуту задумался.

— Если вы найдете его, — сказал он, — Лесаж будет прощен!

— Для этого мне нужно время!

— Сколько же дней отсрочки вы просите?

— По крайней мере неделю.

— Хорошо, я согласен дать вам неделю срока. Если Туссак будет найден за это время, Лесажа помилюют! Если же нет, на восьмой день он умрет на эшафоте. Однако довольно. Де Лаваль, проводите вашу кузину, у меня есть более важные дела, которыми мне следует заняться. Я буду ждать вас в Пон-де-Брик, чтобы представить императрице.

Глава тринадцатая

Мечтатель

Провожая кузину, я был очень удивлен, встретив в дверях того же молодого гусара, который доставил меня в лагерь.

— Удачно, мадемуазель? — порывисто спросил он.

Сибилла утвердительно кивнула головой.

— Слава Богу! Я уже боялся за вас, потому что император — человек непреклонный! Смелая вы девушка! Да лучше на полудохлой кляче атаковать целый батальон, построившийся в каре, чем

обратиться с просьбой к императору. Я так переживал за вас, думал, ничего не получится! — В его по-детски наивных голубых глазах навернулись слезы, а всегда лихо закрученные усы пребывали в таком беспорядке, что в другой ситуации я бы расхохотался.

— Лейтенант Жерар случайно встретился мне и проводил через лагерь, — сказала кузина. — Он настолько добр, что сочувствует мне.

— И я тоже сочувствую вам, Сибилла! — вскричал я. — Вы были похожи на ангела милосердия и любви. Да, счастлив тот, кому принадлежит ваше сердце. Только бы он был достоин вас!

Сибилла тут же нахмурилась: мыслимо ли, чтобы кто-нибудь счел Лесажа недостойным! Я немедленно замолчал.

— Я знаю его лучше, чем император или вы, — сказала она. — Душой и сердцем Лесаж поэт. Он слишком высокого мнения о людях, чтобы предвидеть интриги, жертвою которых он пал! Но к Туссаку в моей душе никогда не пробудится сострадания, потому что он убил пятерых; я также знаю, что во Франции не наступит мира, пока этот ужасный человек на свободе. Луи, помогите мне поймать его!

Лейтенант нервно покрутил усы и окинул меня ревнивым взглядом.

— Надеюсь, мадемуазель, что вы не запретите и мне помочь вам! — жалобно воскликнул он.

— Вы оба можете помочь мне, — сказала она, — я обращусь к вам, когда это будет нужно. А теперь, пожалуйста, проводите меня до конца лагеря, а там дальше я поеду одна.

Она говорила повелительным, не допускающим возражения тоном, и все приказы, слетавшие с ее очаровательных уст, звучали восхитительно.

Серая лошадь, на которой я приехал из Гробуа, стояла рядом с лошадью Жерара, так что нам оставалось только вскочить в седла,

что мы тотчас и сделали. Когда мы выехали за пределы лагеря, Сибилла обратилась к нам.

— Я должна проститься с вами, — сказала она. — Итак, я могу рассчитывать на вас обоих?

— Конечно! — ответил я.

— Ради вас я готов идти на смерть! — горячо заявил Жерар.

— Хватит и того, что такие храбрецы готовы мне помочь, — с улыбкой ответила она и, стегнув лошадь, поскакала по направлению к Гробуа.

Я остановился и глубоко задумался о Сибилле: какой план возник в ее головке, что мог бы навести на след Туссака? Я ни

минуты не сомневался, что женский ум, действующий под влиянием чувства и стремящийся спасти возлюбленного, достигнет большего успеха там, где Савари или Фуше, несмотря на всю их опытность, оказались бессильны. Повернув лошадь назад к лагерю, я увидел, что молодой гусар тоже смотрит вслед удаляющейся фигурке.

— Слово чести! Она создана для тебя, Этьен, — бормотал он, совершенно забыв о моем присутствии. — Эти чудные глаза, улыбка, искусство верховой езды! Она без страха говорила с самим императором! О Этьен, вот, наконец, женщина, достойная тебя!

Его бессвязные лепетания продолжались до тех пор, пока Сибилла не скрылась за холмами, тогда только он и вспомнил обо мне.

— Вы кузен этой барышни? — спросил он. — Мы связаны с вами обещанием помочь ей. Я не знаю, что нам придется сделать, но для нее я готов на все!

— Надо схватить Туссака.

— Превосходно!

— Это условие, чтобы сохранить жизнь ее возлюбленному.

На его лице отразилась борьба между любовью к девушке и ненавистью к сопернику, но врожденное благородство взяло верх.

— Господи! Я пойду даже на

это, лишь бы сделать ее счастливою! — крикнул он и пожал мне руку. — Наш полк расквартирован там же, где вы видите большой табун лошадей. Если вам понадобится помощь, дайте мне знать, моя сабля и рука всегда к вашим услугам.

Он хлестнул коня и быстро уехал; молодость и благородство сказывались у него во всем — в осанке, в красном султানে, развевающемся ментике и даже в блеске и звоне серебряных шпор.

Прошло четыре долгих дня, а я ничего не слыхал ни о моей кузине, ни о моем милейшем дядюшке из Гробуа. За эти дни я успел

устроиться в главном городе — Булони, сняв себе комнату за ничтожную плату (платить дороже я был не в состоянии). Комната помещалась над булочной Видаля рядом с церковью Блаженного Августина на улице Деван.

Так уж вышло, что год назад я снова вернулся сюда, поддавшись тому же необъяснимому чувству, которое толкает стариков хоть изредка заглянуть туда, где протекла их юность, подняться по тем ступеням, которые скрипели под их ногами в далекие времена молодости. Комната осталась без изменений: те же картины, тот же гипсовый бюст Жана Бара около

стола. Да, вещи не изменились, а вот моя душа, мои чувства уже совсем не те! Теперь в маленьком круглом зеркале отражалось истощенное старческое лицо, а когда я обернулся к окошку и посмотрел туда, где некогда белели палатки стотысячной армии и царило оживление, то увидел лишь унылые, пустынные холмы. Трудно поверить, что великая армия рассеялась, как легкое облачко в ветреный день, а все до единого предметы в заурядной комнате полностью сохранились!

Обосновавшись в этой комнате, я первым делом послал в Гробуа за своими скудными пожитками. Мне немедленно пришлось заняться

туалетом, потому что после милостивого приема императора, пообещавшего взять меня на службу, я был просто обязан обновить свой гардероб, чтобы не позориться среди богато одетых офицеров и придворных. Все знали, что Наполеон старался одеваться возможно скромнее и вообще не обращал внимания на свое платье, но не таково было его отношение к другим: нечего было рассчитывать на благосклонность императора, если вы не обзавелись великолепными одеждами. Даже при дворе Бурбонов роскошь туалетов не имела такого значения.

На пятый день утром я получил

от Дюрока, состоявшего при дворе камергером, приглашение прибыть в лагерь, причем сообщалось, что я могу рассчитывать на место в экипаже императора, отправляющегося в Пон-де-Брик, где меня должны были представить императрице. В лагере Констан провел меня к императору. Талейран и Бертье находились тут же в ожидании распоряжений, за письменным столом сидел де Миневаль.

— А, месье де Лаваль, — приветливо кивнул император, — есть известия от вашей очаровательной кузины?

— Нет, ваше величество, —

ответил я.

— Боюсь, что ее усилия будут тщетны. Я от души желаю ей успеха, потому что нет оснований опасаться этого ничтожного поэта, Лесажа, а вот его сообщник — очень опасный человек. Но все равно нужно использовать кого-то в качестве примера!

Стемнело. Вошел Констан, чтобы зажечь огонь, но император остановил его.

— Я люблю сумерки, — сказал он. — Вы так долго жили в Англии, месье де Лаваль, что, наверное, тоже привыкли к сумраку. Я уверен, что разум этих островитян под стать их мерзким туманам, если судить по

той чепухе, которую они пишут про меня в своих дурацких газетенках!

Нервным движением руки, обыкновенно сопровождавшим вспышки гнева, он схватил со стола последний номер какой-то лондонской газеты и бросил его в огонь.

— Журналист! — вскричал он тем же сдавленным голосом, каким накануне выговаривал своему провинившемуся адмиралу. — Да кто он такой? Чернильная душа, жалкий голодный писака! И он смеет рассуждать как человек, обладающий большою властью в Европе! Ох, как надоела мне эта свобода печати! Я знаю, многие хотят видеть ее и в

Париже, в том числе вы, Талейран! Я же считаю, что из всех газет нужно оставить только одну — официальную, через которую правительство будет сообщать народу свои решения.

— У меня иное мнение, ваше величество, — ответил министр. — По-моему, лучше иметь явных врагов, чем бороться со скрытыми. Да и к тому же безопаснее проливать чернила, чем кровь! Что за беда, если враги станут злословить о вас на страницах газет, — они ведь бессильны против вашей стотысячной армии!

— Та-та-та! — нетерпеливо вскричал император. — Можно

подумать, что я унаследовал корону от своего отца-императора! Но, если б даже и так, — все равно бы газеты остались недовольны. Бурбоны разрешили открыто критиковать себя, и к чему это их привело? Могли ли они воспользоваться своей швейцарской гвардией, как я воспользовался своими гренадерами, чтобы произвести переворот 16 брюмера? Что случилось бы с их драгоценным Национальным собранием? В ту пору одного удара штыком в живот Мирабо было бы вполне достаточно, чтобы все перевернуть вверх дном и окончательно изменить ход событий. Впоследствии только из-за

нерешительности погибли король и королева и была пролита кровь многих невинных людей.

Он опустился в кресло и протянул свои полные, обтянутые белыми рейтузами ноги к огню. При красноватом отблеске потухавших угольев я смотрел на бледное красивое лицо, лицо сфинкса, поэта и философа: как трудно было предположить в нем безжалостного тщеславного солдата! Я слышал, что нельзя найти двух похожих портретов Наполеона и, я думаю, это потому, что в зависимости от настроения совершенно изменялось не только выражение, но и черты его лица. В молодости он был самым красивым

из всех, кого мне довелось видеть на моем долгом веку.

— Вы не склонны к мечтательности и не способны создавать себе иллюзий, Талейран, — сказал он. — Вы всегда практичны, холодны и полны цинизма. Я другой. На мое воображение действует рокот моря или такие сумерки, как сейчас. Сильно влияет на меня и музыка, особенно повторяющиеся мотивы, какие встречаются в операх Пассаниэлло. Тогда на меня нисходит вдохновение, мои идеи становятся глубже, я стремлюсь к новым горизонтам. В такие минуты я обращаю свои мысли к Востоку, к

этому кишащему людскому муравейнику; только там можно почувствовать себя великим! Мои прежние мечты воскресают. Я мечтаю вымуштровать людей, сформировать из них армию и повести ее на Восток. Если бы я успел завоевать Сирию, я привел бы этот план в исполнение и судьба целого мира решилась бы со взятием Сен-Жан д'Акра! Бросив Египет к своим ногам, я приступил к детальной разработке плана завоевания Индии. Я всегда представлял, как я еду на слоне и держу новый, сочиненный мною Коран. Я слишком поздно родился. Стать всемирным завоевателем дано

лишь тому, в ком есть божественность. Александр объявил себя сыном Зевса, и никто в этом не сомневался. Но человечество далеко шагнуло, и люди утратили чудесную способность увлекаться. Что бы произошло, объяви я себя божеством? Талейран первый стал бы посмеиваться в кулак, а парижане разразились бы градом пасквилей на стенах!

Наполеон словно не замечал нас и ни к кому не обращался, а просто высказывал вслух свои мысли, самые фантастичные, самые чудовищные! Это было именно то, что он называл «оссианскими видениями», потому что в это время он всегда вспоминал

дикие неясные сны и мечты Оссиана, поэмы которого имели для него какую-то особенную притягательность.

Миневаль рассказывал мне, что император порой говорит о своих сокровеннейших мечтах и стремлениях души, а его придворные, стоя вокруг, молча ожидают, когда он от этих бредней вернется к своей практичности.

— Великий правитель должен быть законом для всех, — продолжал Наполеон. — Мало уметь пользоваться саблей. Нет, нужно управлять душами людей, а не только их телами. Султан, например, глава их веры и армии. Многие из римских

императоров обладали военной и духовной властью, и мое положение не упрочится, пока я не достигну того же. А в настоящее время во Франции Папа могущественнее меня в тридцати провинциях! Только подчинив себе все страны, можно достичь истинного мира и благополучия. Только когда власть над миром перейдет в руки Европы и центром ее станет Париж, а остальные правители будут получать корону из рук Франции, — только тогда восстановится нарушенный мир! Если могущество и власть одного сталкиваются с могуществом и властью других, то неизбежно начинается борьба, пока какая-то из

сторон не признает себя побежденной. Географическое положение Франции в центре всех держав, ее богатство, ее история определенно указывают на то, что именно она должна править. В самом деле: Германия распалась на части, Россия — страна варваров, Англия представляет собою незначительный по величине остров. Таким образом, остается одна Франция!

Внимая этим речам, я невольно убеждался в правоте моих друзей в Англии, говоривших, что мир не восстановится до тех пор, покуда жив этот маленький тридцатилетний артиллерист.

Наполеон сделал несколько глотков кофе из чашки, стоявшей рядом с ним на маленьком столике. Затем снова вытянулся в кресле и, склонив подбородок на грудь, грустно устремил взор на красноватый отблеск огня.

— Если бы это осуществилось, — продолжал он, — все правители Европы явились бы к императору Фран-дии, чтобы войти в его свиту при коронации! Каждый из них имел бы свой дворец в Париже; пространство, занятое дворцами, тянулось бы на несколько миль! Вот какие у меня планы насчет Парижа, — конечно, если он окажется их достоин. Но я не люблю

Париж, и парижане платят мне тем же. Они не могут простить, что я повел своих солдат на их город! Они знают, что если будет надобность, я опять пошлю армию против Парижа. Я их не только удивил, но и заставил меня бояться. Однако любви их так и не добился. А ведь я много сделал для них! Где сокровища Генуи, картины и статуи Венеции и Ватикана? В Лувре! Моя военная добыча обогатила Париж и послужила к его украшению. Но им нужны перемены, нужен шум побед. Сейчас они преклоняются передо мною, встречают с обнаженными головами. Но парижане не задумаются приветствовать меня

кулаками, если я не дам им нового повода восхищаться и удивляться мною. Когда долгое время все было спокойно, я вынужден был построить Дворец Инвалидов, чтобы развлечь горожан. Людовик XIV дал им войны, Людовик XV — доблестных волокит и придворные скандалы. Людовик XVI не создал ничего нового и за это попал на эшафот. И в этом ваша заслуга, Талейран!

— Нет, ваше величество, по своим убеждениям я всегда был умеренным.

— Однако вы не сожалели о его гибели?

— Да, это верно, но только потому, что его место заняли вы,

ваше величество!

— Ничто не могло бы остановить меня, Талейран! Я рожден, чтобы быть надо всеми. Помню, когда мы составляли условия мира в Кампо-Формио, я был совсем еще молодым генералом, и вот, когда императорский трон стоял в палатке штаба, я быстро поднялся по ступеням и сел на него. Я и помыслить не мог, что есть кто-то могущественнее! В глубине души я всегда знал, какое будущее меня ожидает. Даже когда я с моим братом Люсьеном жил в крохотной каморке на несколько франков в неделю, я знал, что придет день, когда я достигну императорской власти! А

ведь тогда я не имел оснований надеяться на блестящую будущность. В школе я не отличался способностями, шел сорок вторым учеником из пятидесяти восьми. Я преуспевал только в математике, на этом кончались мои способности. Честно говоря, я любил мечтать, а не работать. Ничто не развивало моего честолюбия, к тому же в наследство от отца мне достался только скверный желудок!

Однажды, когда я был еще юнцом, вместе с отцом и сестрой Каролиной я оказался в Париже. Мы шли по улице Ришелье, когда появился королевский экипаж. Кто бы мог подумать, что маленький

корсиканец, снявший шляпу перед королем и не спускавший с него глаз, станет его преемником?! Но я почувствовал, что этот экипаж должен рано или поздно принадлежать мне. Что тебе нужно, Констан?

Верный слуга почтительно наклонился к его уху и что-то прошептал.

— Ах, конечно, — сказал Наполеон, — свидание было назначено, а я чуть не позабыл о нем. Она здесь?

— Да, ваше величество!

— В боковой комнате?

— Да, ваше величество!

Талейран и Бертье обменялись

взглядами, и министр направился было к двери.

— Нет-нет, можете остаться, — сказал император. — Зажги лампы, Констан, и распорядись, чтобы экипажи были готовы через полчаса. А вы, Талейран, займитесь-ка этой выдержкой из письма к австрийскому императору и выскажите мне ваше мнение.

Де Миневаль, вот длинный рапорт нового владельца дока в Бресте. Выпишите из него все самое важное и положите на письменный стол к пяти часам утра. Бертье, я желаю, чтобы вся армия была размещена по кораблям к семи часам утра. Надо выяснить, можно ли

погрузить все войска за три часа. Месье де Лаваль, потрудитесь остаться здесь и ждать нашего отбытия в Пон-де-Брик.

Таким образом, дав каждому распоряжения, он быстро вышел. За приподнятым пологом прошелестела розовая юбка, и полог опустился.

Бертье, по обыкновению, покусывал ногти; Талейран насмешливо и презрительно посматривал на него из-под своих густых ресниц. Со скорбным лицом де Миневаль взял громадную связку бумаг, из которой к утру требовалось сделать извлечения. Констан, двигаясь совершенно бесшумно, зажигал свечи в канделябрах,

расположенных вдоль стен.

— Это которая? — пронесся шепот министра.

— Певичка из императорской оперы, — ответил Бертье.

— А та маленькая испаночка по-прежнему в фаворе?

— Не думаю. Последний раз она была третьего дня.

— Ну а та, другая, графиня?

— Она в своем домике в Амблетэз.

— «Но я не допущу скандала при дворе», — продекламировал Талейран с иронической улыбкой, повторяя слова императора, сказанные по его адресу.

— А теперь, месье де Лаваль, —

прибавил он, отводя меня в сторону, — я очень хотел бы поговорить с вами насчет партии Бурбонов в Англии. Вы, вероятно, знаете их намерения? Надеются ли они на успех?

И в течение пятнадцати минут он засыпал меня вопросами, которые подтверждали, что император не ошибся, сказав, что Талейран не задумается бросить его в тяжелую минуту и легко перейдет на сторону тех, кто посулит больше.

Мы вполголоса беседовали, как вдруг вбежал Констан. На его обыкновенно невозмутимом лице отражались тревога и смущение.

— Господи помилуй! Месье

Талейран, — прошептал он,
всплеснув руками, — какое
несчастье! Кто бы мог ожидать?!

— Что случилось, Констан?

— О месье, я не осмелюсь
беспокоить императора, но сюда едет
сама императрица! Ее экипаж уже в
двух шагах от лагеря!

Глава четырнадцатая Жозефина

При этом неожиданном известии Талейран и Бертье молча переглянулись, и я впервые увидел, как быстро менялось выражение лица знаменитого дипломата. Я и раньше слышал, что Талейран по мимике не уступит лучшим артистам. На его лице отразилась скорее злобная радость, чем смущение, в то время как Бертье, искренно преданный Наполеону и Жозефине, бросился к входу, откуда

должна была появиться императрица, словно пытаясь остановить ее.

Констан бегом направился к комнате императора, но, окончательно растерявшись, хотя и пользовался везде репутацией невозмутимого человека, отошел назад, чтоб посоветоваться с Талейраном. Но было уже поздно, потому что мамелюк Рустам откинул портьеры и вошли две дамы.

Первая была высока и стройна, она приветливо улыбалась, и манеры ее были исполнены достоинства. Она была одета в черный плащ с белыми кружевами на шее и рукавах; голову ей украшала черная шляпа с

развевающимся белым пером. Ее спутница была ниже ростом, лицо ее не отличалось изяществом и красотою и казалось бы совершенно вульгарным, если бы не особенная живость выражения больших черных глаз. На цепочке дамы вели маленького черного терьера.

— Оставьте Фортюнэ снаружи, Рустам, — сказала первая, передавая ему цепочку. — Император не любит собак, и когда мы вторгаемся в его жилище, то должны подчиняться его вкусам. Добрый вечер, месье де Талейран! Мадам де Ремюза и я катались поблизости и заехали узнать, когда император прибудет в Пон-де-Брик. Он уже собрался, не

правда ли? Я думала застать его здесь.

— Его императорское величество вышел несколько минут тому назад, — сказал Тайлеран, кланяясь и потирая руки.

— Сегодня я устраиваю вечер в моем салоне в Понде-Брик, и император обещал отложить на время свои дела и почтить меня своим присутствием. Я хочу, чтобы вы убедили его меньше работать, месье де Талейран; пусть он обладает железной энергией, но он больше не должен вести такой образ жизни. Нервные припадки у него участились. Ведь он хочет все делать сам! Это, конечно, очень хорошо и

заслуживает уважения, но ведь нельзя же так! Не сомневаюсь, что вот и сейчас... Ах, впрочем, вы не сказали, где он, месье де Талейран!

— Мы ожидаем его с минуты на минуту, ваше величество!

— В таком случае мы присядем и подождем. Ах, месье де Миневаль, как мне жаль вас: вы, я вижу, опять завалены этими несносными бумагами! Я была в отчаянии, когда месье де Бурьенн покинул императора, но вы превзошли даже этого образцового секретаря в исполнительности! Подвиньтесь к огню, мадам де Ремюза, вы очень озябли! Констан, дайте скамеечку под ноги мадам де Ремюза!

Вот такими, в сущности, незначительными знаками внимания и доброты императрица давно завоевала всеобщую любовь. У нее действительно не было врагов даже среди тех, кто ненавидел ее мужа. Эту женщину любили и позже, когда она стала одинокою, разведенною женою. Из всех жертв, которые император принес своему честолюбию, более всего он сокрушался о Жозефине, и разлука с нею стоила Наполеону недешево!

Теперь, когда она опустилась в кресло, в котором только что сидел император, я смог разглядеть ее. Странная судьба поставила ее, дочь артиллерийского лейтенанта, едва ли

не выше всех женщин в Европе! Она была на шесть лет старше Наполеона, так что, когда я увидел Жозефину впервые, ей исполнилось сорок два года, но, глядя на нее издалека, при довольно тусклом свете в палатке, я не дал бы ей больше тридцати.

Ее высокая стройная фигура до сих пор отличалась девичьей гибкостью; в каждом ее движении было столько грации! Нежные черты лица — несомненно, в молодости Жозефина была замечательной красавицей, но, как и все креолки, она быстро пережила свою красоту. Правда, при помощи различных косметических средств супруга

Наполеона довольно успешно боролась с возрастом и достигла того, что даже и в сорок лет, когда она сидела под балдахином или принимала участие в какой-нибудь процессии, красота ее привлекала внимание. Но на близком расстоянии или при ярком свете нетрудно было разглядеть, что белизна кожи и румянец щек были искусственными. Ее собственная красота сохранилась только в чудных больших черных глазах с мягким ласкающим взором. Маленький изящный ротик императрицы постоянно улыбался; но она никогда не смеялась слишком открыто, вероятно, имея свои причины не выставлять напоказ

зубы. Она держала себя с таким достоинством и тактом, что, если бы эта маленькая креолка была даже императорской крови, она не смогла бы держать себя лучше. Походка, взгляды, манера одеваться, все ее жесты представляли собою гармоничное слияние женственности и приветливости с величием королевы. Я с удовольствием наблюдал за нею, когда она наклонялась вперед, брала из корзинки маленькие кусочки ароматической древесины алоэ и бросала их в огонь.

— Наполеон любит запах горящего алоэ, — сказала она, — ни у кого нет такого тонкого обоняния:

он легко различает запах даже спрятанных духов.

— Император обладает чрезмерно развитым обонянием, — сказал Талейран, — придворные поставщики не особенно довольны этим.

— Ох, грустно, когда он начинает просматривать мои счета, это очень грустно, месье де Талейран: ничто не ускользает от его проницательности. Он ни для кого не делает исключений... Но кто этот молодой человек, месье де Талейран? Он, кажется, еще не был представлен мне?

Министр в двух словах объяснил ей, что я принят на личную службу к

императору, и в ответ на мой почтительный поклон Жозефина тепло и искренне поздравила меня.

— Приятно видеть, что императора окружают такие благородные и преданные люди. В противном случае я бы ни минуты не была спокойна вдали от него. Поэтому, он находится в безопасности только во время войны, потому что тогда за ним не охотятся убийцы. Я слышала, что на днях раскрыт новый заговор якобинцев?

— Месье де Лаваль как раз и присутствовал при аресте заговорщиков, — сказал Талейран.

Императрица с волнением стала расспрашивать меня.

— Но ведь этот ужасный человек — Туссак — до сих пор не пойман! — воскликнула она. — Я слышала, что молодая девушка взялась найти его и что наградой за этот подвиг будет освобождение ее возлюбленного?

— Эта девушка — моя кузина, ваше императорское величество! Ее зовут Сибилла Бернак.

— Вы всего несколько дней во Франции, месье де Лаваль, — сказала Жозефина, — но мне кажется, что вы попали в гущу всех государственных дел. Вы должны представить вашу хорошенькую, по словам императора, кузину ко двору. Мадам де Ремюза, потрудитесь

записать ее имя.

Императрица снова склонилась к корзине с ветвями алоэ, стоявшей возле камина. Вдруг я заметил, что она удивленно посмотрела на какой-то предмет, который тотчас и подняла с пола. Это была треуголка Наполеона с трехцветной кокардой; Жозефина подозрительно посмотрела на невозмутимое лицо министра.

— Что это значит, месье де Талейран? — крикнула она, и ее черные глаза вспыхнули недобрым огоньком. — Вы сказали мне, что император вышел, почему же его треуголка здесь?

— Прошу прощения, ваше

императорское величество, но я не говорил этого!

— Что же вы сказали в таком случае?

— Я сказал, что он покинул комнату за несколько минут до вас!

— Вы что-то скрываете! — воскликнула она, инстинктивно угадывая правду.

— Я сказал все, что знаю.

— Маршал Бертье, я требую, чтобы вы тотчас сказали мне, где император и чем он занят!

Императрица переводила взгляд с одного на другого.

Не способный ни на какие увертки и хитрости Бертье мял в руках шляпу.

— Я не знаю ничего, кроме того, что сказал де Талейран, — сказал он. — Император только что покинул нас.

— Через какой вход?

Бедный Бертье с каждым вопросом императрицы терялся все более и более.

— Ваше императорское величество, я не могу точно указать, куда вышел император.

Взгляд Жозефины скользнул ко мне. Я мысленно вознес пламенную молитву святому Игнатию, который всегда покровительствовал нашей семье, — и опасность миновала.

— Идемте, мадам де Ремюза, — сказала императрица. — Если

господа не желают сказать нам правду, мы сумеем узнать ее сами.

С большим достоинством она пошла к портъере, отделявшей нас от комнаты Наполеона; спутница императрицы следовала за него, и по ее растерянному лицу, по робким, неуверенным шагам я понял, что она догадалась, в чем дело.

Постоянные измены императора и сцены, которые они вызывали, были столь обычным явлением, что еще ранее, будучи в Эшфорде, я неоднократно слышал самые разнообразные повествования о них. Из-за своей самоуверенности и пренебрежения мнением света Наполеон перестал бояться того, что

о нем могут сказать, тогда как Жозефина, всегда сдержанная и спокойная, терзалась ревностью, теряла самообладание, и это приводило к тяжелым сценам.

Талейран отвернулся, едва сдерживая торжествующую улыбку и приложив палец к губам, а Бертье, не будучи в состоянии сдержать волнение, беспощадно мял и тискал свою и без того измятую шляпу. Только Констан, этот преданный слуга, решился загородить госпоже роковую комнату.

— Если, ваше величество, вам угодно подождать одну минуту, я доложу императору о вашем прибытии, — сказал он, простирая

руки так, что они загораживали вход.

— А, так вот он где! — гневно крикнула она. — Я вижу все! И все понимаю! Ну хорошо же, я поговорю с ним! Пропусти меня, Констан! Как ты осмеливаешься загораживать мне дорогу?!

— Разрешите мне доложить о вас, ваше императорское величество.

— Я сама доложу о себе!

Быстрым движением она отстранила протестовавшего слугу, раздвинула портьеру и исчезла в смежной комнате.

Яркий румянец, несмотря на наложенные на щеки белила, заливал ее лицо; глаза сверкали гневом оскорбленной женщины. Она не

боялась предстать перед мужем. Но в изменчивой, нервной натуре переход от безумной отваги к самой отчаянной трусости совершается слишком быстро! Не успела она скрыться в соседней комнате, как оттуда раздался грозный окрик, словно рычание разъяренного зверя, и тотчас Жозефина в ужасе выбежала из комнаты в палатку.

Император вне себя от ярости бежал за женой. Жозефина была так испугана, что бросилась прямо к камину; мадам де Ремюза, не желавшая в качестве арьергарда принять на себя натиск разгневанного императора, бросилась вслед за нею. Так они обе

бежали, словно спугнутые с гнезда
наседки, и, дрожа всем телом,
опустились на свои прежние места.
Тяжело дыша, не смея поднять глаз,
они молча сидели, пока Наполеон с
нервно подергивающимся лицом
яростно метался по комнате, изрыгая
град площадных ругательств.

— Ты во всем виноват, Констан,
ты! — кричал он. — Разве так служат
мне? Неужели у тебя настолько не
хватило соображения? Неужели я
никогда не могу побыть один?!
Неужели я вечно должен подчиняться
женским капризам? Почему все
могут иметь часы свободы, а я нет? А
вам, Жозефина, я скажу, что между
нами все кончено! Я еще колебался,

но теперь я решил порвать с прошлым!

Я уверен, что все присутствующие дорого дали бы за возможность покинуть комнату. Находиться при подобной сцене не так-то легко! Император не обращал на нас ни малейшего внимания, словно мы были просто неодушевленные предметы. Складывалось впечатление, что этот странный человек непременно хотел все щекотливые семейные дела, которые обыкновенно сохраняются в тайне, разбирать публично, чтобы еще более уязвить свою жертву. Начиная с императрицы и кончая грумом, не было решительно ни

одного человека, кто бы с грустью не признавал, что он каждую минуту может быть прилюдно осмеян и оплеван ко всеобщему удовольствию, хотя каждый из присутствующих понимал, что в ближайшем будущем сам может попасть в такое же положение.

Жозефина прибегла к последнему средству, к которому обыкновенно прибегают женщины: закрыв лицо руками и склонив свою грациозную шейку, она залилась горячими слезами. Мадам де Ремюза тоже заплакала, голос ее от волнения стал хриплым и резким, а когда смолкали ее рыдания, слышались тихие, стонущие всхлипывания

Жозефины. Когда издевательства мужа выводили ее из терпения, тогда она пыталась возражать ему, мягко упрекая его за бесконечные измены, но каждая такая попытка вызывала только новый прилив раздражения в императоре.

В порыве гнева он швырнул свою табакерку на пол, как рассерженное дитя, разбрасывающее по полу игрушки.

— Нравственность, — кричал он в исступлении, — мораль не созданы для меня, и я не создан для них! Я человек вне закона и не принимаю ничьих условий. Я много раз говорил вам, Жозефина, что это все фразы жалкой посредственности,

которыми она старается ограничить величие других. Все они неприложимы ко мне. Я никогда не буду сообразовывать свое поведение с законами общества!

— Значит, вы совершенно бесчувственный человек! — рыдала императрица.

— Великие люди не созданы для чувств! Им решать, что делать и как выполнить задуманное. Они не слушают ничьих советов. Вы должны смириться с моими капризами и недостатками, Жозефина. Я надеюсь, вы сами поймете, что нельзя стеснять моих действий.

Это была его любимая манера: если он был в чем-то не прав, то

сейчас же объяснял факт с совершенно иной точки зрения, которая бы оправдывала его поступки. Наконец бурная сцена окончилась. Он достиг своего: убедил в своей правоте им же оскорбленную женщину! Как в битве, так и в спорах Наполеон всегда предпочитал натиск и атаку.

— Я смотрел счета г-жи Ленорман, Жозефина, — сказал он, — знаете ли вы, сколько платьев вы приобрели в этом году? Сто сорок четыре платья, причем каждое из них стоит баснословных, безумных денег! Ваш гардероб насчитывает до 600 платьев, почти не надеванных! Мадам де Ремюза может это

подтвердить.

— Но вы любите, чтобы я была всегда хорошо одета!

— Да, но я не желаю платить по таким невероятным счетам! Я мог бы содержать еще два кирасирских полка или целую флотилию фрегатов на те суммы, которые заплатил за ваши шелка и меха. А ведь один-два лишних полка могут повлиять на исход всей кампании. И кроме того, Жозефина, кто дал вам право заказывать Лефевру бриллиантовую парюру^[2] с сапфирами? Когда мне был прислан счет, я отказался уплатить. И если это повторится, то сей господин пойдет в тюрьму, да и ваша модистка последует туда же!

Приступы гнева у императора хотя и были довольно бурными, но никогда не продолжались долго; конвульсивное подергивание руки — что было одним из признаков его раздражения — постепенно утихало; посмотрев на де Миневаля, который не отрывался от бумаг и как заведенный писал в течение этой сцены, Наполеон улыбнулся, подошел к огню, и следы гнева постепенно исчезли с его лица.

— Нет оправдания вашим безрассудным тратам, Жозефина, — сказал он, кладя руку на ее плечо. — Бриллианты и дорогие платья необходимы уродливым женщинам, чтобы привлечь к себе внимание, но

вам они не нужны! У вас не было дорогих костюмов, когда я впервые увидел вас на улице Шотрэн, и ни одна женщина в мире не увлекала меня так, как вы! Зачем же ты раздражаешь меня, Жозефина, и заставляешь говорить тебе столько обидного? Возвращайся назад в Понде-Брик, малютка моя, да смотри не простудись.

— Наполеон, так вы будете у нас? — осведомилась императрица, все страдания которой, казалось, без следа рассеялись под влиянием одного доброго слова мужа. Она по-прежнему держала платок у глаз, но, я думаю, с единственной целью скрыть следы слез.

— Да-да, я буду! Мы все последуем за вами! Кон-стан, проводи дам к экипажу. Бертье, распорядились ли вы о погрузке войск? Подите-ка сюда, Талейран, я хочу поговорить с вами насчет моих планов на Испанию и Португалию. Месье де Лаваль, вы можете сопровождать императрицу в Пон-де-Брик. Мы увидимся с вами на приеме.

Глава пятнадцатая

Раут у императрицы

Пон-де-Брик, маленькое селение, благодаря неожиданному прибытию двора, который должен был оставаться здесь несколько недель, был переполнен гостями. Гораздо проще и удобнее было бы разместиться в Булони, где есть более подходящие и лучше обустроенные здания, но раз Наполеон наметил Понде-Брик, оставалось только повиноваться. Слова «невозможно» для него не существовало, и с этим приходилось считаться всем, кому по долгу

службы приходилось исполнять его желания.

Целая армия поваров и лакеев расположилась в крошечных домах деревушки. Затем прибыли сановники новой Империи, после них — придворные фрейлины и их поклонники из лагеря. Императрица занимала целый замок, остальные вынуждены были довольствоваться деревенскими домами, если не могли найти что-нибудь лучшее, и с нетерпением ожидали дня, когда можно будет наконец вернуться обратно в покои Версаля или Фонтенбло.

Императрица милостиво предложила мне место в своем

экипаже, и всю дорогу до деревни, как будто забыв пережитую только что сцену, она весело болтала, задавала тысячу вопросов обо мне самом и о моих делах. Жозефина считала своим долгом все знать о каждом придворном, и это было одной из наиболее характерных и приятных ее черт. Особенно она заинтересовалась моей Эжени, и, так как эта тема меня весьма волновала, в конце концов я продекламировал настоящий хвалебный гимн своей невесте, который императрица внимательно выслушала, иногда прерывая меня сочувственными восклицаниями. Мадам де Ремюза при этом глупо хихикала.

— Вы непременно должны представить ее ко двору! — воскликнула императрица. — Неужели же можно оставить прозябать в английском захолустье такую девушку, олицетворение красоты и добродетели! Говорили вы об этом с императором?

— Но его величество знал о ней и без моего рассказа.

— Он знает все и обо всех, это удивительный человек. Вы слышали, он упрекнул меня за то, что я заказала парюру из бриллиантов и сапфиров? Лефевр дал мне слово, что об этом никто не узнает и что я заплачу ему позже, однако вы видели, что императору все известно. Что же

он сказал вам, месье де Лаваль?

— Император сказал, что позаботится о моей женитьбе.

— Но это серьезнее, чем я думала, — озабоченно проговорила она. — Наполеон способен в одну неделю окрутить вас с любой из придворных дам. В этом вопросе, как и в других, он не позволяет себе противоречить. Сплошь да рядом по его настоянию заключаются весьма оригинальные браки. Но я еще увижусь с императором до моего отъезда в Париж и подумаю, что смогу для вас сделать.

Пока я рассыпался в благодарностях за ее доброту и сочувствие ко мне, экипаж подкатил

к подъезду замка, у которого стояли две шеренги ливрейных лакеев и два караула гвардейцев, что указывало на пребывание здесь лиц императорской фамилии.

Императрица и ее статс-дама поспешили удалиться для совершения вечернего туалета, а меня проводили в салон, куда уже съезжались гости. Салон был просторным, квадратным, очень скромно меблирован, так что скорее походил на гостиную провинциала-помещика, чем покои императрицы.

Мрачные обои, старинная, красного дерева мебель, голубая обивка которой выцвела и обветшала, — все это отнюдь не

способствовало радостному настроению. Впрочем, впечатление это несколько смягчалось многочисленными канделябрами на столах и бра на стенах: яркий свет придавал салону торжественный и праздничный вид.

Рядом с салоном находилось несколько небольших комнат, отделявшихся друг от друга дешевыми занавесками в восточном стиле; там были приготовлены карточные столы. Вокруг них толпились дамы и кавалеры. Дамы, по приказанию императора, в закрытых вечерних платьях, штатские мужчины — в черных костюмах, а военные — в полной парадной

форме.

Туалеты дам были сшиты из дорогих ярких тканей: хотя император и проповедовал экономию во всем, он приказал одеваться так, чтобы платья соответствовали пышности и блеску двора. Простота классических костюмов отошла в прошлое вместе с эпохой революции, и теперь преобладал восточный стиль. Восточные костюмы вошли в моду, когда завоевали Египет, и надевались в честь императора-завоевателя; этот стиль требовал большого вкуса, но зато и давал возможность выделиться среди прочих. Римская Лукреция сменилась восточной Зулейкой, и

салоны, подражавшие величию Древнего Рима, внезапно обратились в восточные залы.

Войдя в салон, я поспешил стать в углу, потому как был уверен, что не встречу здесь никого знакомого, как вдруг кто-то потянул меня за руку. Обернувшись, я увидел перед собою желтое неподвижное лицо дядюшки Бернака. Он схватил мою руку и с притворной сердечностью крепко пожал ее, хотя я не сделал ни малейшей попытки ответить ему тем же.

— Мой дорогой Луи, — сказал он, — только в надежде встретить вас я явился сюда из Гробуа. Вы, конечно, понимаете, что, живя

далеко от Парижа, я не имел возможности часто бывать при дворе, и не думаю, чтобы меня жаждали здесь увидеть. Поверьте, поехав сюда, я думал только о вас. Я слышал, что император отнесся к вам весьма благосклонно и что вы приняты к нему на личную службу. Я говорил с ним и убедил его в том, что если он будет обходиться с вами хорошо, то это поможет привлечь к нему и других молодых эмигрантов.

По выражению его глаз я видел, что он лжет, тем не менее я поклонился и холодно поблагодарил.

— Я вижу, вы не хотите забыть нашу размолвку, — сказал он, — но согласитесь, что не имеете права

быть недовольным, ведь я действовал только в ваших личных интересах. Я уже немолод и не отличаюсь хорошим здоровьем, да и профессия моя, как вы сами могли убедиться, далеко не безопасна. Но у меня есть дочь и есть имение. Кто возьмет дочь, тот завладеет и имением. Сибилла очаровательная девочка. Разумеется, у нее свои причины огорчаться из-за известных нам событий. Но я все еще надеюсь, что вы одумаетесь и дадите мне более благоприятный ответ!

— Я ни разу даже не вспомнил о вашем предложении, — отрезал я.

Несколько минут он стоял в глубокой задумчивости, затем

устремил на меня свой жесткий, холодный взор.

— Ну хорошо, разговор окончен. Я всегда буду сожалеть, что не вы станете моим наследником. Луи! Неужели вы забыли, что вы бы давно мирно покоились на дне соляного болота, если бы я, рискуя жизнью, не вступился за вас? Разве не так?

— Спасая меня, вы преследовали свою цель, — возразил я.

— Да, но тем не менее я спас вас. К чему же такое недоверие? Не моя вина, что я хозяин вашего имени!

— Я не касаюсь этого вопроса.

— Почему же?

Я мог бы объяснить ему, что ненавижу его за измену товарищам, что Сибилла также ненавидит его, потому что он замучил свою жену, потому, наконец, что мой отец всегда считал его главным виновником наших несчастий и страданий, но на приеме императрицы не место подобным объяснениям, так что я только пожал плечами и промолчал.

— Весьма прискорбно, — сказал он, — у меня были совершенно иные планы на ваш счет. Я помог бы вам сделать карьеру, потому что немногие пользуются таким влиянием на императора, как я. У меня к вам еще одна просьба!

— Чем могу служить?

— Я сохранил кое-какие вещи, принадлежавшие вашему отцу: шпагу, письма, печать, письменный стол, несколько серебряных тарелок — короче говоря, многое из того, я думаю, что вы бы захотели оставить на память. Мне будет очень приятно, если вы приедете в Гробуа — для этого не потребуется много времени — и выберете, что вам захочется, тогда моя совесть будет чиста!

Я пообещал неукоснительно исполнить его просьбу.

— А когда вы приедете? — живо поинтересовался он.

Что-то в его тоне вызывало подозрение, да и в глазах у него, я

заметил, промелькнуло выражение удовольствия. Мне тотчас пришли на ум предостережения Сибиллы.

— Не раньше, чем узнаю, каковы мои обязанности на императорской службе. Когда разберусь с этим, то приеду.

— Хорошо, Луи! Я жду вас на будущей неделе или недели через две. Полагаюсь на ваше обещание, потому что де Лавали никогда не нарушали данного слова!

Я снова не ответил на его рукопожатие; Бернак сконфуженно отошел и быстро исчез в толпе, становившейся все гуще. Я по-прежнему стоял в углу комнаты, размышляя над зловещим

дядюшкиным приглашением, как вдруг услышал, что кто-то окликнул меня; обернувшись, я увидел высокую, стройную фигуру де Коленкура, который приближался ко мне.

— Это первое ваше появление при дворе, месье де Лаваль? — приветливо спросил он. — Вам не придется чувствовать себя одиноко, потому что здесь много друзей вашего покойного отца, и, я уверен, многие из них будут рады познакомиться с вами. По словам де Миневаля, вы здесь почти никого не знаете даже в лицо?

— Я знаю только маршалов, которых видел на военном совете в

палатке императора. Вон рыжеволосый Ней, а вот это — с огромным ртом — Лефевр, а там, с носом, похожим на клюв хищника, — Бернадотт!

— Совершенно верно. А вот этот с круглой, точно мяч, головой — Рапп. Он разговаривает с красивым, смуглым мужчиной с черными баками. Это Жюно. Здесь они чувствуют себя не в своей тарелке, бедные солдафоны!

— Почему же? — спросил я.

— Потому что эти люди вышли из низших слоев общества. Высший свет и его этикет для них страшнее, чем все опасности на войне. В пороховом дыму, в лязге сабель при

рукопашных схватках они как дома, а на этих приемах, зажав треуголки под мышкой, постоянно опасаясь оборвать дамские шлейфы, принужденные вести разговоры о картинах Давида или операх Пассаниэлло, они просто изнемогают. Но император не удостоил бы их больше ни единым словом, посмей они не явиться ко двору. Он приказывает им быть солдатами среди солдат и придворными при дворе, но подобные перевоплощения им не под силу. Взгляните-ка вон на Раппа. У него двадцать ранений, а сколько усилий он прилагает, чтобы болтать о пустяках с этой молоденькой

дамочкой! Очевидно, он ляпнул ей что-нибудь, уместное лишь в разговоре с маркитанткой. Дамочка спаслась от его остроумия под крылышком матери, а Рапп никак не сообразит, чем он ее оскорбил.

— Кто та красавица в белом платье и с бриллиантовой диадемой на голове?

— Это мадам Мюрат, сестра императора. Да, Каролина очень красива, но другая его сестра — Мария, вон она стоит в углу напротив нас — еще красивее. А эта высокая строгая черноглазая старуха, с которой она разговаривает, — мать Наполеона; удивительная женщина, умная, хитрая, мужественная,

сильная, она внушает к себе уважение всем, кто ее знает. Несомненно, что в жилах ее детей течет большая часть именно материнской крови! Она по-прежнему очень заботлива и экономна, как тогда, когда была женою простого корсиканца; всем известно, что она умеет извлекать довольно значительные доходы из своего нынешнего положения и откладывает сбережения на черный день. Император догадывается об этом, но не знает, как отнестись... А! Мюрат, наверное, мы скоро увидим, как вы мчитесь по кентским долинам?

Мимо нас шел знаменитый

наполеоновский полководец. Он пожал руку де Коленкуру. Стройная, красивая фигура Мюрата, его большие огненные глаза, благородство манер сделали из сына трактирщика человека, который привлекал внимание и вызывал восхищение всей Европы. Густые курчавые волосы и полные красные губы делали его наружность незаурядной, заставлявшей помимо воли обращать на него внимание.

— Я нахожу, что Англия чертовски неудобна для кавалеристов, — сказал он. — Дороги там очень хороши, но поля никуда не годятся! Нигде не встретишь такого количества рытвин

и канав, вырытых для осушения почвы, как у англичан. Надеюсь, что мы скоро перейдем в наступление, Коленкур, потому что если люди будут продолжать жить в том же бездействии, как теперь, то они скоро обратятся в садовников. Они больше упражняются с цветочными лейками и садовыми ножами, чем с лошадьми и саблями!

— Я слышал, что завтра солдаты сядутся на корабли?

— Да-да, но им снова придется высадиться по сю сторону Ла-Манша. До тех пор пока адмирал Вильнев не рассеет английский флот, нечего и думать о наступлении.

— Констан сказал мне, что

сегодня император, пока одевался, напевал «Мальбрука», а эту песнь он всегда насвистывает перед переходом от бездействия к делу.

— Очень умно со стороны Констана запоминать мелодию, которую напевал император, — со смехом ответил Мюрат, — хотя вряд ли он отличит «Мальбрука» от «Марсельезы» в таком исполнении. А вот и императрица! Как она сегодня очаровательна!

Вошла Жозефина с фрейлинами. Все встали и приветствовали ее почтительным поклоном. Императрица была одета в вечерний туалет из розового тюля, украшенного блестками, на другой

женщине платье могло бы показаться нескромным и слишком театральным, но императрица была полна грации и благородства. Небольшая корона из бриллиантов украшала ее голову и при каждом движении сверкала тысячами огней. Никто не умел занимать гостей лучше ее. Для каждого у Жозефины находилась милая улыбка, в ее присутствии было легко, и у всех создавалось впечатление, что и сама императрица очарована гостями.

— Как она обаятельна! — невольно воскликнул я. — Как можно не любить этого ангела?!

— Только одна семья противится ее очарованию, — сказал

де Коленкур, оглядываясь по сторонам, чтобы убедиться, что Мюрат был далеко и не мог слышать. — Взгляните на сестер императора!

Я был поражен, посмотрев в их сторону. Эти красавицы, пока императрица проходила по комнате, следили за каждым ее шагом, порою с какой-то злобной ненавистью перешептываясь и хихикая. Мадам Мюрат обернулась к матери Наполеона и, указывая на Жозефину, прошептала что-то; и надменная старуха презрительно покачала головою.

— Они думают, что имеют права на Наполеона и что поэтому им

должно принадлежать здесь первое место! По сей день сестры Наполеона не могли примириться с мыслью, что Жозефина — ее императорское величество, тогда как они — всего лишь их высочества. Они все ненавидят ее — и Жозеф, и Люсьен, словом, вся их семья! Во время коронации, находясь в свите Жозефины, они попытались показать, что и они кое-что значат, и Наполеону даже пришлось вмешаться. В жилах этих женщин течет южная кровь, и с ними трудно совладать.

Но несмотря на очевидную ненависть и презрение родных Наполеона, императрица казалась

беспечной, легко и свободно общалась с гостями. Каждого она обласкала своим мягким взором, ласковым словом. Высокий, воинственного вида человек с бронзовым от загара лицом и густыми усами шел рядом с нею; иногда она ласково клала руку ему на плечо.

— Это ее сын, Эжен Богарне, — сказал Коленкур.

— Ее сын! — воскликнул я, потому что на вид он казался старше ее.

Де Коленкур посмеялся моему удивлению.

— Она ведь вышла замуж за Богарне еще очень юной, ей не было

тогда и шестнадцати. Жозефина жила тихо, спокойно, в то время как ее сын терпел лишения в Египте и Сирии, — вот чем объясняется, что он кажется старше ее. А вон тот высокий представительный, гладко выбритый человек, который целует руку императрице, знаменитый актер Тальма. Он однажды помог Наполеону, когда тому приходилось туго, и император не забыл помощи, оказанной консулу. В этом также кроется и секрет могущества Талейрана. Он дал Наполеону сто тысяч франков перед его походом в Египет, и теперь, хотя император сильно ему не доверяет, он не может забыть услуги. Наполеон никогда не

бросает друзей, но и врагов не забывает. Сослужив ему службу однажды, вы можете потом делать, что вам угодно. В числе гостей вы встретите и его бывшего кучера, пьяного с утра до ночи, но он получил крест при Маренго, и потому его безобразия сходят ему с рук.

Де Коленкур отошел от меня, чтобы побеседовать с какими-то дамами, и я снова предался своим мыслям, которые невольно вновь и вновь обращались к этому необыкновенному человеку, являвшемуся то героем, то капризным ребенком; благородные черты его характера так тесно

смешивались с низменными, что я совершенно не мог разгадать его. Порой чудилось, что я постиг его, но вот узнаю новый факт, и все мои определения снова путаются, и я невольно прихожу к новому мнению.

Одно лишь было очевидно: Франция не могла бы без него существовать, значит, служа ему, каждый из нас служил стране. С появлением императрицы в салоне исчезла всякая формальность и натянутость, и даже военные, по-видимому, чувствовали себя свободнее. Многие присели к зеленым столам и играли в вист и в очко.

Я совершенно углубился в

наблюдения за придворными; любовался блестящими женщинами, со вниманием разглядывал сподвижников Наполеона — имена их предков никому не были известны, тогда как их собственные прогремели на весь свет. Как раз против меня весело болтали Ней, Ланн и Мюрат, словно они были в лагере. Кто бы мог подумать, что двое из них в недалеком будущем обречены на казнь, а третьему суждено пасть на поле брани! Но сегодня даже и тень грусти не омрачала их жизнерадостные лица.

Маленький, средних лет человек, все время молчавший, казавшийся таким потерянным и

забытым, стоял у стены. Заметив, что он, так же как я, был чужим в этом обществе, я обратился к нему с каким-то вопросом. Он с готовностью ответил мне, безбожно коверкая французские слова:

— Вы, шлучайно, не жнаете по-английшкому? — спросил он. — Я не иметь ждесь вштретил ни один человек, который понимать этот яжык.

— Я свободно говорю по-английски, — заверил я его, перейдя на понятный ему язык, — потому что большую часть жизни провел в Англии. Но вы ведь не англичанин? Думаю, с тех пор как нарушен Амьенский мирный договор, во

Франции не найдется ни одного англичанина, кроме, конечно, заключенных в тюрьму!

— Нет, я не англичанин, — ответил он. — Я американец. Меня зовут Роберт Фултон, и я являюсь на эти приемы исключительно с целью напомнить о себе императору. Он заинтересовался моими изобретениями, которые должны произвести переворот в войне на море.

Мне нечем было заняться, и потому я решил поговорить с забавным американцем о его изобретениях, думая, что имею дело с сумасшедшим. Он стал рассказывать о якобы изобретенном

им судне, которое может двигаться по воде против ветра и против течения; приводится же в движение эта диковина углем или деревом, которые сжигают внутри его в печах. Фултон говорил и другие бессмыслицы вроде возникшей у него «идеи о бочках, наполненных порохом», которые обратят в щепки наткнувшийся на них корабль. Тогда я выслушивал его со снисходительной улыбкой, принимая за умалишенного, но теперь, на закате жизни, понимаю, что ни один из знаменитых воинов и государственных мужей, бывших в этой комнате, включая и самого императора, не оказал такого

влияния на ход истории, как этот молчаливый американец, казавшийся столь невзрачным и заурядным среди блестящего офицерства и разодетых в восточные туалеты дам.

Внезапно все замолчали. В салоне воцарилась жуткая, гнетущая тишина, которая наступает, когда в детскую, полную оживленных голосов, возни и шума, является кто-нибудь из взрослых. Болтовня и смех стихли. В соседних комнатах прекратился шорох карт и звон монет. Сидевшие, включая дам, встали с выражением глубокого почтения на лицах.

В дверях показался бледный император в зеленом сюртуке с

белым жилетом, обшитым красным шнурком. Император далеко не всегда одинаково относился к окружающим даже и на вечерних приемах. Иногда Наполеон был добродушным и веселым болтуном, но это скорее относится к тому периоду, когда он был консулом, а не императором. Иногда он отличался чрезмерной суровостью и делал вслух оскорбительные замечания на счет каждого из присутствующих. Наполеон всегда впадал из одной крайности в другую. Сейчас своей угрюмостью и дурным расположением духа он привел всех в неловкое, стесненное состояние, и глубокий вздох облегчения

вырывался у каждого, кого он молча миновал, направляясь в смежную комнату.

На этот раз император, по-видимому, еще не вполне оправился после семейного скандала, он хмурил брови, взгляд метал молнии. Я оказался поблизости, и он остановил свой выбор на мне.

— Подойдите ко мне, месье де Лаваль, — сказал он. Затем, положив руку мне на плечо, он обратился к свите: — Полюбуйтесь-ка на него, Камбасерес, простофиля вы этакий! Вы всегда говорили, что знаменитые аристократические семьи ни за что не вернутся назад и навсегда поселятся в Англии, как гугеноты.

Вы, как обычно, оказались плохим предсказателем: перед вами наследник древнего рода де Лавалей, добровольно пришедший предложить мне свои услуги. Месье де Лаваль, я назначаю вас своим адъютантом и прошу следовать за мной!

Карьера моя была обеспечена, но я, конечно, отлично понимал, что не за мои личные заслуги император обошелся со мной так милостиво: его исключительной целью было побудить других эмигрантов последовать моему примеру. Моя совесть оправдывала мой поступок, потому что мной руководила любовь к родине, а не желание выслужиться перед Наполеоном. Но в тот миг,

когда я должен был следовать за ним, я чувствовал унижение и стыд, какие, вероятно, испытывает побежденный, идущий за колесницей торжествующего победителя.

Вскоре он дал мне и другой повод почувствовать себя пристыженным. Его обращение было оскорбительным решительно для всех. Наполеон сам говорил, что везде стремится быть первым, даже по отношению к женщинам; в отличие от Людовика XIV, он отвергал всякую вежливость и любезность с дамами и обращался с ними так же дерзко и высокомерно, как и с подчиненными офицерами и чиновниками. С военными он был

любезнее и приветствовал каждого кивком головы или пожатием руки. Со своими сестрами он обменялся несколькими словами, сказанными тоном сержанта, муштрующего новобранцев.

Но когда к нему приблизилась императрица, его раздражение и дурное настроение достигли предела.

— Жозефина, я не желаю, чтобы вы так сильно румянили щеки, — проворчал он. — Все женщины думают только о том, как бы получше одеться, но не имеют для этого достаточной скромности и вкуса. Если я еще раз увижу вас в подобном наряде, я выброшу его в огонь, как ту шаль!

— Наполеон, вам так трудно угодить! То, что вам нравится сегодня, раздражает вас завтра. Но я, конечно, изменю все, что может оскорбить ваш вкус, — сказала Жозефина с удивительной покорностью.

Придворные расступились, образовав проход для императора со свитой. Он сделал несколько шагов, затем снова остановился и через плечо взглянул на императрицу.

— Жозефина, сколько раз я повторял вам, что не выношу толстых женщин!

— Я знаю это, Наполеон!

— Почему же тогда здесь мадам Шевре?

— Но, право же, она не такая толстая.

— Она толще, чем ей следует быть! Я предпочитаю ее не видеть. Кто это такая? — он указал на молодую девушку в голубом платье. Несчастливая затряслась от страха, видя, что привлекла к себе внимание раздраженного императора.

— Это мадемуазель де Бержеро.

— Сколько вам лет?

— Двадцать три, ваше величество!

— Вам пора выходить замуж! В двадцать три года все женщины должны быть замужем. Почему же вы до сих пор не сделали этого?

Бедная девушка, казалось, не

могла произнести ни слова; императрица, желая выручить ее из беды, добродушно заметила, что с этим вопросом надо было бы обратиться к молодым людям.

— Ах, так вот в чем затруднение! — сказал он. — Тогда беру на себя заботы о вас, мадемаузель, и найду вам супруга.

Он повернулся, и, к своему ужасу, я увидел, что он вопрошающе смотрит на меня.

— Мы и вам найдем жену, месье де Лаваль, — сказал он. — Впрочем, об этом речь впереди! Ваше имя? — обратился он к хранившему невозмутимость изящному господину в черном.

— Я музыкант, Гретри!

— Да-да, припоминаю. Я видел вас сотни раз, но никак не могу запомнить ваше имя. Кто вы? — обратился он к следующему.

— Мое имя Жозеф де Шенье.

— Ах да, я видел вашу трагедию. Не помню ее названия, но она плоха. Вы написали что-нибудь еще?

— Да, ваше величество. Вы разрешили мне посвятить последний том моих произведений вам.

— Очень возможно, но только у меня не было времени прочесть его. Жаль, что у нас во Франции нет больших поэтов, потому что события последних лет дали бы довольно материала даже для Гомера и

Вергилия. К сожалению, я могу создавать королевства, но не поэтов. Кто, по вашему мнению, лучший французский писатель?

— Расин, ваше величество!

— Ну тогда вы мало знакомы с литературой, потому что Корнель несравненно выше. Я плохо разбираюсь в красоте стихов, но могу сопереживать духу поэта, и считаю, что Корнель — величайший из всех поэтов. Я бы сделал его своим первым министром, живи он в наше время. Я удивляюсь его уму, знанию человеческого сердца и глубине чувств. Что вы пишете теперь?

— Я пишу трагедию из времен царствования Генриха IV, ваше

величество.

— Это совершенно лишнее! Сюжет выбран слишком близко к нам, а я не желаю иметь на сцене современную политику. Пишите лучше пьесы об Александре Македонском. Кто вы? — обратился он к тому же музыканту, с которым только что говорил.

— Я по-прежнему Гретри, музыкант, — спокойно повторил тот.

Император вспыхнул на мгновение от этого скрытого упрека, но не сказал ни слова и перешел к дамам, стоявшим у входа в комнату для карточной игры.

— Рад вас видеть, мадам, — сказал он ближайшей из них. —

Надеюсь, вы исправили свое поведение? Мне сообщали о вас из Парижа различные сплетни, которые, говорят, доставили большое удовольствие и пищу для пересудов всему кварталу Сен-Жермен.

— Я прошу, ваше величество, пояснить вашу мысль, — недовольным тоном возразила дама.

— Сплетни соединяют ваше имя с именем полковника Лассалья.

— Это клевета, ваше величество!

— Очень возможно, но не странно ли, чтобы всем в одно и то же время захотелось посплетничать о вас? Вероятно, вы самая несчастная из дам: ведь только что у вас был

скандал с адъютантом Раппа. Должно же это когда-нибудь иметь конец! Ваше имя? — обернулся он к другой.

— Мадемуазель де Перигор!

— Сколько вам лет?

— Двадцать.

— Вы слишком худы, и у вас локти красные... Боже мой! Мадам Буамезон, неужели вы не можете являться ко двору в чем-нибудь другом, а не в одном и том же сером платье с красным тюрбаном и бриллиантовым полумесяцем?

— Но я еще ни разу не надевала его, ваше величество!

— Значит, у вас есть другое такое же, потому что я уже который

раз вижу на вас все одно и то же! Никогда больше не показывайтесь при мне в этом платье! Месье де Ремюза, я дал вам хорошее жалованье. Почему же вы так скаредничаете?

— Я проживаю сколько нужно, ваше величество.

— Я слышал, что вы продали свой экипаж? Я даю вам деньги совсем не для того, чтобы вы их сберегали в банках. Вы занимаете высокий пост и должны жить соответственно вашему положению. Я желаю, чтобы к моему возвращению в Париж у вас снова был экипаж. Примите к сведению! Жюно, бездельник! Я слышал, вы

записались в азартные игроки и совершенно проигрались. Не забывайте, что карты — самая трудная дорога к счастью!

— Кто же виноват, ваше величество, что мой туз был побит четыре раза кряду!

— Та-та-та, да вы еще совсем дитя, не знающее цены деньгам. Сколько же вы задолжали?

— Сорок тысяч, ваше величество.

— Отлично, ступайте к Лебрёну и там узнайте, чем он может вам помочь. В конце концов, ведь мы с вами были вместе под Тулоном!

— Тысячу благодарностей, ваше величество!

— Цыц! Вы, Рапп и Лассаль — притча во языцех для всей армии! Довольно карточных игр, мошенник!.. Я не люблю открытых платьев, мадам Пикар. Они не идут даже молодым женщинам, а вам носить их просто непозволительно! Жозефина, я иду к себе и прошу вас прийти ко мне через полчаса почитать на ночь. Несмотря на усталость, я все же приехал к вам, раз вы пожелали, чтоб я помог вам принимать и развлекать гостей. Оставайтесь здесь, месье де Лаваль: ваше присутствие необходимо.

За императором захлопнулась дверь, и каждый — от императрицы до последнего служителя — вздохнул

с глубоким облегчением. Дружеская болтовня возобновилась, снова раздались шорох карт и звон металла. Словом, все пошло своим чередом, как было до прихода императора.

Глава шестнадцатая

В библиотеке замка

Гробуа

Итак, читатель, я приближаюсь к концу своего повествования о приключениях, выпавших на мою долю после возвращения во Францию. Они и сами по себе могут представлять некоторый интерес, но все в них, разумеется, целиком затмевает личность императора, занимающего в моих записках первое место.

Много лет прошло с той поры, но в своих мемуарах я постарался

вывести Наполеона, каким он был на самом деле. Отобразив его речи и поступки, я совсем забыл о себе. Поэтому я попрошу вас отправиться вместе со мною на Красную Мельницу и проследить за событиями, которые произошли затем в библиотеке замка Гробуа.

Прошло несколько дней после раута у императрицы, наступил последний день, который был отпущен Сибилле для спасения своего возлюбленного, если она отдаст в руки полиции Туссака. Правду сказать, я не особенно переживал о ее неудаче, потому что Лесаж был жалким, низким трусом и все достоинства его сводились лишь

к красивой наружности. Но эта чудная женщина с твердой волей, мужественным сердцем, глубоко одинокая в жизни, сильно задела мои чувства, и я был готов исполнить все, чего бы она ни потребовала, даже если ее желание шло вразрез с моими убеждениями.

Итак, поутру в мою комнату в Булони вошли генерал Савари и Сибилла. Одного взгляда на ее пылающие щеки и светившиеся победой глаза было достаточно, чтобы понять, что она уверена в успехе своего дела.

— Луи, я говорила вам, что найду его! — воскликнула она. — Теперь мне нужна ваша помощь.

— Мадемуазель настаивает на том, что солдаты в данном случае бесполезны, — сказал Савари, пожимая плечами.

— Нет, нет, нет, — пылко проговорила она, — тут необходима осторожность, а при виде солдат он сразу спрячется в потайном месте, где вы никогда его не найдете. Нельзя так рисковать в последнюю минуту!

— Судя по вашим словам, нам вполне достаточно троих, — сказал Савари. — Я лично никогда не взял бы больше. Вы говорите, что у вас есть еще один друг, какой-то лейтенант.

— Лейтенант Жерар из полка Бершенских гусар.

— Превосходно! Жерар — один из лучших офицеров в армии. Думаю, втроем мы справимся. А теперь потрудитесь сообщить, где же находится Туссак.

— Он скрывается на Красной Мельнице.

— Мы обыскали там все, и уверяю вас, его там нет.

— Когда вы обыскивали?

— Два дня тому назад.

— Значит, он поселился там позже. Он встречается с Жанной Порталь; я следила за нею шесть дней. Сегодня ночью я видела, как она тихонько пробиралась к Красной Мельнице с корзиной вина и фруктов. Все утро она

приглядывалась к прохожим, и я видела, что при приближении солдата на ее лице мелькнуло выражение ужаса. Я так уверена, что Туссак на мельнице, как будто видела его собственными глазами.

— В таком случае не будем терять времени! — вскричал Савари. — Если он рассчитывает найти лодку на берегу, то с наступлением темноты попытается бежать в Англию. С мельницы хорошо просматриваются окрестности, и мадемуазель права, что появление солдат заставит его немедленно скрыться.

— Что будем делать? — спросил я.

— Через час вы явитесь к южным воротам лагеря в этом же наряде. Вы будете изображать путешественника. А я найду Жерара, и мы договоримся, как нам переодеться. Прихватите пистолеты: нам придется иметь дело с самым опасным человеком во Франции! Лошадь для вас мы приготовим.

Последние лучи заходящего солнца окрашивали в пурпур белые меловые утесы — характерная картина для северных берегов Франции. Выйдя час спустя после нашего разговора к южным воротам лагеря, я к своему удивлению не увидел на условленном месте ни

Жерара, ни Савари. Лишь высокий человек у дороги, в синем сюртуке с металлическими пуговицами и широкополой шляпе, похожий на бедного фермера, подтягивал подпруги на превосходной вороной лошади; несколько поодаль от него молодой конюх держал в поводу двух лошадей. Только узнав в одной из лошадей ту, на которой я приехал из Гробуа, я догадался, в чем дело.

— Думаю, наш вид ни у кого не вызовет подозрений, — сказал Савари. — Жерар, вам лучше сгорбиться, не то ваша военная выправка выдаст нас. Уже темнеет, скорее в путь!

Много всяких приключений

было в моей жизни, но это занимает среди них особое место. Вдали над водой были видны туманные берега Англии, и мне вспомнились сонные деревушки, жужжание пчел, воскресный звон колоколов, широкие и длинные улицы Эшфорда, его красные кирпичные домики и кабаки с яркими вывесками. Большая часть моей жизни мирно протекла там, а теперь я бешено мчался верхом, два заряженных пистолета висели у меня за поясом; я должен был исполнить поручение, которое могло изменить мою судьбу! Мое будущее зависело от того, удастся или нет арестовать самого опасного заговорщика.

Припоминая свою молодость,

выпавшие мне на долю невзгоды и многое другое, я прежде всего вспоминаю тот вечер и бешеную скачку по проселочной дороге. Мне кажется, что я вижу даже комки грязи, отскакивающие от подков лошадей.

Мы ехали вдоль ужасного соляного болота. Постепенно мы углублялись внутрь страны, проезжая через обширные пространства, заросшие папоротником и кустами терновника, пока наконец слева от нас не показались родные мне башни Гробуа. Тогда по команде Савари мы свернули направо и поехали по дороге, поднимавшейся вверх по холму. Достигнув его вершины, мы

увидели на фоне вечернего неба крылья старой ветряной мельницы. Последние лучи заходящего солнца отражались в верхнем оконце мельницы, и оно алело, словно залитое кровью. Около входа стояла распряженная телега, в которой лежали мешки с хлебом; невдалеке лошадь щипала траву.

Вдруг на одном из холмов появилась женщина, и, приставив руку козырьком ко лбу, внимательно посмотрела по сторонам.

— Взгляните-ка, — взволнованно прошептал Савари. — Несомненно, он здесь, иначе к чему такие предосторожности? Объедем этот холм кругом, чтобы они нас не

заметили.

— Но мы быстрее доедем, если двинемся напрямик, — сказал я.

— Здесь слишком неровная местность, так что безопаснее сделать крюк. К тому же, если мы поедем по дороге, они примут нас за обыкновенных путников.

Мы продолжали ехать с самым невозмутимым видом, но чей-то громкий крик вдруг заставил нас обернуться. Та женщина, стоявшая у дороги и следившая за нами, вероятно, что-то заподозрила. Должно быть, военная выправка моих спутников вызвала ее опасения. Она быстро сняла шаль и, громко крича, изо всех сил принялась махать

ею. Савари с проклятием пришпорил лошадь. Мы с Жераром помчались за ним.

Мы прибыли вовремя: до ворот мельницы оставалось не более ста шагов, когда какой-то человек выбежал из дома и воровато огляделся. По черной всклокоченной бороде, по массивной фигуре с сутуловатыми плечами я сразу узнал Туссака. Он понял, что мы не дадим ему бежать; бросившись обратно в дом, он с шумом захлопнул за собою тяжелую дверь.

— В окно, Жерар, в окно! — крикнул Савари.

Молодой гусар спрыгнул с седла и ловко проскользнул в маленькое

окно. Через минуту он распахнул дверь; его руки и лицо были в крови.

— Он убежал по лестнице, — сказал Жерар.

— Что ж, можем не торопиться: теперь ему от нас не уйти, — заявил Савари. — Кажется, Жерар, вам перепали первые изъятия восторга Туссака по поводу нашей встречи? Надеюсь, вы не опасно ранены?

— Пустячные царапины, да и только!

— Где же мельник?

— Здесь он я, — сказал коренастый лохматый мужик, появляясь в дверях. — Что ж это делается? Что за шум? Вы, господа

хорошие, врываются ко мне на мельницу, точно какие разбойники! Я сижу себе спокойно и трубку курю, как нате вот, ко мне через окошко вламывается человек, осыпает меня осколками стекул да открывает дверь товарищам своим. А те уж поджидают снаружи! Я и без того сегодня натерпелся от сваго жильца, а тут аж целых трое!

— В твоём доме скрывается злоумышленник! Его зовут Туссак.

— Какой такой Туссак? — оторопело спросил мельник. — Да куды там! Его Морис звать, торговец шелком он.

— Его-то нам и надо. Мы действуем по приказу императора!

У мельника лицо вытянулось.

— Уж не знаю, кто он таков, но за ночлег предложил плату хорошую. Я и оставил его в покое, и расспрашивать ни про что не стал. В наше время от каждого постояльца пачпорта не потребуешь. Но коль вы явились по приказанию аж самаво императора, то я, вестимо, мешать вам не стану. По правде сказать, Морис этот был жилец образцовый. Вот только нонешним утром, как он письмо получил, штой-то в башку ему ударило.

— Что ты болтаешь, какое письмо? Говори правду, бездельник, не то и тебе несдобровать!

— Бумашку ему принесла какая-

то баба. Я, барин, и так говорю все, что знаю. Он как ее прочитал, так точно и рехнулся. Ох, и натерпелся ж я страху! До самаво вечура он буйствовал, все грозился убить кого-то. Уж и не чаю, кады он уберется отседова!

— Проверьте свои пистолеты, — сказал Савари, обнажая саблю. — Тут нет ни одного окна, ему не уйти. Мы быстро с ним справимся!

Узкая винтовая лестница вела на маленький чердак. Остатки дров и подстилка из соломы указывали, что Туссак скрывался именно здесь. Но его не было, очевидно, он спустился по другой лестнице. Мы последовали по ней и уперлись в массивную,

тяжелую дверь.

— Сдавайтесь, Туссак! — крикнул Савари. — Бежать не удастся!

Из-за двери раздался хриплый смех.

— Как бы не так! Хотите, заключим уговор? У меня есть маленькое дельце, которое обязательно нужно обделать нынче ночью. Если вы оставите меня в покое, завтра я сам приду к вам в лагерь и сдамся. Мне нужно заплатить должок; и я только сегодня узнал, кому именно.

— Вы просите невозможного!

— Поверьте, это избавит вас от многих неприятностей.

— Мы не можем дать вам отсрочку. Сдавайтесь!

— Еще чего! Чтоб взять меня, вам придется попотеть!

— Вам не скрыться. Сдавайтесь! Ну-ка, наляжем на дверь!

В замочной скважине сверкнула вспышка, раздался короткий сухой звук пистолетного выстрела, и пуля, прожужжав рядом с нами, впиалась в стену. Мы сильнее налегли на дверь; от времени она обветшала и скоро поддалась нашим усилиям. Мы вломились в комнату с оружием в руках, но она была пуста...

— Куда его черт унес? — крикнул Савари, оглядываясь. — Ведь это последняя комната, других

тут нет.

Комната была пуста, если не считать нескольких мешков с рожью. Единственное окошко было распахнуто настежь, и возле него лежал еще дымящийся пистолет. Мы бросились к окошку и вскрикнули от удивления: расстояние до земли было настолько велико, что нечего было и думать выпрыгнуть отсюда, не рискуя сломать себе шею, но Туссак воспользовался тем, что телега с мешками хлеба стояла возле мельницы. Это уменьшило расстояние и ослабило силу удара. Но все равно удар был настолько силен, что Туссак не смог сразу подняться и, с трудом переводя

дыхание, лежал на груди мешков.

Услышав наши восклицания, он взглянул на нас, погрозил нам кулаком, тяжело спрыгнул с телеги и, вскочив на лошадь Савари, помчался через холмы. Его черная борода развевалась по ветру. Выстрелы, посланные вдогонку, не причинили ему вреда. Едва ли надо говорить, что мы поспешили сбегать вниз по шаткой, скрипучей лестнице. Минута, другая — и вот мы с Жераром уже верхом; но этого времени Туссаку оказалось вполне достаточно, чтобы отъехать на довольно большое расстояние, так что всадник и лошадь на зеленом фоне холмов казались мелькающей

черной точкой.

Вечер уже окутывал землю, а расстояние между нами и Туссаком пока не сокращалось; если бы он свернул на соляное болото, мы бы наверняка потеряли его след, ведь он знал местность намного лучше нас. Но он не менял направления. На одно мгновение нам почудилось, что Туссак повернул к болоту; но нет, он ехал между холмами.

Я положительно недоумевал, куда он несется очертя голову. Он ни разу не оглянулся на нас, а неуклонно мчался вперед, как человек, спешащий к заветной цели. Лейтенант Жерар и я были легче, чем Туссак, а наши лошади ни в чем

не уступали его, и наконец-то мы начали его нагонять. Если бы холмы не заслоняли его от нас, то мы бы вскоре его догнали.

Однако то, чего мы так боялись все-таки случилось. Мы находились уже не более как в ста метрах от него, когда сбились со следа. Туссак исчез за поворотом дороги.

— Вот здесь какая-то дорога ведет налево! Скорее сюда! — в азарте погони крикнул Жерар.

— Подождите! — крикнул я. — Здесь другая дорога направо, он мог поехать и по ней!

— Ну так вы поезжайте туда, а я сюда.

— Погодите, я слышу стук

копыт!

— Да-да, вот его лошадь!

Высокая вороная лошадь, в которой мы сразу узнали лошадь Савари, выскочила из густых зарослей терновника, но седока на ней не было.

— Он спрятался в кустарнике, — предположил я.

Жерар слез с лошади и, держа ее в поводу, углубился в кусты. Я последовал его примеру. Заросли кончились, и мы очутились в меловом карьере.

— Никаких следов! — сказал Жерар. — Он ушел от нас!

И тут я все понял. Бешенство Туссака, его гнев, вызванный, по

словам мельника, утренняя
письмом, объяснялись тем, что он
узнал, кто предал их в ту роковую
ночь. У Туссака, возможно, уже были
смутные подозрения, а письмо их
окончательно подтвердило.
Неслучайно он пообещал сдать
завтра утром: ему нужно было время,
чтобы отомстить моему дяде! Ради
этого он и приехал в меловой карьер.
Несомненно, здесь находился тот
самый подземный ход, что вел в
замок Гробуа. Туссак, вероятно, не
раз пользовался им для тайных
встреч с Бернаком.

Я дважды ошибся прежде, чем
обнаружил вход в подземелье.
Поиски заняли довольно много

времени, и даже отставший Савари успел пешком присоединиться к нам; привязав лошадей поблизости, мы ступили под низкие своды подземного хода и в полном мраке наощупь двинулись вперед.

Когда в прошлый раз я шел здесь с дядей, путь мне не показался таким длинным, потому что у дяди был с собой факел, но в кромешной тьме коридор представлялся нескончаемым. Шедший сзади Савари любопытствовал, сколько же еще миль осталось ползти по этому кротовому лазу.

— Тсс! — прошептал Жерар. — Там кто-то есть!

Затаив дыхание, мы

прислушались. Далеко впереди закрипела дверь.

— Он, он, — порывисто прошептал Савари, — негодяй здесь, я уверен! Теперь он в наших руках!

Но тут я вспомнил, что дядя открывал дверь, ведущую в замок, каким-то совершенно особым способом.

По скрипу открывавшейся двери я понял, что Туссак знал этот секрет. Но если он запер ее за собой?! Я вспомнил величину и прочность железных засовов. Да, в самый последний миг, когда мы находились у цели, эта дверь могла оказаться неодолимой преградой. Мы ускорили шаг, и я вскрикнул от радости:

впереди разливался мерцающий желтоватый свет. Значит, дверь была отворена! Туссак, опьяненный жаждой мести, забыл о своих преследователях. Мы взбежали по винтовой лестнице, благополучно миновали вторую дверь и очутились в замке, в коридоре, по-прежнему освещенном одной свечой.

Внезапно тишину пронзил вопль — долгий, мучительный вопль страха и боли.

— Спасите! Спасите! Он убьет его! Убьет! — В коридор выбежала служанка и бросилась к нам. — Помогите, помогите! Он убьет месье Бернака!

— Где он? — крикнул Савари.

— Там, в библиотеке! Дверь за зеленым занавесом!

Снова раздался отчаянный крик, перешедший в хрипение. Мы слышали, как что-то хрустнуло, словно сломанный хрящ... Один я понял значение этого звука. Мы кинулись в комнату, но и отважный Савари, и безгранично смелый гусар отпрянули при виде ужасной картины, которая предстала нашим глазам!

Когда убийца ворвался в библиотеку, дядя сидел за письменным столом, спиною к двери. Без сомнения, первый раз он закричал от ужаса, внезапно увидев подле себя косматую голову.

Парализованный страхом Бернак не мог подняться с кресла и продолжал сидеть спиною к двери. Второй раз он закричал, когда мерзкие ручищи вцепились ему в горло.

К нашему приходу все уже было кончено: голова дяди была свернута назад, и искаженное, налитое кровью лицо смотрело на нас. Я часто потом видел во сне это худое лицо с выкатившимися глазами, открытым ртом и свернутой шеей. Около убитого, скрестив на груди руки, стоял Туссак; он торжествовал.

— Как видите, друзья мои, — насмешливо сказал он, — вы малость опоздали. Я расплатился со своими долгами!

— Сдавайся! — крикнул Савари.

— Ну стреляйте, стреляйте! — ответил Туссак. — Думаете, я вас боюсь? Что, захотели взять меня живым? Куда вам, недомерки! Вот я вас!

Он схватил огромное кресло и, яростно им размахивая, двинулся на нас. Мы выстрелили, но пули не могли остановить сильного, как стихия, великана. Он не выпустил кресло и шел на нас. Кровь ручьями лила из его ран, и в конце концов силы изменили Туссаку. Он бросил кресло, оно упало на стол, раздробив его в щепки. Затем Туссак, уже совершенно обезумев, кинулся на Савари, подмял его под себя, и,

прежде чем мы успели остановить его, мертвой хваткой вцепился Савари в подбородок, намереваясь свернуть бедняге шею. Это чудовище, даже тяжело раненное, было сильнее нас всех, вместе взятых.

Мы с Жераром изо всех сил старались оттащить великана от Савари. Наконец Туссак выпустил Савари и стал отбиваться от нас. Он истекал кровью. Силы его таяли. С неимоверным трудом он поднялся на ноги, словно медведь, в которого со всех сторон вцепились собаки; его колени подогнулись, от бессильной ярости он закричал так, что в окнах задрожали стекла, потом он упал навзничь и остался недвижим. Точно

затравленный зверь лежал он на полу; его всклокоченная борода торчала кверху. Тяжело дыша, мы окружили великана, ожидая новой схватки. Но Туссак был мертв. Смертельно бледный Савари в изнеможении прислонился к стене. Он еще не мог оправиться от железных тисков убийцы.

— Словно с медведем боролся! — с трудом проговорил он. — Что же, во Франции стало одним опасным человеком меньше. Теперь император может быть спокоен. Чертовски смелый был человек!

— Какой солдат получился бы из него! — задумчиво проговорил

Жерар. — Ему в самый раз быть гусаром из Бершени. Да, зря он пошел против императора!

Я сел на диван. Силы мои иссякли, я чувствовал себя совершенно больным и разбитым. Савари предложил нам несколько глотков коньяку из своей походной фляги и затем, сорвав одну из занавесей, прикрыл ею ужасный труп дяди Бернака.

— Здесь нам делать больше нечего, — сказал он. — Я должен как можно скорее доложить обо всем императору. Господа, нужно взять с собой бумаги Бернака: они наверняка могут пригодиться для раскрытия других заговоров!

Мы собрали все документы, разложенные на столе. В числе их было и письмо, которое Бернак, вероятно, закончил, когда появился Туссак.

— Вот тебе раз! — воскликнул Савари, глядя на это письмо. — Да наш приятель Бернак был не менее опасным субъектом, чем сам Туссак. Вы только послушайте, что он пишет:

«Мой дорогой Катюль! Надеюсь Вас не затруднит прислать мне еще одну склянку с тою жидкостью, которую Вы вручили мне три года

назад. Я говорю о миндальном отваре, который не оставляет никаких следов. Он понадобится мне на будущей неделе. Умоляю Вас не перепутать! Вы всегда можете рассчитывать на меня, если Вам потребуется за чем-либо обратиться к Императору».

— Адресовано известному химику в Амьен, — сказал Савари, поворачивая конверт. — Так наш Бернак, в довершение всех своих добродетелей, был еще и

отравителем! Ума не приложу, для кого он готовил свой миндальный отвар...

— Да, весьма странно, — прошептал я.

Я не хотел объяснять, что отвар предназначался для меня. Как-никак, Бернак мой дядя, и к тому же он был мертв. О чем же теперь говорить?

Глава семнадцатая

Заключение

Генерал Савари отправился с рапортом прямо к императору в Пон-де-Брик, а мы с Жераром приехали ко мне, чтобы поболтать за бутылкой вина. Я думал застать Сибиллу, но, к моему удивлению, ее и след простыл, и никто не знал, куда она делась.

Ранним утром на другой день меня разбудил вестовой императора.

— Император желает видеть вас, месье де Лаваль, — сказал он.

— Где именно?

— В Пон-де-Брике.

Я знал: чтобы выиграть в глазах

Наполеона, ни в коем случае нельзя мешкать. Поэтому через десять минут я уже был верхом, а через полчаса примчался в замок. Поднявшись по лестнице, я вошел в комнату Жозефины, где был также и Наполеон.

Императрица возлежала на кушетке в очаровательном кружевном капоте с розовой подкладкой; Наполеон энергично шагал по комнате, одетый весьма непривычно. Так он обыкновенно одевался в редкие часы досуга. На нем был белый халат, пунцовые турецкие туфли; голова была повязана белым шелковым платком; платье придавало ему вид плантатора

из Вест-Индии.

По сильному запаху одеколона я понял, что Наполеон только что вышел из ванны. Он был в прекрасном настроении, которое передалось и Жозефине, так что меня встретили веселые, улыбающиеся лица. Трудно было поверить, что это доброе ласковое выражение лица, глаза, светящиеся гениальным умом, принадлежали тому же человеку, который несколькими днями раньше неистовствовал на вечернем приеме, оставляя за собой увлажненные слезами щеки и унылые, поникшие лица гостей.

— Славный дебют для моего

адъютанта! — сказал он. — Савари рассказал мне, что случилось вчера. Вы прекрасно справились с делом. Мне некогда заниматься пустяками, но вот моя жена будет спать спокойнее. Теперь она уверена, что Туссак уже не убьет меня.

— Да-да, это был ужасный человек! — воскликнула императрица. — Не менее опасный, чем Жорж Кадудаль. Да они оба были ужасные люди!

— Я родился под счастливой звездой, Жозефина, — сказал Наполеон, ласково глядя ее по голове. — Я вижу весь сбой жизненный путь и прекрасно знаю, что уготовила мне судьба! Ничто не

повредит мне до тех пор, пока я не исполню своего долга перед Францией. Арабы верят в судьбу, и они совершенно правы.

— Тогда к чему же все твои планы, раз все заранее предопределено судьбой?

— Значит, мне предопределено составлять планы, глупышка! Разве ты не видишь знака судьбы в том, что мой разум одарен способностью создавать планы? Я всегда загадываю по крайней мере на два года вперед, а сегодня, месье де Лаваль, я все утро обдумывал события, которые должны произойти осенью и зимой 1807 года. Ах да, кстати, ваша хорошенькая кузина добила-таки своего! Нет,

безусловно, она слишком умна, чтобы стать женой такого ничтожества, как этот Люсьен Лесаж. Он просил пощадить его хотя бы на неделю, а это, согласитесь, не особенно большая милость.

Я кивнул.

— С женщинами всегда так! Идеалисты и мечтатели увлекают их своим воображением. Подобно жителям Востока, они не понимают, что если человек умный и порядочный, то это совсем не значит, что он и красивый. Я, например, никак не мог заставить египтян поверить, что я более значительный генерал, чем Клебер, потому что тот обладал фигурой швейцара и

волосами парикмахера. Так и с этим злополучным Лесажем, которого женщины считают героем из-за его красивого лица и телячьих глаз. Как вы думаете, если она увидит, каков он на самом деле, она бросит его?

— Не сомневаюсь, ваше величество, потому что, насколько я знаю свою кузину, она не выносит трусости и низости.

— Э, как вы горячо заговорили, сударь мой! Уж не увлеклись ли вы своей хорошенькой кузиной?!

— Ваше величество, я уже имел честь сообщить вам, что...

— Но ведь невеста ваша там, далеко, за океаном, и многое могло измениться с той поры, как вы

расстались.

В дверях показался Констан.

— Его уже привели, ваше величество!

— Тем лучше! Жозефина, ты непременно должна идти с нами, потому что это больше касается тебя, чем меня.

Мы перешли в длинную узкую комнату с двумя окнами, занавеси на которых были опущены и почти не пропускали света. Около второй двери стоял мамелюк Рустам, а рядом с ним был тот, о ком мы только что говорили. От стыда Лесаж опустил голову. Когда вошел император, Лесаж задрожал как осиновый лист и испуганно

воззрился на нас. Наполеон остановился перед ним, слегка расставив ноги, и, заложив руки за спину, пронизал несчастного заговорщика долгим испытующим взглядом.

— Ну-с, милостивый государь, — сказал наконец император, — полагаю, вы достаточно обожгли пальчики и вряд ли снова близко подойдете к огню! Или вы собираетесь и дальше заниматься политикой?

— Если я буду помилован, то ваше величество на всю жизнь приобретет во мне самого преданного слугу, — пробормотал Лесаж, еле выговаривая слова.

Император хмыкнул в ответ на это лестное предложение, просыпав щепоть табаку на свой белый халат.

— В том, что вы говорите, есть доля правды, потому что человек, имеющий основание бояться, всегда служит хорошо. Но я очень строгий хозяин!

— Неважно, что вы потребуете от меня! Я все выполню, если только вы даруете мне прощение!

— Например, иногда я имею обыкновение, — сказал император, — женить людей, поступающих ко мне на службу, причем не по их желаниям, а исключительно по своему усмотрению. Согласны ли вы на это?

Внутренняя борьба отразилась на лице поэта, он всплеснул руками.

— Могу я просить вас, ваше величество?

— Вы ни о чем не смеее просить!

— Но есть некоторые обстоятельства, ваше величество!..

— Пожалуйста, довольно! — гневно крикнул император, поворачиваясь на каблуках. — Я не прошу указаний, я приказываю! Я желаю найти мужа для мадемуазель де Бержеро. Желаете ли вы жениться на ней или тотчас возвращаетесь в тюрьму?!

От волнения лицо Лесажа судорожно искривилось, он в

отчаянии ломал руки.

— Рустам, позвать стражу! — приказал император.

— Нет-нет, ваше величество, не отсылайте меня назад в тюрьму!

— Стражу, Рустам!

— Я согласен на все, я женюсь, на ком вы прикажете!

— Негодяй! — раздался вдруг чей-то голос. Занавеси одного окна раздвинулись и появилась Сибилла. Она побледнела от гнева, глаза сверкали ненавистью; высокая, стройная фигура моей кузины резко выделялась на фоне окна. Она забыла о присутствии императора, она забыла все от презрения к Лесажу!

— Мне показали ваше истинное

лицо, — с отвращением сказала Сибилла, — я не верила, не могла поверить, я даже не представляла, что на свете есть столь презренные люди! Мне обещали доказать, я согласилась и теперь сама увидела, кто вы на самом деле. Хорошо, что вовремя! Подумать только, ради вас я пожертвовала жизнью человека, в сто раз более достойного, чем вы! Да, я жестоко наказана! Туссак отмщен.

— Замолчите! — сердито прервал император. — Кон-стан, проводи мадемуазель Бернак в другую комнату. Что касается вас, сударь, я никогда не решусь связать судьбу ни одной из моих придворных

дам с вами! Хватит и того, что мадемуазель Бернак излечилась от своей безумной страсти. Рустам, уведите арестованного!

— Вот видите, месье де Лаваль — обратился он ко мне, когда уничтоженного Лесажа увели из комнаты, — мы славно поработали между кофе и завтраком. Это была ваша идея, Жозефина, и я положился на вас. А теперь мы хотим вознаградить вас, месье де Лаваль, за то, что вы подали блестящий пример эмигрантам-аристократам, и, конечно, за ваше участие в поимке Туссака. Вы получите жалованье, достаточное для того, чтобы жить сообразно со званием моего

адъютанта. Кроме того, я решил женить вас на одной из фрейлин императрицы.

Мое сердце сильно забилося при этих словах императора.

— Ваше величество! — едва выговаривая слова, произнес я. — Это невозможно!

— Я не позволяю долго раздумывать! Невеста ваша из прекрасной семьи и очень красива. Решено: ваша свадьба будет в четверг.

— Но это невозможно, ваше величество! — повторил я.

— Невозможно? Когда вы побудете на моей службе несколько долее, вы поймете, что я не переносу этого слова. Я говорю вам, что это

решено.

— Мое сердце принадлежит другой, ваше величество. Я не могу изменить моей клятве!

— Неужели? — спросил император. — Если вы настаиваете, то не рассчитывайте служить моим адъютантом!

Все мои планы и надежды рушились. Но что же мне оставалось делать?

— Эта минута самая тяжелая в моей жизни, ваше величество, — твердо сказал я, — но я останусь верен данному слову. Даже если бы мне пришлось сделаться разбойником на большой дороге вместо высокой чести быть вашим

адъютантом, я все же женюсь на Эжени де Шуазель или не женюсь совсем!

Императрица встала и приблизилась к окну.

— Так как вы продолжаете упорствовать, месье де Лаваль, — сказала она, — я хочу позволить вам взглянуть хотя бы одним глазком на мою фрейлину, от которой вы упорно отказываетесь!

Жозефина быстро откинула занавесь второго окна. Там стояла женщина. Она сделала несколько шагов и с радостным восклицанием бросилась ко мне и обвила мою шею руками. Я словно во сне, не веря самому себе, прижал ее к сердцу,

узнав нежные глазки моей Эжени. Я боялся, что это сон; пройдет мгновение — я проснусь, и Эжени исчезнет!

— Оставим их одних, — сказала императрица. — Пойдем, Наполеон! Мне грустно смотреть на них. Я вспоминаю былые дни на улице Шотрэн!

* * *

Вот и конец моего маленького романа. Как всегда, планы императора были приведены в

исполнение в назначенный день, и в четверг нас обвенчали. Всесильная рука императора сумела доставить сюда Эжени из кентского городка, чтобы окончательно привязать меня к его особе и возвысить свой двор присутствием представительницы стариннейшего рода де Шуазелей.

Через несколько лет после всего случившегося моя кузина Сибилла вышла замуж за Жерара, который за это время успел получить командование бригадой и был одним из известнейших генералов Франции. Я снова сделался владельцем нашего родового имения Гробуа, но воспоминания о моем отвратительном дядюшке и о его

страшной кончине навсегда омрачили для меня эти места.

Однако довольно обо мне и моей ничтожной жизни! Я пытался изобразить личность императора по собственным воспоминаниям. Из истории вы знаете, что, потеряв надежду овладеть Ла-Маншем и опасаясь вторжения врагов с тыла, Наполеон покинул Булонь. Вы также, вероятно, слышали, что во главе той же армии, предназначенной сначала для войны с Англией, он в один год одержал сокрушительную победу над Австрией и Россией^[3], а на следующий — разбил Пруссию.

Со дня моего поступления к нему на службу и вплоть до того

часа, когда он в последний раз совершил путешествие по Атлантическому океану, чтобы никогда больше не вернуться во Францию, я разделял его судьбу. Я возвысился при помощи той звезды, которая покровительствовала ему, и упал вместе с ним. И теперь, припоминая всю жизнь Наполеона, я не могу решить, был ли он для Франции добрым гением или демоном зла? Знаю одно: это был гениальный человек и все его поступки были настолько грандиозны, что к ним неприложима обыкновенная человеческая мерка.

Спи же спокойно в своей грандиозной гробнице во Дворце

Инвалидов, великий человек! Твое дело сделано, и властная рука, удержавшая Францию на краю гибели, давшая новое направление политической жизни Европы, обратилась во прах. Судьба тебя в своих целях возвысила; судьба же тебя и отвергла, но память о тебе, всемогущем маленьком императоре, живет и волнует умы людей, влияет на их поступки. Многие превозносили тебя, многие тебя осуждали, но я старался не делать ни того, ни другого. Я хотел быть только беспристрастным летописцем событий, происшедших в те дни, когда великая Армия, приготовившись покорять Англию,

находилась в Булони, а я, вернувшись из изгнания в свой замок Гробуа, сделался адъютантом Наполеона.

УДК 821.111–312.4

ББК 84(4Вел)-44

Д62

Конан-Дойль, Артур.

Тень Бонапарта / А. Конан-Дойль; [Пер. с англ. М.Б. Антоновой, П.А. Гелевы] — М.: Гелеос, 2007. — 384 с.

ISBN 5-8189-0653-1 (в пер.)

Удивительно — но факт! Среди произведений классика детективного жанра сэра Артура Конан-Дойля есть

книга, посвященная истории
Франции времен правления
Наполеона.

В России «Тень Бонапарта» не
выходила несколько десятилетий,
поскольку подверглась резкой
критике советских властей и попала
в тайный список книг, запрещенных
к печати. Вероятнее всего,
недовольство вызвала тема —
эмиграция французской
аристократии.

Теперь вы можете сполна
насладиться лихо закрученными
сюжетами, погрузиться в атмосферу
наполеоновской Франции и получить
удовольствие от встречи с любимым
автором.

© М.Б. Антонова, П. А. Гелева,
перевод на русский язык, 2006

© ЗАО «ЛГ Информэйшн Груп»,
2006

© ЗАО «Издательский дом
«Гелеос», 2006

Артур Конан-Дойль
ТЕНЬ БОНАПАРТА

Издатель *Н. Ушакова*

Художник *А. Акишин*

Дизайн обложки *Л. Григорян*

Технический редактор *В.*

Ерофеев

Верстка *С. Чорненъкий*

Корректор *О. Водовозова*

Подписано в печать 10.11.06.
Формат 84x108 ¹/₃₂. Доп. тираж
5000 экз. Заказ № 3191.

Общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.02.953.Д.006738.10.05 от
18.10.2005 г.

ЗАО «Издательский Дом
ГЕЛЕОС» 115093, Москва,
Партийный переулок, 1 Тел.: (495)
785-0239. Тел./факс: (495) 951-8972
www.geleos.ru

Издательская

лицензия

№ 065489 от 31 декабря 1997 г.

ЗАО «Читатель» 115093, Москва,
Партийный переулок, 1 Тел.: (495)
785-0239. Тел./факс: (495) 951-8972

Отпечатано в ОАО «Рыбинский
Дом печати» 152901, г. Рыбинск, ул.
Чкалова, 8.

notes

Примечания

Данное место и чуть ниже, где речь идет об огромной шпаге, весьма знаменательно: оно служит ключом к пониманию названия другого конан-дойлевского романа наполеоновского цикла — «Гигантская тень». Эта огненная шпага и отбрасываемая ею гигантская тень символизируют у Конан-Дойля смертельную опасность, нависшую над Англией. — *Прим. перев.*

Парюра (*франц.*) — дамский головной убор из драгоценных камней и кружев. — *Прим. перев.*

Автор имеет в виду битву при Аустерлице в 1805 г., когда французские войска под командованием Наполеона разбили русско-австрийскую армию под фактическим командованием Александра I (номинально ею командовал М.И. Кутузов). — *Прим. перев.*